

Материалы и исследования
по археологии Коломны и Коломенского края

В монографии описывается группа поселений железного века в низовьях Москвы-реки и среднем течении реки Оки. Характеризуются укрепления, вещевой набор, керамика так называемой коломенской группы памятников, которые сравниваются с другими локальными группами дьяковской культуры. Приводятся данные споро-пыльцевых исследований и радиоуглеродного датирования.

Издание предназначено для археологов, историков, краеведов.

© А. С. Сыроватко

Юго-восточное Подмоскowie в железном веке:

к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры

Рецензенты: к. и. н. И. В. Исланова,

к. и. н. В. В. Сидоров

Научный редактор: С. Григорян

Корректор: Л. Служитель

Перевод резюме: Ю. Чувиляева

Художественный редактор: В. Ерошенко

Комитет по культуре г. Коломны
МУ «Коломенский археологический центр»
Министерство образования Московской области
Коломенский государственный педагогический институт

А. С. Сыроватко

Юго-восточное Подмосковье
в железном веке:
к характеристике локальных вариантов
дьяковской культуры

Издательство CheBuk
20 – Москва – 09

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
История изучения дьяковских поселений в юго-восточном подмосковье	11
Топография и система расположения поселений	27
Укрепления городищ коломенской группы	41
Постройки поселений коломенской группы	93
Керамика дьяковских поселений коломенской группы	103
Вещевые находки с поселений коломенской группы	181
Палинологический аспект	205
Заключение	211
Резюме	216
Литература	222
Список сокращений	240
Таблицы	???
Иллюстрации	???

ВВЕДЕНИЕ

К. А. Смирнову, моему учителю

Настоящая работа посвящена памятникам дьяковского времени в юго-восточном Подмоскovie*. Изначально она задумывалась как некое обобщение, однако замысел этот со временем претерпел изменения. Во-первых, вынесенная в заглавие территория довольно обширна. Она включает в себя нижнее течение Москвы-реки (приблизительно до устья реки Отры), протяженный участок русла Оки, согласно современному административному делению протекающей через Луховицкий, Коломенский, Озёрский, Каширский, Серпуховский районы Московской области, а также памятники бассейна реки Осётр в её среднем и нижнем течении. Эта территория изучена неравномерно и, как показал опыт недавних исследований, не является однородной в культурном отношении. Памятники, расположенные ниже устья реки Москвы, исследованы крайне слабо, отдельная информация известна только по трем городищам — Коробчеевскому, Городецкому и Луховицкому I (Палецкому). Еще меньше сведений о памятниках Зарайской округи — за исключением небольшой коллекции керамики, собранной на селище Белый Колодец, об остальных памятниках известно только, что они там есть. Поэтому вряд ли уместно обобщать материалы с неоткрытых и нераскопанных поселений.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки МО, проект № 06-01-50108 а/ц «Ранний железный век юго-восточного Подмоскovie».

Во-вторых, в последние годы на этой территории были проведены интенсивные раскопки целого ряда ключевых памятников — большинства городищ Каширской группы, Ростиславля, Настасыно. Материалы исследований частично уже опубликованы, однако в большинстве своём ещё ждут печати. Новые данные продолжают поступать каждый сезон, делая любое обобщение преждевременным. По этой причине мы сосредоточились в основном на памятниках, активные работы на которых в последние годы не велись, а именно на поселениях, условно выделяемых в коломенскую группу, расположенную в низовьях реки Москвы и в москворецком течении Оки, от устья реки Осётр до Белоомута, тем самым сузив задачу. К этой же группе относится и Настасынское городище, результаты раскопок которого также ещё не опубликованы. В связи с этим наша работа не является сводом источников по археологии железного века всего юго-восточного Подмосковья, а, скорее, представляет собой дополнение к такому, не написанному пока своду.

Однако ограничить исследование только памятниками коломенской группы было бы неверно. Как для материалов раскопок Настасыно и Ростиславля необходим контекст, так и для определения культурной специфики локальных групп необходимы сопоставления с окружающей их средой. Такое сопоставление неожиданно для нас стало отдельной темой и, как кажется, привело к определенным результатам.

Временные рамки работы сознательно ограничены дьяковской культурой, оставившей памятники с сетчатой керамикой. Более позднее, позднедьяковское, время требует отдельного рассмотрения. Во-первых, перемены в материальной культуре, произошедшие в эпоху Великого переселения народов, значительны и преемственность между дьяковскими и позднедьяковскими древностями нуждается в обосновании. Во-вторых, среди памятников коломенской группы материалы позднедьяковского времени есть только на Протопоповском городище и селищах Щуровском (Усть-Матыра 2) и Усть-Матыре 1.

Территориально близок к этим трем памятникам еще и Ростиславль, на остальной территории находок позднедьяковского времени пока не обнаружено. В связи с этим мы посчитали целесообразным отложить рассмотрение позднедьяковских материалов, что называется, до лучших времен.

Хотелось бы выразить признательность всем, кто помогал в написании этой работы: В. В. Сидорову, И. В. Ислановой, взявшим на себя труд рецензирования, а также оказавшим дружескую поддержку; В. Ю. Ковалю, снабдившему материалом; художникам О. Н. Шестаковой, Н. Ф. Федоровой, сделавшим то, чего автор делать не умеет. Благодарим также палинологов — А.А.Алешинскую, М.В.Качанову и, особенно, руководителя группы Е.А.Спиридонову, оказавшую не только профессиональную, но и моральную помощь и поддержку. Появлению радиоуглеродных датировок автор всецело обязан Л.Д.Сулержицкому.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЬЯКОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПОДМОСКОВЬЕ

Самое раннее упоминание городищ коломенской группы относится к началу XIX века и связывается с именами таких исследователей дяковских памятников, как З. Я. Доленга-Ходаковский и К. Ф. Калайдович.

К. Ф. Калайдович в своих «Письмах к А. Ф. Малиновскому» называет в селе Городня по дороге от Коломны к Зарайску *«городок при протоке Чисторое, текущем в Осётр, обрытый валом, и имеющим один только вход с востока»*. Указывается также, что старожилы помнят на нём *«столбы от ворот»*. (Калайдович, 1823. Стр. 48). Конечно, едва ли столбы от ворот могли сохраниться с эпохи раннего железа, но в то время это никого не смущало. Городище Ростиславль считалось славянским памятником, упоминалось также городище в селе Городищи близ Коломны, расположенное на ровном месте и не имевшее следов укреплений.

У села Городец у Дединова, при впадении Панинского ручья в Пелинку, а также *«при впадении ручья в Воблю»* скорее всего указаны Городецкое (Старо-Городецкое) и Луховицкое-3 (АКР. 1997. Стр. 108) городища.

З. Я. Ходаковский, полемизируя с К. Ф. Калайдовичем, упрекал его в недостаточно подробном описании указанных городищ, помимо прочих называя *«городок уцелевший, виденный»*

им (Калайдовичем — С. А.) при речке Осёнке, тек. в Северку близ села Шкина и деревни Городища» (Ходаковский, 1837. Стр. 24). Речь идет, вероятно, о городище Юшково II (АКР. 1997. Стр. 88). Оба исследователя провели огромную работу по сбору первичных сведений, по-своему интерпретируя ее результаты, при этом представляется маловероятным, что ими велись какие-то раскопки.

В XIX веке издается немало путеводителей, авторами которых, помимо прочего, описываются различные памятники археологии. Примером таких путеводителей могут служить работы Николая Иванчин-Писарева (1843; 1845). Указания на древние памятники, которые могут относиться к эпохе раннего железа, содержатся также в трудах М. А. Саблина и Н. В. Любомудрова, впрочем они нуждаются в проверке (*Саблин*, 1879; *Любомудров*, 1874).

В конце прошлого — начале нынешнего столетия сведения о древних памятниках Коломенского уезда, опубликованные уже после войны, собирал С. К. Богоявленский, (1947). В его сводке также присутствуют указания на городища и остатки валов. Отдельные находки финно-угорского облика из окрестностей Ростиславля были опубликованы финским археологом Аспелиным. Место хранения их неизвестно (*Aspelin*, 1878).

По сути, до работ М. В. Талицкого применительно к рассматриваемой территории можно говорить лишь об эпизодических находках, но никак не о систематических исследованиях. Детальная разведка нижнего течения реки Москвы и коломенского течения реки Оки была первой серьезной работой, организованной Коломенским краеведческим музеем. В первой половине сентября 1936 года она была проведена М. В. Талицким (1936а; 1936б; 1936в; 1941) по заказу музея и при общем руководстве О. Н. Бадера (*Дьмова*, 1997). Тогда же были проведены небольшие по объему, но очень результативные раскопки Протопоповского городища (*Талицкий*, 1948). Результаты этих раскопок получили определенную известность еще до того, как были опубликованы (*Третьяков*, 1947. Стр. 62).

Из археологических памятников, открытых Талицким, к эпохе раннего железа относятся (*таблица 1*):

- Ростиславль — городище и селище;
- Сосновка — селище;
- Акатьево — позднедьяковское селище;
- Колычево I и III — позднедьяковские селища, Колычево II — раннедьяковское;
- Коробчеево — несколько (не меньше двух) позднедьяковских селищ и городища Коробчеево I и Коробчеево II, разрушенное уже на момент открытия;
- Селище у села Троицкие Озерки;
- Городище и селище у Погоста Красно;
- Мячковское, или Мячково-Луковское (в настоящее время больше известное как Настасьинское), городище;
- Городища I и II (Талицкий, 1941) — у села Юшково-Городище.

В 1935 году Н. П. Милонов провел обширные работы на городище в посёлке Городищи и в Коломенском кремле (городище «Блюдечко»), а двумя годами позже — на Ростиславле (*Милонов*, 1935; 1937). На Городищенском городище были вскрыты остатки сооружения, интерпретированного автором раскопок как землянка (*Милонов*, 1948). На «Блюдечке» также было открыто жилище, отнесенное к позднедьяковскому времени.

К сожалению, ничего не известно о деятельности К. Я. Виноградова, хотя с его именем связана первая попытка обобщения материала эпохи раннего железа среднего течения реки Оки. По сведениям Н. А. Кренке, около 1940 года, Виноградовым готовилась кандидатская диссертация на эту тему (*Кренке, Нефедова*, 1994). Из сообщений сотрудников Коломенского краеведческого музея известно, что К. Я. Виноградов первым приступил к раскопкам Городищ в 1935 году или, во всяком случае, собрал подъемный материал, в настоящее время составляющий часть экспозиции музея. Однако по каким-то причинам возглавил раскопки все-таки Н. П. Ми-

лонов; он же представил отчёт о раскопках (ситуация, насколько нам известно, повторилась и в Коломне в том же году). Судьба К. Я. Виноградова, как и С. К. Богоявленского, сложилась трагически (Формозов, 1998. Стр. 193, 203).

Таким образом, 30-е годы прошлого века явились важным этапом в изучении коломенских городищ; было открыто большинство известных в настоящее время памятников, на самых важных («Блюдечко», Коробчеево I и II, Протопоповское, Городищи) были проведены раскопки, до недавнего времени служившие единственным источником информации о них. Результаты этих работ нельзя оценивать однозначно: с одной стороны, интерпретация многих добытых материалов зачастую вызывает сомнения; так, например, трактовка сооружения, открытого Н. П. Милоновым на Городищенском городище, как землянки с очагами и глинобитной лестницей, скорее всего, ошибочна (смотри ниже). Недоказанной (скорее, маловероятной) остается и позднедьяковская принадлежность жилого комплекса городища «Блюдечко». С другой стороны, исследователи мыслили в русле представлений, господствовавших в науке тех лет, а небольшие по объему работы не давали материала для их пересмотра. Так, например, общепринятым считалось, что дьяковские древности оставлены финскими или финно-угорскими племенами, ассимилированными славянами. При этом под славянскими подразумевались древности курганного типа, а лепная неорнаментированная керамика с крупными примесями в тесте относилась к позднедьяковскому времени. И только сравнительно недавно эти взгляды были коренным образом пересмотрены. Мы не раз касались вопроса землянок. И на Городищенском, и на Протопоповском городищах наличие землянок не является достоверным — скорее всего, на интерпретацию объектов в раскопах повлияло впечатление, оставленное работами В. А. Городцова на Старшем Каширском и Огубском городищах (Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С., 2006а; 2006б).

Сразу после войны изучением местных древностей начинают активно заниматься краеведы: сотрудником Коломенского краеведческого музея А. И. Гужовым составляются археологические паспорта на многие памятники. Есть сведения и о том, что Городецкое городище заново открывается рязанским краеведом В. И. Зубковым в 1949 году (*Розенфельдт Р. Л.*, паспорт на Городецкое городище; *Судаков, Челябинов*, 1998).

Следующий период изучения приходится на конец 1950-х годов. Р. Л. Розенфельдт и А. А. Юшко в течение почти тридцати лет проводили систематическое обследование состояния известных археологических памятников Московской области, а также разведку новых. Собранный материал был обобщен в 1973 году (*Розенфельдт Р. Л., Юшко*, 1973), однако разведки продолжались и после этого. Хотя «Список археологических памятников Московской области» содержал немало неточностей, это была чрезвычайно нужная работа. Отметим, что и А. А. Юшко, и Р. Л. Розенфельдт, неоднократно посещая некоторые памятники, почти не проводили шурфовок, как правило, ограничиваясь сбором подъемного материала.

Протопоповское городище Р. Л. Розенфельдт осматривал в 1960 году, Коробчеевское и группу селищ — в 1960, 1977, 1986 годах. Городище Красно и так называемое святилище возле него — в 1979, 1980 и 1986 годах. Правда, в существовании городища на погосте Красно Р. Л. Розенфельдт (1986) сомневался и считал его средневековым селищем. Городище Городищи также осматривалось неоднократно, причем исследователем был описан городищенский вал, впоследствии уничтоженный (*Розенфельдт Р. Л.*, 1960; 1970). Проводилось также обследование и локализация городищ Юшково I, II (*Розенфельдт Р. Л.*, 1960; 1980) Федосьинских I, II (*Розенфельдт Р. Л.*, 1957; 1961; 1980), группы памятников у села Городни (Городня I, II), (*Розенфельдт Р. Л.*, 1970) Мячковского городища (*Розенфельдт Р. Л.*, 1960; 1974; 1977), Городца (1961; *Розенфельдт Р. Л.*, 1964). Старо-Голутвин монастырь обследовался на предмет обнаружения дьяковского поселения, найти

которое не удалось (*Розенфельдт Р. Л.*, 1985). Среди вновь открытых памятников можно назвать селище позднедьяковского времени Щурово (*Розенфельдт Р. Л.*, 1986). Практически на все вышеназванные памятники были составлены паспорта и сняты планы, к сожалению, не всегда точные. В конце 1980-х годов Р. Л. Розенфельдт подготовил к печати новую сводку памятников, расширенную и уточненную, однако опубликовать ее не успел (*Розенфельдт Р. Л.*, 1988).

Памятники Коломенского района также посещались А. А. Юшко с целью выявления степени сохранности и составления паспортов. Городище Красно обследовалось дважды. Во время второго посещения был собран интересный подъемный материал. Когда было проведено первое обследование памятника, неизвестно: автор указала 1970 год и сослалась на соответствующий отчет, однако никаких сведений о Красно он не содержит (*Юшко*, 1970; 1972). Осматривались также Мячковское городище, селища Акатьево I и II (*Юшко*, 1977), Ростиславль (*Юшко*, 1970); было открыто селище Северское, правда, первоначально только как древнерусское. В 1980 году на памятнике будет обнаружен дьяковский слой (*Юшко*, 1972; 1980).

Огромная работа была проведена старейшим коломенским краеведом М. Г. Савицким. К сожалению, многое из того, что им было сделано, не нашло отражения в литературе и отчетах. Михаил Георгиевич не являлся профессиональным археологом и не имел исторического образования. В науку он пришел уже в пенсионном возрасте, первые его самостоятельные работы были проведены в Калмыкии, в составе Сарпинской экспедиции (*Мазуров, Сыроватко А. С.*, 2004). М. Г. Савицкий снабжал информацией Р. Л. Розенфельдта и неоднократно участвовал с ним в обследовании коломенских поселений. Самостоятельные исследования на коломенских памятниках он начал в 1982 году, сначала обследовав, а затем проведя охранные раскопки на группе памятников Коробчеево. Поводом для проведения работ послужило начало строитель-

ства моста через реку Оку, насыпь которого перекрывала древние поселения (*Савицкий*, 1982; 1983; 1984). Была обследована периферийная часть городища Коробчеево I, а также на значительной площади (200 м²) изучен слой одного из селищ, содержащий материалы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Изученный на месте селища вятичский могильник автор раскопок посчитал финно-угорским (*Савицкий*, 1984). Исследования городища Коробчеево I были продолжены М. Г. Савицким в 1992 году, когда в ходе охранных работ были подробно изучены городищенские укрепления.

В 1986 году он же провел небольшие по объему раскопки на Городецком городище (Старый Городец), в результате которых удалось получить сведения о характере поселения (*Савицкий*, 1986).

В 1989–1990-х годах М. Г. Савицкий приступил к охранным исследованиям в Коломенском кремле, положив начало планомерному изучению этого интересного памятника (*Мазуров*, 1998, *Савицкий* 1989а; 1990). Материал дьяковского времени позволил удревнить поселение «Блюдечко» — до этого дославянское поселение считалось позднедьяковским, не содержащим сетчатой керамики (сетчатая керамика, видимо, попадалась и Н. П. Милонову, но он почему-то не обратил на нее внимания — *авт.*). М. Г. Савицкий собрал немало сведений и по многим другим городищам, например Протопоповскому, Красно, и целому ряду Луховицких памятников, но большая часть этих материалов осталась неопубликованной. Так, например, были обнаружены дьяковские поселения на улице Олений Вражек (город Коломна), у железнодорожного моста через реку Москву (город Коломна)* и в селе Северском, — последнее независимо от А. А. Юшко (*Сыроватко А. С.*, 1997а). В инициативном порядке обследовалось и поселение в Старо-Голутвином монастыре (*Савицкий*, 1982б). Во время предыдущих раскопок на его территории был обнаружен культурный слой, относящийся к первоначальному поселению на месте памятника, но датировать его тогда не удалось (*Алешковский*, 1970; 1971).

* Документированных доказательств существования этих двух памятников не сохранилось.

Р. Л. Розенфельдт (1985), пользуясь материалами М. Г. Савицкого, поселения эпохи раннего железа в монастыре также не нашел (по-видимому, ему помешала промышленная свалка на месте памятника, возникшая к моменту проведения разведки. Тем не менее существование поселения с лепной керамикой (боршевского типа и дяковской) на месте монастыря представляется бесспорным.

Помимо археологических изысканий М. Г. Савицкий активно занимался топонимикой (*Савицкий*, 1989; 1993; 1994). Его объяснения происхождения многих гидронимов Окского бассейна чрезвычайно интересны, хотя, на наш взгляд, не всегда бесспорны. Вообще, М. Г. Савицкий представлял собой яркий пример краеведа со всеми его достоинствами и недостатками этой категории исследователей. Чрезвычайно энергичный и деятельный, добродушный и общительный, он поддерживал постоянные контакты с Р. Л. Розенфельдтом, К. А. Смирновым, чья смерть произвела на него тяжелое впечатление, А. Г. Векслером и многими другими коллегами — историками и филологами из Эстонии, Норвегии, Узбекистана и других стран. По сути, именно Михаил Георгиевич стал основателем профессиональной археологии в самой Коломне.

80–90-е годы XX века характеризуются активизацией исследований поселений Коломенской группы. В 1984 году разведку реки Коломенки провела Е. С. Захарова (1984). С 1989 года ведутся регулярные раскопки в Коломне, которые после М. Г. Савицкого возглавил А. Б. Мазуров. В результате накопился материал по поселению «Блюдечко», достаточно полно его характеризующий (*Мазуров*, 1998; *Мазуров, Сыроватко А. С.*, 2006). В 1988 году разведку левого берега реки Оки провёл В. В. Сидоров, открывший несколько новых дяковских поселений (1989).

С начала девяностых годов В. Ю. Коваль проводит разведки на стыке Коломенского, Озёрского и Луховицкого районов, а также охранные раскопки Ростиславльского городища. Результатом стало обнаружение большого количества новых

памятников, в том числе дьяковского и позднедьяковского времени (Коваль, 1993а; 1994; 1997а). На селище Щурово были открыты остатки жилища и погребение, отнесенное автором раскопок к дославянскому времени.

Вплоть до середины 1990-х годов весь юго-восток Подмосковья археологически оставался слабо изученным. Памятников было открыто много, однако общая исследованная на них площадь не увеличивалась. Сведения о самих памятниках попадали в крупные обобщающие работы (Третьяков, 1966а. Рисунок 31; Горюнова, 1961, карты; Смирнов К. А., 1974), но это были лишь упоминания поселений, почти никакие материалы раскопок в них не использовались, за исключением публикации наблюдений М. В. Талицкого и некоторых находок Н. П. Милонова из Городищ. Собственно, и материалов-то было мало, регион оставался «белым пятном», хотя некоторые важные выводы, например о границе между дьяковской и городецкой культурами или границах финно-угорского и балтского расселения, в литературе звучали (Третьяков, 1966. Стр. 286 и следующие). Не имея достаточно фактических данных, их можно было делать только умозрительно.

Ситуация резко изменилась со второй половины 1990-х годов. Причем изменилась настолько, что в настоящее время данный регион стал, пожалуй, одним из самых исследованных. Раскопки автора среди прочих не особенно велики по объему. В 1996–1998 годах нами были проведены охранные работы на Городищенском городище: памятник получил сильные повреждения в результате начавшегося было на нем коттеджного строительства. Заслуга в прекращении стройки принадлежит М. Г. Савицкому, а раскопы на поврежденных участках исследовались автором (Сыроватко А. С., 1998). Параллельно с Городищенским городищем были предприняты обследования городищ Протопоповское (1996), Погост Красно (1997), Городна I, Берхино II (1998). Намечая работы на этих памятниках, мы следовали определенному плану, стремясь, во-первых,

охватить опорные памятники Городищи и Протопопово, для того чтобы с привлечением естественно-научных методов, в первую очередь палинологического и радиоуглеродного, впоследствии сформировать первичные коллекции. Во-вторых, нам было важно обследовать крайние точки данного региона — Городну I и Погост Красно. Перспективными считались также окские городища правобережья — Алпатьево I и II, Бастанова Гора, Палецкие I и II городища. Однако руки до них в итоге так и не дошли. Все перечисленные памятники находились в крайне плохом состоянии. Жилые площадки Красно, Протопопово, Коробчеево были разрушены могильными перекопами, непо потревоженного слоя на них, видимо, не осталось. Именно это обстоятельство заставило нас сосредоточиться на изучении укреплений этих городищ, в результате чего был получен интересный материал. Городище Городна также было сильно испорчено распашкой и застройкой, но укрепления его мы исследовали уже целенаправленно. Общая вскрытая площадь на этих памятниках редко превышала 20 м², только на Городищенском городище составив около 200 м². На фоне развернувшихся затем работ в Настасьино это мало. Однако все перечисленные памятники испорчены настолько, что больше на них исследовать было нельзя. Вместе с тем именно они сформировали контекст материалов Настасьинского городища. Кроме того, все исследования сопровождались отбором образцов для пыльцевого и радиоуглеродного анализов. В результате появилась серия радиоуглеродных дат и опорные палинологические колонки.

В связи с угрозой попадания периферийной части Мячковского городища в зону строительства автодороги «Урал» А. В. Энговатовой в 1989 и 1993 годах была проведена шурфовка памятника, а в 1999–2000 годах северная часть городища (в настоящее время она занята полотном дороги) была раскопана полностью (Энговатова, 1990; 1993). Исследовательница посчитала целесообразным сменить название городища на Настасьино, и к настоящему времени

это наименование за памятником закрепилось, а само городище превратилось в один из опорных памятников дьяковской культуры. Значительная вскрытая площадь, изученные — с напольной стороны полностью — рвы и вал, огромные по объему естественно-научные работы — все это позволило получить корпус материалов, качество которого по некоторым направлениям несопоставимо с раскопками прежних лет. Одно только использование металлоискателя ставит под сомнение полноту выборки ювелирных изделий и отходов литья из слоя других памятников. Вместе с тем следует отметить состояние самого культурного слоя этого поселения: сравнительно небольшая мощность (особенно на фоне Дьякова городища), турбированность, плохо сохранившийся вал — все это заставляет с осторожностью судить о некоторых аспектах истории городища. Тем не менее Настасьинское городище в настоящее время следует считать одним из самых качественно исследованных памятников, а собранная на нём коллекция восполнила ощущавшийся до начала раскопок пробел в материале. Настасьинские материалы уже легли в основу диссертационного исследования И. А. Сапрыкиной (2007).

С завершением работ на Настасьинском городище исследование на коломенских городищах практически прекратилось. Дьяковские поселения попадали в зону внимания исследователей лишь эпизодически, в основном в ходе работ по другим направлениям. Новый материал был иного качества: вместо памятников с обильными находками все чаще стали исследоваться объекты, обнаружить которые, в силу скудости слоя, можно было только случайно. Однако именно такие местонахождения, в ряде случаев представленные единственными (!) фрагментами керамики, дополняют сведения о хозяйственной округе крупных поселений. Так, в ходе разведок автором были обнаружены новые памятники с сетчатой и лепной гладкостенной керамикой — местонахождение Конев Бор (1998), стоянка Набережная в Щурово (2001), стоянка Зарудня (2006) и Молитвинское селище (2001). Новые местонахожде-

ния дьяковской керамики были выделены по материалам раскопок селищ Лысцево (2005) и Цемгигант II (2006) (*Сыроватко А. С.*, 2007в; *Черкасов*, 2008б. Стр. 240). С 2001 года стационарно исследуется позднедьяковское селище Шурово, на котором были обнаружены артефакты собственно дьяковского периода. Дьяковский материал, а также керамика и находки времени финальной бронзы были найдены А. Б. Мазуровым и А. Л. Высоцким в ходе работ в Старо-Голутвином монастыре в 2001 году (*Мазуров, Высоцкий*, 2002). Новые раскопки в Коломне и полученные в их ходе находки позволили точнее локализовать границы дьяковского поселения «Блюдечко» в Коломенском Кремле (*Мазуров, Сыроватко А. С.*, 2006). В 2005 году В. В. Черкасовым было открыто новое поселение по улице Малая Запрудная города Коломны (2006. Стр. 262). Однако эти работы оставались эпизодами на фоне основных исследований, развернувшихся на Оке выше Коломны. С 1998 года коллектив под руководством В. Ю. Ковалья ведёт раскопки непосредственно на дьяковском участке слоя Ростиславльского городища. До этого момента отдельные находки и керамика железного века на памятнике встречались, но целенаправленного исследования дьяковского слоя не проводилось. Раскопки Ростиславля отличаются особой тщательностью. Если работы в Настасьино можно считать образцовыми охранными раскопками, то исследования Ростиславля стали примером академических работ. Культурный слой Ростиславля и его вал сохранились сравнительно неплохо, в слое читаются следы построек, нижние горизонты хорошо стратифицированы. Ростиславль на основе предварительных данных долгое время причислялся нами к поселениям коломенской группы, однако наша точка зрения после появления новых материалов должна быть скорректирована. Значение Ростиславля состоит еще и в том, что это поселение с округой заполняет лакуну между коломенскими и каширскими городищами.

Другим дьяковским памятником, исследуемым Ростиславльской экспедицией, стало селище Сосновка IV (*Коваль*, 2004;

Сыроватко А. С., 2005б). Значение небольшой коллекции, собранной с памятника, мы попытаемся раскрыть ниже, в разделе «Керамика», но заметим, что ее информационный потенциал не так уж мал.

Еще одним массивом источников по истории железного века юго-восточного Подмосковья стала так называемая каширская группа памятников. Раскопки Старшего Каширского городища были возобновлены К. А. Смирновым и В. В. Сидоровым в 1997 году (*Сидоров, Смирнов К. А.*, 1999), что сразу же привело к довольно неожиданным результатам. После смерти Кирилла Алексеевича работы были продолжены В. В. Сидоровым и О. А. Лопатиной (*Сидоров*, 2002; 2004; *Лопатина, Сидоров*, 2003). Отметим, что исследования в этом микрорегионе носят системный характер: помимо Старшего Каширского городища раскопки ведутся на Мутёнковском, Корыстовском, Огубском городищах и ряде селищ. В результате своеобразия каширских материалов было подтверждено сразу несколькими памятниками. В. В. Сидоров даже поднял вопрос о выделении так называемой каширской культуры и призвал исключить Старшее Каширское городище и его округу из числа собственно дьяковских памятников. Для нашего исследования каширские материалы чрезвычайно важны. Эта группа памятников позволила наконец очертить границу коломенских поселений, чья дьяковская атрибуция пока, слава Богу, ни у кого сомнений не вызывает.

Юго-восточное Подмосковье, безусловно, не ограничивается одной только коломенской группой памятников. Мы не можем обойти вниманием еще один крайне слабо исследованный регион юго-востока — бассейн реки Осётр. В конце 1990-х годов в этом регионе Е. В. Леоновой была исследована мезолитическая стоянка Белый Колодец (город Зарайск), в слое которой был обнаружен материал дьяковского времени и середины — второй половины I тысячелетия нашей эры (*Сыроватко А. С.*, 2007а). Помимо стоянки было также обнаружено новое дьяковское городище на соседнем с Зарайским кремлем

мысу (Селезнев, 2002). Оба эти памятника дали также чрезвычайно любопытный для сопоставления, с нашей точки зрения, материал. Увы, в настоящее время более определенно судить о памятниках Зарайской округи не представляется возможным: некоторые из них известны благодаря разведкам прошлых лет (Розенфельдт Р. Л., 1964; Розенфельдт Р. Л., Юшко, 1973; АКР, 1997), однако раскопки на этих поселениях не проводились.

До начала раскопок на Ростиславле и на каширских памятниках граница коломенской группы, по существу, не была обоснована из-за отсутствия материала для сравнения. Теперь такой материал появился, что сделало локальные группы памятников и границы между ними более реальными.

Интенсификация исследований дьяковских древностей в данном регионе повлекла за собой и появление первых обобщений. Собственно, первым обратил внимание на своеобразие поселений нижней Москвы и средней Оки Н. А. Кренке. Сопоставив материалы Дьякова городища с синхронными комплексами Протопоповского, опубликованными М. В. Талицким, он пришел к выводу о значительно более продолжительном бытовании на коломенских памятниках сетчатой керамики, в то время как на Дьяковом городище и его округе она выходит из употребления (Кренке, 1987. Стр. 127). Первое обобщение сведений о коломенских поселениях было написано значительно раньше, чем увидело свет (Сыроватко А. С., 1999а), поэтому результаты раскопок второй половины 1990-х годов в него не попали. Соответственно, выделение локальных особенностей рассматриваемой группы памятников, которое будет сделано позже, не произошло (Сыроватко А. С., 2001а; 2001б). Историографический обзор, доведенный до 1999 года, опубликовался отдельно (Сыроватко А. С., 2001в). Н. А. Кренке, с учетом наших данных, был составлен свод дьяковских памятников бассейна Москвы-реки, в котором присутствуют и коломенские городища, расположенные по реке Москве и ее притокам (Кренке, 2000). В этом контексте сможем также назвать работу М. Г. Гусакова, в которой была предпринята попытка

учесть все или почти все поселения дьяковской культуры (Гусаков, 2005).

Исследование дьяковской керамики поселений юго-восточного Подмосковья стало еще одним направлением камеральных работ. Собственно, выделение локальных особенностей городищ коломенской группы произошло в том числе и на основании анализа керамики. Помимо этого, нами была предпринята попытка установить общую хронологию отличительных признаков для керамических комплексов (Сыроватко А. С., 2000). В работу на этом направлении включился целый коллектив, привлеченный к обработке коллекции Настасьинского городища. Расширение круга исследователей способствовало выработке новых методических подходов и взаимопроверке выводов. Результаты этой работы подготовлены к печати и частично опубликованы (Лопатина, 2002; в печати; Сыроватко А. С., Сидоров, в печати). Началось и исследование керамики каширской группы памятников, представившее материал для сравнения с другими микрогруппами. В целом работа с дьяковской керамикой разными исследователями продолжается, и это радует: по крайней мере здесь не наблюдается столь часто встречаемой замкнутости одного исследователя или коллектива на узкой проблеме или источнике.

ТОПОГРАФИЯ И СИСТЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Юго-восточное Подмоскowie — территория, занимающая среднее течение реки Оки и нижнее течение реки Москвы, расположена в центре Русской равнины. Большую часть региона занимает так называемая Нижнемоскворецкая озёрно-ледниково-моренная равнина, включающая бассейны рек Северки, Отры и Коломенки. Выше устья реки Осётр по Оке располагается Приокская моренно-эрозионная равнина, а левый берег Москвы и левый берег Оки, ниже устья реки Москвы, занимает Мещерская низменность.

Рельеф представлен моренно-ледниковой равниной, занимающей правый берег реки Северки и бассейн Коломенки, и моренно-эрозионной равниной в Приокском районе. Рельеф левого берега Москвы-реки — моренно-зандровая равнина (*Очерки экологии Подмоскowie*, 1998. Стр. 39).

В геологическом строении района принимают участие известняки, доломиты, мергели и глины среднего и верхнего карбона, юрские меловые пески и глины. Коренные породы перекрыты днепровской мореной (*Очерки экологии Подмоскowie*, 1998. Стр. 40). Известняки в целом ряде мест залегают неглубоко и примерно с XIV века используются в качестве строительного и облицовочного материала. Наибольшую известность получили Коробчеевское и Щуровское

месторождения так называемого Мячковского горизонта, длительная разработка которых привела к сильному разрушению площадок целого ряда крупных городищ — Протопоповского, Коробчеевского I, Погоста Красно, а также к исчезновению значительного числа других поселений, из которых только часть была зафиксирована разведками 30-х годов, — это селище Красно, группа селищ Коробчеево и городище Коробчеево II.

Абсолютное большинство памятников юго-восточного Подмосковья располагается на таких крупных реках, как Ока и Москва (рисунок 1). Ока на участке от Озёр до Коломны течет в меридиональном направлении, ниже Коломны — в широтном. Правый берег Оки в районе Озёр и до устья Осётра крутой, сложен известняками и глинами. Ниже устья Осётра он понижается, имеет широкую пойму, левый берег на этом участке, напротив, высокий. Почти все поселения Оки оказываются приуроченными к высоким берегам, попеременно располагаясь то на правом, то на левом берегу. Только в единичных случаях (Щурово и Городец) поселения занимают дюны на низких участках правого берега*. Река Москва имеет крутой правый берег, на котором расположены почти все москворецкие поселения.

Юго-восточное Подмосковье относится к пограничной зоне лесов и лесостепей, однако в эпоху раннего железа природно-климатические условия отличались от современных, что следует из результатов палинологического анализа (смотри ниже), подтверждающего, что в железном веке климат был более тёплым, чем в наши дни (*Спиридонова, Алешинская, 2004*). Любопытно, что на Оке в районе Коробчеево сохранились уникальные участки берега, занятые степной растительностью (*Смелов и другие, 2001*), которая является, по всей видимости, сохранившимся с эпохи бронзы реликтом.

* Не исключены также случаи, когда небольшие поселения могли оказаться затопленными, — к их числу, возможно, относится «пляжная» стоянка на ул. Набережная в Щурово и местонахождения у железнодорожного моста через реку Москву в Коломне (полигон артучилища). Подъемный материал с «Полигона», представленный льяловской и сетчатой керамикой, был собран из отвалов земснаряда, проводившего чистку русла реки Москвы, т. е. поселение оказалось под руслом реки. Подтвердить его существование нам не удалось.

Система расположения поселений

Еще первооткрывателем дяковских городищ З. Я. Ходаковским было замечено, что городища (необязательно дяковские) располагаются по особой системе. Он писал о том, что между городищами всегда есть *«известное расстояние от других городков, в 4, 6, 8 старых верстах или около того, смотря на полосу и почву земли и другие выгоды»*. Городища также *«находятся уединенно или порознь, и мне еще не случилось видеть двух или трех городков на одной версте, что с жильными или укрепленными местами издревле могло бы не редко встречаться»* (Ходаковский, 1837. Стр.11, 12).

С тех пор как в науке утвердилось мнение о том, что городища являются остатками укрепленных поселений, исследователи не раз обращались к вопросам, связанным с системой расположения поселений и с факторами, на нее влиявшими. Общепризнанным является то обстоятельство, что при выборе места для городища решающее значение имеет рельеф, облегчающий возведение укреплений. По этой причине чаще всего городища железного века занимают стрелки мыса при слиянии рек, оврагов, ручьев и тому подобное. К. А. Смирнов неоднократно высказывал мысль о том, что поселения на верхней Волге и в верховьях Москвы-реки *«расположены таким образом, что господствуют над местностью и видны на большом расстоянии»* (1994б. Стр. 89). Городища нижнего течения Москвы и среднего течения Оки, напротив, удалены от основного русла реки по притокам и ручьям, чтобы не быть заметными с воды (Смирнов К. А., 1991а; 1994а). По мнению Кирилла Алексеевича, это было связано с тем, что по Оке передвигались вооруженные группы, столкновение с которыми были нежелательны для местного населения. Со временем он отказался от этой идеи, заметив, что скрыть таким образом поселок сложно, а особенность расположения окских и нижнемоскворецких городищ объяснял тем, что мелкие реки и ручьи были удобнее для расселения и занятий сельским хозяйством (Смирнов К. А., 1994б. Стр. 6). Предположение К. А. Смирнова

о том, что для окских поселений характерно удаление от основного русла реки, на примере коломенских городищ подтверждается лишь частично. Так, наиболее тщательно спрятано городище Городна (Городня) I, также удалены от воды Кольчево II и Городец. Все прочие селища и городища дьяковского и позднедьяковского времени расположены непосредственно у воды: Ростиславль, Протопопово, Коробчеево I и II. Такая же картина наблюдается на Москве-реке и ее притоках. Таким образом, если отмеченная тенденция удаления поселений реки Оки от основного русла и присутствует, то для коломенских городищ она не очевидна. Возможно, удаление поселения от русла крупной реки связано со стремлением приблизить его к источнику чистой воды, поскольку для питья вода Оки и Москвы-реки малоприсгодна.

Исследователями неоднократно обращалось внимание на то, что поселения расположены группами, или гнездами. Традиционно такое расположение объяснялось родовой структурой дьяковско-городецких обществ. В. Г. Миронов высказал иную версию, объяснявшую расположение поселений гнездами, сводящуюся к тому, что городища (городецкие) и их группы тяготеют к месторождениям, богатым железными рудами, причем городища, как правило, располагаются на окраине месторождений, а селища — внутри (Миронов, 1971; 1995. Стр. 71).

К интересным выводам привел анализ систем расселения дьяковских и мерянских поселений сделанный А. Е. Леонтьевым. Рассмотрев структуру расположения дьяковских городищ и селищ в окрестностях озёр Неро и Плещеево, исследователь выявил центробежную тенденцию в их размещении: по его мнению, городища являлись центрами небольших локальных территорий, вполне автономных, при этом тяготевшие к городищам неукрепленные поселки из-за экстенсивных форм земледелия были недолговечными. (Леонтьев, 1994. Стр. 10; 1996). Что касается системы расположения поселений мери, то она настолько отличается от дьяковской, что это обстоя-

тельство послужило одним из аргументов в пользу смены населения в раннем средневековье (*Леонтьев*, 1996. Стр. 41, 42).

Структура расположения дьяковских поселений в бассейне реки Пахры также стала предметом специального исследования (*Гоняный, Кренке*, 1988). Кроме того, обстоятельно был изучен вопрос системы расположения поселений — спутников базового городища (*Гунова и другие*, 1996). С помощью детальной разведки окрестностей Дьякова городища удалось выявить очень плотную занятость территории вокруг базового поселения в радиусе трех километров — среднем радиусе округа дьяковского городища; при этом для некоторых селищ, основываясь на их топографии, удалось определить хозяйственную специализацию. Сама структура расположения дьяковских поселений, по мнению авторов, послужила дополнительным аргументом в пользу существования развитого земледелия в железном веке. Не все выводы были приняты коллегами, и в литературе даже развернулась дискуссия, в том числе и по этому вопросу (*Конецкий, Самойлов*, 2001; *Кренке*, 2004в. Стр. 55 и следующие). Кроме того, точка зрения на систему поселений, существовавшую в округе Дьякова городища, высказанная ранее, продолжает обрастать подробностями (*Кренке*, 2007).

Отдельный вопрос — выделение микрогрупп поселений. Применительно к коломенской группе памятников первая попытка такого выделения нами была предпринята в 2000 году (*Сыроватко А. С.*, 2001б). Определенная работа в этом направлении была также выполнена М. Г. Гусаковым (2005). С нашей точки зрения, результат ее сомнителен: автор сводки дьяковских поселений, по крайней мере для рассматриваемой территории не располагал достоверными данными ни о месте нахождения памятников, неверно нанося их на карту*, ни даже об их количестве (приведя менее половины от их реально известного числа). Поэтому выделение по крайней мере двух групп — XII и XIII — М. Г. Гусаковым, на наш взгляд, является умозрительным (*Гусаков*, 2005. Стр. 188, 189). Так, непонятно,

* Например, Погост Красно, оказавшийся на левом берегу реки Москвы (*Гусаков*, 2005. Том 2, Стр. 339–341).

почему группа XII ограничена руслами рек Отры и Коломенки, а памятники ниже устья Коломенки проигнорированы. Не получило должного внимания и то обстоятельство, что памятников в пределах города Коломны вообще известно мало (рисунок 2). Анализ материальной культуры также не дает оснований для какого-либо разделения поселений нижней Москвы-реки и Оки. То обстоятельство, что по берегам таких крупных рек, как Москва и Ока, наблюдаются участки концентрации поселений, имеет простое объяснение: наличие берегового рельефа, в большей или меньшей степени пригодного для основания городища.

Провести подобный анализ системы расселения коломенских памятников подобно тому, как это сделано для Дьякова городища, сложнее, во-первых, из-за сильной урбанизации окрестностей крупных городищ, а во-вторых, из-за недостатка сведений о мелких селищах. В связи с размахом новостроечных работ на территории Коломны и окрестностей ситуация постепенно меняется, и, хотя значительная часть вновь открытых памятников является всего лишь местонахождениями керамики, они позволят в перспективе существенно дополнить картину расселения и хозяйственного освоения рассматриваемой территории.

Наибольшее количество поселений открыто в окрестностях Городищенского городища в городе Коломне (*Мазуров, Сыроватко А. С.*, 2006). Разумеется, отнесение всех их к единому центру спорно, хотя альтернативный «центр» не обнаружен (рисунок 2). Часть этих селищ занимают прибрежные участки коренного берега. Таковы селище у церкви Иоанна Предтечи на Городище, Олений Вражек и местонахождение на селище Лысцево* (таблица 1, рисунки 1, 2). Особняком стоит местонахождение в селе Молитвино, занимающее высокий обрывистый мыс реки Костерки, полностью застроенный. Этот памятник, судя по рельефу, возможно, обладал укреплениями и не был связан с Городищенским городищем.

* Материал представлен одним мелким сетчатым фрагментом при вскрытой в ходе раскопок площади в 317 м².

Поселение «Блюдечко» расположено в верховьях овражной системы, впадающей в Москву-реку. Поселение на улице Малая Запрудная в Коломне также удалено от русла Москвы-реки и от русла реки Коломенки в среднем на 300 м. Плотная застройка участка не позволяет определить ландшафтную приуроченность памятника. По этим же причинам трудно судить и о топографии предполагаемых поселений у церкви Троицы-на-Репне и у полигона Коломенского артучилища.

По количеству селищ в округе городища заметно выделяется группа поселений Ростиславля и селища Сосновки на Оке (таблица 1, рисунок 1). Возможно также причисление к ним поселений левого берега — Озёр и Первой Каменки, а также группы селищ Смедово—Свиридоново. О большинстве этих памятников известно очень немного (в основном, это местонахождения керамики). Возможно, впрочем, что они представляли собой систему поселений, подобную той, что была выявлена в окрестностях Дьякова городища.

На реке Осётр обособляется группа памятников Городни — Берхино II — Бебихово I, IV (таблица 1, рисунок 1).

Ближе к устью Москвы-реки выделить какие-то группы сложнее. Несомненно, одну микрогруппу составляет группа поселений Коробчеево — городища I и II, Коробчеевское селище (на месте вятичского могильника, за внешним валом), Троицкие Озёрки и, возможно, Городец. Стоянку в Щурово на улице Набережной и поселение в Старо-Голутвином монастыре сложно соотносить с каким-либо центром: в пределах города Коломны берега рек Москвы и Оки заняты корпусами огромных заводов, и поиски поселений здесь малоперспективны.

Другую группу могли составлять Протопоповское городище, Щурово (Усть-Матыра 2) и селище Кольчево II. Впрочем, неизвестно, корректно ли объединять поселения, расположенные по разным берегам крупных рек. Щуровское селище могло также тяготеть к городищу Городна I, хотя и удалено от него на 9,8 километра.

* Местонахождение единичного фрагмента дьяковской гладкостенной керамики на селище Цемгигант-2 (вскрытая площадь 500м²) можно соотнести пока только с городищем Красно; расстояние между ними 2,7 км. (по прямой).

Обособлены также городище и селище Красно*, в отдельную группу можно выделить и Воскресенские памятники — Константиново, Маришкино, Городище (устье реки Отры).

Однако все эти построения весьма гипотетичны. Для выделения микрогрупп необходимо главное условие — сведения о сравнительной хронологии памятников. В противном случае не исключена вероятность того, что, например, из всего многообразия селищ Сосновки—Ростиславля одновременно не функционировало ни одно. Кроме того, территория была обследована весьма неравномерно, вследствие чего окрестности Ростиславля и Городищ заметно выделяются на фоне остальных укрепленных поселков.

Отметим еще одно обстоятельство. Практически все масштабные поселения — городища расположены по руслу крупных рек (Оки, Москвы) или в низовьях их притоков (Коломенки, Северки). Неизвестны городища в среднем и верхнем течении мелких рек (за исключением тех, что, скорее всего, относятся к древнерусским — Юшково 1–3, Федосьино), а также вдоль мелких ручьев. В этом отношении система расселения в железном веке заметно отличается от древнерусской, в которой, напротив, городища сосредоточены как раз по рекам Коломенке и Северке.

В позднедьяковское время картина еще более неясная. Позднедьяковских поселений известно значительно меньше (рисунок 1), причем большая их часть отнесена к разряду дославянских условно: в этом вопросе мы опирались на указания исследователей на наличие на памятниках «лепной гладкостенной», «позднедьяковской» и «дославянской» керамики. Как уже говорилось выше, эти сведения нуждаются в проверке, хотя в таблице 1 они приводятся без изменений. По нашему мнению, абсолютное большинство позднедьяковских поселений, открытых в довоенное время, на самом деле являются древнерусскими поселениями конца I или рубежа I–II тысячелетий нашей эры. Вопрос о культурной принадлежности этой группы памятников мы рассмотрим отдельно, оговоримся

только, что достоверно в позднедьяковское время существовали только три поселения — Протопоповское городище, Щуровское селище и Ростиславль. Возможно, к ним стоит отнести селище Усть-Матыра 1. Выявление системы их расположения преждевременно, но интересно, что все они — по существу соседствующие поселения, расположенные в основном на правом берегу Оки.

Топография городищ

Археологическая типология дьяковских укрепленных поселений не разработана так хорошо, как это было сделано для древнерусских городищ и селищ (*Раппопорт*, 1967; *Кюза*, 1985; *Юшко**, 1991). Единственным примером предложенной системы классификации является работа М. Г. Гусакова (2004). По нашему мнению, её использование оправдано только в тех случаях, когда достоверно известно количество валов и рвов, а также первоначальная форма и размер площадки. Чаще же всего мы имеем дело с остатками поселений, в большинстве своем нераскопанных. Характерен пример Настасьино, у которого второй (внешний) ров был обнаружен только во время специального облета с вертолета, но до начала раскопок никто не предполагал отсутствия внешнего вала. Наличие рва у Протопоповского городища, второй линии обороны у Городищ, Городны I остается неизвестным (хотя и маловероятным). Еще один важный момент, затрудняющий применение любой классификации, — сильно измененный рельеф. Так, ров Городищенского городища со временем приобрёл вид овражка, а один из оврагов у Протопоповского городища был открыт случайно, причина и время его образования остаются неизвестными. Овраги вокруг поселения «Блюдечко», имевшие глубину до 3 метров (!), в средневековье были засыпаны полностью. Кроме того, древний ров мог спровоцировать эрозию и со временем приобрести вид оврага, как это произошло с западной стороны Настасьинского городища. По этой причине мы ограничимся описанием современного состояния укрепленных поселений.

* В работе А. А. Юшко неоднократно упоминаются и дьяковские городища коломенской группы как использованные в древнерусское время.

Городищи

Памятник расположен на краю коренного берега при впадении в реку Коломенку русла пересохшей речки. Площадка городища до недавнего времени имела треугольную форму и сильный уклон на юго-восток (рисунки 16–18). В настоящее время топография памятника сильно изменилась в результате строительных работ и прокладки шоссе (рисунки 15, 17). Результаты раскопок позволяют утверждать, что с северо-восточной стороны площадка отделена от плато искусственным рвом, в настоящее время засыпанным (на поверхности городища от него сохранилось только устье в виде овражка).

Протопоповское городище

Поселение, так же как и Городищи, занимает мыс при впадении оврага (пересохшей речки) в реку Оку, однако высота площадки городища заметно больше. Устье оврага сильно расширено прокладкой дороги, еще одна дорога проходит по его дну с напольной стороны (она хорошо заметна на рисунке 12). Кроме того, во время земляных работ с северо-восточной стороны был зафиксирован еще один овраг, заполнение которого содержит средневековый материал. От этого оврага в настоящее время заметно только устье (рисунок 11). Таким образом, городище было окружено оврагами с трех сторон, остается неизвестным, как и когда они были образованы. Являлось ли городище изначально останцом или стало таковым в результате размыва рвов, установить не удалось.

Настасьино

Сходную топографию имеет Настасьинское (Мячковское) городище. Оно занимает мыс при впадении пересохшей речки в реку Северку. Рвы с напольной стороны и вал были полностью сnivelированы и почти не читаются. С западной стороны площадка отсечена от остального плато небольшой промоиной. Раскопки выявили в ней сразу два рва, не имеющих между собой вала. Является ли промоина результатом размыва

внешнего рва (скорее всего) или, напротив, внешний ров соединял долину реки с уже существовавшей промоиной, остаётся невыясненным.

Коробчеево I

Памятник занимает мыс, образованный долиной рек Желемы и Оки. Ранние топопланы, снятые М. В. Талицким и Р. Л. Розенфельдтом, демонстрируют практически сплошное кольцо, состоявшее из двух валов со рвом между ними (рисунки 3, 9).

Городище Коробчеево II — или остатки его укреплений — было зафиксировано М. В. Талицким во время разведок 1936 года и к настоящему времени исчезло. Сведения Талицкого о месте расположения памятника путаны и в разных источниках расходятся между собой (*Талицкий*, 1936а, 1936б; 1941). Памятник мог располагаться на краю террасы, на правом берегу реки Желемы, в ее устье, или ниже по течению, на месте могильника. (*Сыроватко А. С.*, 1994). Однако независимо от того, где на самом деле находилось это городище, оно располагалось не дальше чем в 500 метрах от Коробчеево I. Примеры столь близкого расположения городищ нам неизвестны, поэтому остается только предполагать, что памятники как укрепленные поселки существовали в разное время.

Городна I

Городище Городна I удалено от русел рек Осётр и Ока и занимает узкий мыс при слиянии двух оврагов (рисунки 32, 33). Уровень площадки городища значительно ниже уровня берегов оврагов, окружающих памятник, в результате чего городище оказалось спрятанным в складках местности. Эта особенность выделяет Городну из числа других памятников.

Городец

Поселение занимает возвышенность в пойме правого берега реки Оки, вследствие чего оно может быть отнесено к типу

«болотных» (рисунок 10). Укреплений на памятнике не найдено (смотри ниже).

Погост Красно

Городище занимает вытянутый узкий треугольный мыс при впадении долины пересохшей речки Городенки в Москву-реку. Памятник был сильно разрушен реками и добычей известняка, первоначальная форма площадки и ее размеры остаются неизвестными. М. В. Талицкий видел на городище вал с напольной стороны (1941. Рисунки 29, 30).

Ростиславль

Памятник представляет собой треугольный мыс, отсеченный от плато оврагом (*Коваль*, 2001б. Рисунок 1). Первоначальная форма площадки неизвестна. Для дьяковского периода существования городища известен один вал и ров, находящийся с его внешней стороны.

Из неукрепленных поселений на рассматриваемой территории своим расположением выделяются два — стоянка на улице Набережной в Щурово и стоянка Зарудня.

Стоянка на улице Набережной представлена подъемным материалом, собранным на пляже возле уреза воды. Попытка обнаружить культурный слой не увенчалась успехом, хотя у кромки берега подьемка представлена не только дьяковской, но и льяловской, фатьяновской, шагарской, лапчатой керамикой, а также сетчатой керамикой эпохи бронзы. Для ранних эпох такое расположение стоянки обычно, для железного века несколько странно. Объяснение, на наш взгляд, следует искать в расположении самой стоянки, находящейся в 500 метрах ниже устья Москвы-реки. Складывается впечатление, что стоянка расположена в месте наиболее вероятного выноса силой течения двух рек судов, следующих по Москве-реке в Оку. К тому же на самом пляже стоянки, единственном среди обрывистых берегов, расположены родники. Вероятнее всего, стоянка не являлась долговременным поселением (или не

только им), а представляла собой место постоянных остановок, пристань, использовавшуюся на протяжении нескольких эпох.

Стоянка поздняяковской культуры и раннедьяковского периода Зарудня расположена, в отличие от многих поселений, на ровном поле, примерно в 150 метрах от ближайшего понижения рельефа, по которому в древности мог протекать рукав речки Щелинки. Перепад высот от центра стоянки до русла предполагаемой реки составляет менее 1,5 метра. Необычная топография памятника заключается в том, что он даже в древности был удален от воды и располагался на подблочном отлогом берегу.

Завершая обзор системы расположения поселений, повторим мысль о том, что определенное подразделение поселений региона на группы в первую очередь связано с особенностью природных условий (топографией русел рек на разных участках). Из этого можно сделать вывод о том, что культурная разобщенность, которая всё-таки выявляется, может оказаться вторичной по отношению к разобщенности географической. Природная разделённость могла поддерживать культурные различия. Попытки же реконструировать некие социальные или даже политические структуры, исходя из имеющихся методов и данных, обречены, на наш взгляд, на неудачу.

УКРЕПЛЕНИЯ ГОРОДИЩ КОЛОМЕНСКОЙ ГРУППЫ

Укрепления коломенских городищ изучены достаточно подробно. На каждом хоть сколько-нибудь заметном городище производились раскопки укреплений. Как правило, это были обычные траншеи, прорезающие валы. Однако на двух памятниках — Городищенском и Настасьинском городищах — валы и рвы были вскрыты на значительной площади. Подобное площадное исследование укреплений до этого было произведено только на Кубринском городище (*Станкевич, Вишневский, 1987*). Изучение укреплений сопровождалось естественно-научными исследованиями, и даже в тех случаях, когда в силу ряда обстоятельств мы были вынуждены ограничиться шурфовкой, применение радиоуглеродного датирования и палинологического анализа насыпей валов и рвов позволило получить качественно новый материал.

Укрепления дяковских городищ (по крайней мере, на рассматриваемой территории) являются источником принципиально важной информации по истории дяковской культуры. Помимо сведений о военном деле, насыпи валов и отложения во рвах по сути стали источниками вещевых и споро-пыльцевых комплексов. На наш взгляд, трудно переоценить тесную взаимосвязь наборов артефактов с радиокарбонными датами и пыльцевыми колонками. Период сооружения валов городищ

становится и своеобразным хронологическим репером, поскольку всплеск строительной активности являлся неким рубежом, обозначающим смену периодов.

Наше внимание к укреплениям городищ первоначально было вынужденным. Вал Городищенского городища оказался затронут раскопами случайно. Во-первых, потому что исследования определялись логикой охранных работ, а во-вторых, вал городища был настолько сильно поврежден, что на поверхности не читался. Те же обстоятельства предопределили характер работ на Коробчеевском I городище в 1992 году. На Протопоповском, Городне I и Коробчеево I, в силу того, что эти памятники либо плотно застроены, либо заняты кладбищами, в ходе раскопок у нас не было другого выбора, кроме как сосредоточиться на укреплениях. На городище Погост Красноукрепления практически полностью уничтожены кладбищем и хозяйственной деятельностью, и мы натолкнулись на их следы случайно. Пожалуй, к специальным исследованиям укреплений можно отнести только работы А. В. Энгватовой на Настасьинском городище (хотя и здесь они были охранными) и В. Ю. Коваля на Ростиславле.

О характере использования оборонительных сооружений дьяковских городищ

Дискуссия о назначении городищ железного века в исторической науке была начата первооткрывателями этих памятников еще в начале XIX века. Зориан Доленга-Ходаковский, впервые обративший внимание на памятники археологии этого типа, считал их славянскими святилищами (*Ходаковский*, 1837; 1844). С ним полемизировал К. Ф. Калайдович, убежденный в том, что своим происхождением термин «городище» обязан глаголам «городить», «огораживать», и не без основания утверждал, что городища являются остатками укрепленных поселков (*Калайдович*, 1823). Тем не менее на столетие в науке утвердилось мнение о культовом характере городищ, причем эта идея зачастую следовала впереди фактов, оказывая опреде-

ляющее влияние на интерпретацию археологического материала. Примером могут послужить известные работы В. И. Сизова на Дьяковом городище, Ю. Г. Гендуне на городище «Топорок» и обобщающая работа А. А. Спицына (*Сизов*, 1897; *Спицын*, 1903; *Гендуне*, 1906).

На фоне этой возобладавшей точки зрения исследования и выводы В. А. Городцова, сделанные на примере Старшего Каширского и Огубского городищ, стали настоящим прорывом. Впервые было аргументированно доказано, что на самом деле городища представляли собой укрепленные поселки, а археологический материал стал интерпретироваться не как «культовый инвентарь», а как предметы обихода и следы производственной деятельности (*Городцов*, 1926; 1933). Правда, и в этом случае не обошлось без возникновения новых и весьма устойчивых заблуждений, например о существовании землянок у дьяковского населения.

Долгое время выводы В. А. Городцова не подвергались сомнению; даже наличие землянок, частный в общем-то вопрос, пересматривалось для каждого памятника отдельно. Вот почему реанимирование идей XIX века, к тому же в академическом издании, предпринятое М. Г. Гусаковым (2001; 2004), выглядит довольно неожиданно.

Аргументы в пользу культового назначения городищ в данном случае не обсуждаются. Однако было высказано мнение о том, что укрепления городищ в принципе не пригодны для ведения военных действий и не способны уберечь своих защитников. Именно это обстоятельство заставило нас задуматься о том, как, собственно, велись военные действия в лесной зоне и какую роль в них играли городища.

Наиболее полно и систематизированно укрепления дьяковских городищ были описаны в многочисленных работах К. А. Смирнова (1974; 1994а). Что же представляли собой эти памятники с точки зрения фортификации? Во-первых, отметим, что городища лесной зоны имели разные по мощности и типам укрепления. Кроме того, системы укреплений эволю-

ционировали: в случае длительного заселения площадки городища его оборонительные ряды могли перестраиваться неоднократно. Это усложняет интерпретацию результатов раскопок, придавая ей многовариантный характер, однако исследователи, как правило, ограничиваются при публикации каким-либо одним фактором, помимо прочего, подменяя источник собственными представлениями.

К. А. Смирнов совершенно справедливо полагал, что сохранность площадок городищ не позволяет в полной мере судить об устройстве их укреплений, а существование валов и рвов только с напольной стороны представлялось ему маловероятным (Смирнов К. А., 1974. Стр. 8). Кроме того, укрепления городищ исследовались фрагментарно, в основном разрезами валов и рвов. Лишь укрепления Кубринского и Настасьинского городищ были изучены широкой площадью с полным вскрытием вала и заполнений рвов (Станкевич, Вишневский, 1987; Энговатова, 2001). По этой причине мы не можем объяснить многие моменты и в полной мере реконструировать способы использования укреплений.

В частности, с трудом поддается объяснению использование системы укреплений без вала с одним только ровом. На определенных этапах существования один только ров имели городища Шишкинское (Фоломеев, 1994. Стр. 139, 140), Настасьинское, Городищенское, Филимоново на озере Неро, а также, предположительно, поселение «Храм Цереры» в Царицыно, причем на этих памятниках первоначальные размеры самих рвов невелики (даже смехотворны) — около 0,5 метра глубиной! Совершенно неясно, для чего сооружались такие рвы и кого они могли сдерживать. Непонятно также, что стало с грунтом, взятым из рвов. Следует признать, что либо трактовка стратиграфии укреплений перечисленных памятников была ошибочной, либо неверны наши представления о войнах позднего бронзового и раннего железного веков.

К городищам с одним ровом следует добавить также памятники лесной зоны, на которых отмечены рвы небольших раз-

меров, не глубже метра, но имеющие вал: Савики (*Смирнов В. К.*, 1986), Пекуновское, Санниковское, Ивановское (*Бадер*, 1950. Рисунки 3, 32, 35), Казарское (*Монгайт*, 1961. Рисунок 27), Грехов Ручей, Городок (*Третьяков*, 1941. Стр. 104. Рисунок 8). Большую часть этих укреплений, по всей видимости, следует датировать довольно ранним временем.

Позднее на городищах стали сооружаться укрепления — с валом и рвом. При их реконструкции принято говорить о существовании деревянной стены на гребне вала. Предположительные следы такой стены были зафиксированы на некоторых городищах, но плохая сохранность остатков и небольшая вскрытая площадь не позволяют утверждать что-нибудь определенно (*Кфенке*, 1986. Стр. 95). К. А. Смирнов считал, что суммарный перепад высот стен и рва должен быть таковым, чтобы всадник, вставший ногами на седло, не мог дотянуться до верха стены (1992. Стр. 53). Немалое число городищ имело несколько линий обороны — по два (Коробчеевское I), а иногда и по три (Михайловское) вала со рвами между ними. К. А. Смирнов даже допускал наличие приспособлений, заставлявших нападавших при прорыве через ворота одной линии обороны штурмовать вторые, двигаясь по часовой стрелке, чтобы развернуться к обороняющимся незащищенной щитом стороной (*Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 9; 1994а. Стр. 7). Однако независимо от того, существовали такие приспособления или нет (тем более что даже сам Смирнов отмечал отсутствие доказательств существования щитов), такие системы укреплений по своему существу непонятны. Если предполагать, что стены сооружались на всех валах, то обороняющиеся должны были иметь бойцов для защиты одновременно и внешней, и внутренней стены, в противном случае при прорыве внешнего кольца стен защитники не успевали перебраться за внутреннюю стену. Если же оборонялась только внутренняя стена, то вал и ров внешнего кольца превращались в прикрытие для нападающих (хотя и в этом случае есть выход — если высота внутренних стен была достаточной для того, чтобы обстреливать дно внешнего рва).

К этому следует добавить аргументы исследователей, оспаривающих военное назначение укреплений вообще:

- на городищах отсутствует источник воды, что делает невозможным сидение в осаде;
- размеры жилых площадок не позволяют укрыть население округи и имеющийся у него скот;
- дерево-земляные укрепления и жилища пожароопасны и могут быть уничтожены «одной горящей стрелой»;
- проще вообще не сопротивляться, а убежать в лес (Гусаков, 2001. Стр.132, 133; 2004. Стр. 99).

В данной работе мы не ставим своей задачей разрешить все имеющиеся сомнения. Однако, на наш взгляд, накоплено достаточно материала для того, чтобы ответить хотя бы на часть вопросов. Для начала попробуем разобраться с тем, кого и от кого могли защищать укрепления дьяковских городищ.

Наиболее детально сопутствующие поселения исследованы только у Дьякова городища (*Лунова и другие*, 1996). Н.А.Кренке выявил целую систему небольших селищ с различной хозяйственной специализацией, находившихся в пределах примерно 3 километров от базового поселения. Если выводы, сделанные исследователями, отражают реальную картину прошлого, приходится признать, что роль неукрепленных долговременных поселений при городищах была невелика — большинство открытых памятников является полевыми станами, местами дойки, сезонными поселениями и тому подобным. Из этого следует, что Дьяковское городище, вероятно, не являлось укрепленным центром округи, а было основным местом проживания коллектива и защищало только своих жителей*.

Какова была численность жителей на городище? Разумеется, точные подсчеты невозможны, поскольку их методика не отработана. Д.А.Авдусин допускал одновременное проживание 50–200 человек (Авдусин, 1989. Стр. 173), А.Ф.Дубынин и И.Г.Розенфельдт (для периода «жилых стен» Троицкого городища) — 60–80 человек (Дубынин, Розенфельдт И. Г., 1970. Стр. 51), М. Г. Гусаков (2005. Стр. 166) для более позднего

* Правда, в этом вопросе прослеживается эволюция взглядов исследователя — прозвучал термин «*первобытный город*» применительно к Дьякову городищу и призыв «*не путать его с хозяйственной округой*» (Кренке, 2007. С. 76). В этом случае городище как раз является цитаделью для «*первобытного города*», но сказанное относится только к двум памятникам — городищам Дьяково и Дунино, для прочих же такая трактовка пока неприменима.

периода Троицкого городища называл цифру в 36–63 человека. Разумеется, в случае военной опасности на стены вставляли все, кто мог хоть как-то защищаться, тем не менее реальное число защитников было еще меньше. Даже если допустить, что городище защищает сотня мужчин, их количества недостаточно для того чтобы прикрыть сразу весь периметр стен, особенно внешней, которая, по мнению Р.Л. Розенфельдта, могла проходить у подножия городища (1970б. Стр. 140, 141), тем более иметь резерв на внутренних рубежах обороны. Следовательно, обитатели городищ не могли сопротивляться большим отрядам длительное время.

Чем были вооружены защитники? Если говорить о собственно дьяковском периоде, то находок предметов вооружения очень мало: единичны железные и бронзовые кельты (Троицкое, Орлов Городок, Настасьинское), булавы (на четырех городищах; смотри: *Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 36), копия (на пяти памятниках, без учета футляров; смотри: *Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 36), прочие экземпляры относятся к позднедьяковскому времени, а ножи малопригодны для войны, причем не только из-за размеров, но и из-за формы. Защитного вооружения еще меньше — три пункта находки пластин, возможно частей панциря (*Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 37; экспозиция ТОГМ), но они, а также футляры для копий могли попасть к обитателям городища как предметы роскоши, украшения, металлический лом и тому подобное. Остаются лук и стрелы — оружие не только войны, но и охоты. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов последствия археологизации материалов — в действительности оружия и инструментов двойного назначения, несомненно, было больше. В любом случае война для дьяковцев не являлась привычным занятием. К слову, на ананьинских и пьяноборских памятниках оружия находят гораздо больше (*Збруева*, 1952; *Агеев*, 1992). Да и в позднедьяковскую эпоху, по-видимому, на данной территории происходят изменения, поскольку к этому времени относится большинство находок (*Розенфельдт И. Г.*, 1982). В этом случае следует учи-

тывать, что укрепления городищ в позднедьяковское время, как правило, не перестраиваются и на новом месте возникают редко. В качестве примеров здесь можно привести позднедьяковские городища Березняки (*Третьяков*, 1941; *Смирнов К. А.*, 1994а. Стр. 8), Ратьково и Кикинское (*Вишневский*, 1998; *Антипина и другие*, 2001). По-видимому, эти изменения могли быть вызваны либо сменой обстановки, либо появлением новых приемов ведения войны.

Другой вопрос, требующий ответа: с кем могли вести войны обитатели городищ?

В работах, посвященных оборонительным сооружениям дьяковских поселений, К. А. Смирнов подчеркивал трудозатраты коллективов, их возводивших. Однако эти укрепления вовсе не являлись передовыми для того времени. Стены, защищавшие поселок на протяжении ста и более лет, сопоставимы с укреплениями, которые римские легионеры строили на одну ночь или на зимовье (*Покровский*, 1996. Стр. 292 и следующие). Какими бы мощными ни казались укрепления лесных городищ, они не способны были противостоять сколь угодно крупным соединениям, имеющим опыт взятия укреплений, будь то кочевническая конница или пехота античного образца. Если верно то, что дьяковское городище являлось самостоятельной единицей, а не укрепленным центром нескольких открытых поселений, приходится признать, что враги могли появиться только из недалекой округи, с такого же городища. Представляется маловероятным, что укрепления возводили для защиты от нашествий извне (например, из лесостепной зоны), во-первых, потому что мы не имеем свидетельств таких нашествий, а во-вторых, потому что дьяковское население, по-видимому, не располагало ценностями, способными привлечь грабителей издалека. Можно ли предполагать некие союзы и объединения между коллективами отдельных городищ, которые позволили бы собрать значительные по численности отряды? Теоретически — да, но доказательств этому пока нет: в первую очередь, нет городищ, которые могли

бы претендовать на роль центра такого союза. Следовательно, чаще всего дьяковское городище могли атаковать только соседние коллективы, значит, количество нападающих было примерно равно числу защитников или даже уступало, ведь на стороне нападавших не было стариков, детей и тех, кто в случае осады мог бы встать на стены.

Поскольку для долговременной осады необходим многократный перевес в живой силе, очевидно, что вести такую осаду было некому. Городища действительно не были приспособлены к долговременной обороне, но их, скорее всего, и не осаждали*. А вот для того, чтобы отбить внезапное нападение примерно равного по численности отряда, таких укреплений достаточно, тем более что в этом случае защищать весь периметр не было необходимости. Такие укрепления хорошо защищают домашний скот от нападения диких зверей, что не раз подчеркивал К. А. Смирнов (1974. Стр. 8; 1994а. Стр. 6). Свидетельства военных столкновений зафиксированы на некоторых городищах, в частности на Троицком и Настасьинском, и это, пусть и косвенно, подтверждает военное назначение укреплений. Заметим также, что археологические следы штурмов трудноуловимы, если после них жизнь на городище продолжалась. Однако есть и другие признаки, главным из которых является массовая перестройка укреплений, произошедшая в дьяковской среде, по мнению К. А. Смирнова, в III–II веках до нашей эры (Смирнов, 1994б. Стр. 92). Судя по радиоуглеродным датам, на нижней Москве-реке и москворецком течении Оки подобная перестройка приходится на II–I века до нашей эры — I век нашей эры. (Сыроватко А. С., 2001б. Стр. 10). К. А. Смирнов объяснял это явление как внутренними причинами, так и возможным обострением обстановки.

Верно ли то, что городище можно было легко уничтожить «одной горящей стрелой»? Вряд ли при сооружении укреплений такая возможность не учитывалась. В деревянных крепостях умели бороться с огнем. Это следует хотя бы из того, что их строили и использовали не только в средневековье, но и в

* Приведенный М. Г. Гусаковым пример взятия прусских городищ тевтонами показателен: эти городища не смогли уберечь защитников от крупного вторжения извне, от передовой военной технологии (Гусаков, 2004. Стр. 99). Но ведь и пруссы на городищах не для молитвы собирались...

Новое время: достаточно вспомнить русские остроги и крепости в Сибири, а также якутские укрепленные амбары XVIII—XIX веков (*Крадин*, 1988). Конечно, городища горели, в частности Троицкое, но нужно учесть и то, что если целью нападающих является грабеж, а не уничтожение всего поселка, то от поджога они воздержатся сами, иначе в огне погибнет имущество обороняющихся (и в первую очередь скот).

Является ли бегство в лес альтернативой? Редко, и это следует из характера военных действий, который мы обрисовали. Невозможно убежать незамеченной в лес сотне человек вместе со скарбом и скотом — их легко обнаружить по следам, не говоря уже об использовании для этой цели собак. Если, как мы предполагаем, столкновения происходили преимущественно между соседними коллективами, то и окрестные леса были известны обеим сторонам, да и времени на подготовку побега не было (разумеется, мы не отвергаем уход в лес как способ спастись вообще, а говорим только о типичных для того времени ситуациях).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что военные столкновения в дьяковской среде носили случайный и локальный характер, а задействованы в них были небольшие отряды. Такому характеру ведения войны вполне соответствует уровень оборонительных сооружений, и нет никаких оснований сомневаться в их военном назначении.

Укрепления городища Коробчеево I

Укрепления городища впервые были описаны М. В. Таллицким (1941. Стр. 64). Окраины городища и частично его внешний вал исследовал М. Г. Савицкий во время проведения работ на примыкавшем к Коробчеево I средневековом могильнике (*Савицкий*, 1984), однако наиболее подробно укрепления были изучены им во время охранных раскопок в 1992 году (*Савицкий*, 1992). Мы принимали участие и в этой работе, и в составлении отчёта и потому будем далее опираться на собственные наблюдения.

Коробчеево I является единственным на рассматриваемой территории памятником, на котором достоверно зафиксировано наличие двух валов, отделенных друг от друга рвом. Известно несколько планов городища, но укрепления наиболее точно показаны на плане, снятом М. В. Талицким (рисунок 3). На большинстве планов отмечен вал, по нашему мнению, внешний, отделенный от площадки рвом (рисунок 5). Весь облик городищенского холма указывает на то, что обращенная к реке южная сторона в значительной степени подправлена добычей известняка (рисунки 3, 4). Известняк в окрестностях городища активно добывался начиная с дореволюционных времен и заканчивая нашими днями как открытым способом, так и под землей. В силу того что холм городища утратил свой первоначальный облик, вопрос о наличии укреплений, окаймляющих площадку со стороны реки, не может быть разрешен. К. А. Смирновым была высказана мысль о том, что все линии укреплений дьяковских городищ должны были замыкаться, в противном случае они оказывались бесполезными (*Смирнов К. А., 1974. Стр. 8*).

Вскоре после сооружения насыпи моста через реку Оку строители срезали часть городищенского холма бульдозером, устанавливая опору ЛЭП, задев при этом внутренний вал и полностью снеся внешний вал и ров с восточной стороны (рисунки 4, 5, 9). Для изучения насыпей и рва оставалось только зачистить разрез, представлявший собой вертикальную стену высотой до 3 и длиной около 40 метров, что и было сделано в 1992 году.

Стратиграфия разреза

Под дерном залегает гумусированный слой темного цвета (от серого до почти черного у дна рва). Во рву (квадраты 11–22) прослежены горизонты скопления мергеля — свидетельство, на наш взгляд, последовательного заполнения рва, по крайней мере до определенного этапа. Насыпь внешнего вала на чертеже не отражена: она нарушена перед обрывом, и ее обнажения

не были зачищены. По составу она аналогична насыпи внутреннего вала, задетой разрезом, край которой прослежен в квадратах 1—11 (нижние слои). На всем протяжении разреза был выявлен только один могильный перекоп — в квадратах 9, 10.

Поскольку стратиграфия насыпей оставалась неясной, в квадрате 1 была сделана врезка вглубь площадки городища размерами 3 × 1 метр (рисунок 8). В профиле врезки видно, что насыпь внутреннего вала состоит из двух основных слоев: слой 2 представляет собой перемес коричневого слоя с мергелем и песком, слой 3 — коричневый, с примесью известковой крошки. В северной стенке прослежена тонкая прослойка, разделяющая основные слои. Эта прослойка не встречена больше ни в южной стенке, ни в квадратах 1—3 разреза, однако однозначно ответить на вопрос, одновременно ли были насыпаны слои 2 и 3 или слой 2 являлся более поздней подсыпкой, нельзя. Во всяком случае ров врезан в материковую известковую платформу при насыпке нижнего слоя 3, и отложения во рву начали образовываться только после сооружения внутреннего вала. Под внутренним валом зафиксирован культурный слой в виде прослойки коричневого тлена (слой 5), отделенный от насыпи прослойкой угля и золы 4 (рисунок 7). Ниже залегает светло-коричневый слой погребенной почвы 6, осветляющийся книзу и переходящий в желтый плитчатый известняк.

По уголькам из прослойки 4 под насыпью была получена дата ГИН-9405 (таблица 2), указывающая на XIV век до нашей эры. Дата эта не может быть принята ввиду ее явного расхождения с археологическим контекстом образца. Помимо прослойки угольков под насыпью было продатировано сгоревшее бревно из слоя насыпи, толщиной около 30 сантиметров, уходящее концами в южную и западную стенки врезки (рисунок 8). По нашему мнению, оно не связано с какой-либо конструкцией в насыпи, а попало туда при перепланировке площадки и сооружении укреплений. Радиоуглеродный возраст бревна

(ГИН-9404; таблица 2) соответствует II веку до нашей эры*. По сути, это усредненный возраст всего бревна, так как целенаправленного отбора образца только из внешних колец не велось (это был наш первый опыт отбора образцов).

* Вопрос радиоуглеродного возраста укрепления мы рассмотрим ниже.

Укрепления Коробчеево I мы склонны реконструировать в виде сплошного кольца валов со рвом между ними. Перепад высот от современного верха внутреннего вала до дна рва в квадрате 13 составляет 3 метра, в древности он был еще выше. Гребень внутреннего вала в настоящее время выше внешнего, скорее всего так же было и в древности. Одновременен ли внутреннему валу внешний — неясно, и выяснить это уже вряд ли удастся, во всяком случае в ближайшее время: памятник занят кладбищем, хотя и закрытым, и проведение на нем дополнительных раскопок проблематично. М. Г. Савицкий в 1984 году предпринял попытку прорезать траншеей внешний вал; по ряду причин довести до конца эту попытку не удалось (*Савицкий*, 1984), однако культурный слой — черный гумус — под внешним валом зафиксирован. Возможно, этот слой относится ко времени, предшествующему сооружению укрепления городища.

Разрыв прохода во внешнем кольце заметен с северной стороны городища (отмечен на плане Талицкого; рисунок 3). Вход через внутренний вал неизвестен. Ров с внешней стороны валов, по всей видимости, отсутствовал — следы его нигде не зафиксированы. Разрез укрепления не выявил следов конструкций ни в насыпях, ни на гребнях валов. Однако плотность слагающей вал породы не требовала приспособлений, удерживающих насыпь от расползания. Хорошая сохранность валов дала М. Г. Савицкому повод говорить об эскарпировании стены (1984).

Укрепления городища Коробчеево II

Наиболее полно памятник описан М. В. Талицким в полевом дневнике, экземпляры которого хранятся в Коломенском краеведческом музее и в архиве ИА РАН. Сведения о нем также содержатся в рукописи «Древние памятники Коломенского

района» и в статье 1941 года (*Талицкий*, 1936а; 1936б; 1941. Стр. 64).

«По другую сторону каменоломен, против нижнего конца острова на Оке, на краю берегового склона найден небольшой (20 × 3) бугор, вытянутый вдоль края берега. На осыпавшейся к реке поверхности собрано несколько обломков поздне-дьяковской керамики и один — с текстильными отпечатками. Защищенная стенка (к реке) дала чередующийся слои культурного и гравия. По всему облику холмика следует предположить, что мы имеем здесь дело с небольшими остатками городищенского вала. Площадка не сохранилась совершенно. Культурный слой есть на напольной стороне на холме на распространении 10 метров, но находок в нем нет» (*Талицкий*, 1936а).

К этому описанию добавить нечего. Из разрозненных записей в архиве Талицкого, хранящегося в ИА РАН, известно только, что всего было найдено четыре фрагмента керамики — два «с дресвой» и два с сетчатыми отпечатками.

Городецкое городище

Как уже отмечалось выше, памятник, традиционно считающийся городищем, не имеет достоверно зафиксированных укреплений. Городецкое городище, открытое К. Ф. Калайдовичем, осматривалось В.И.Зубковым (смотри выше), Р.Л.Розенфельдом (1961; 1964. Стр. 106), более детально изучалось М.Г.Савицким в 1986 году. Вскрытая площадь составила 16 м².

Городище занимает невысокий останец в пойме правого берега Оки, являясь примером «болотного городища» (рисунок 10). Площадка занята кладбищем села. Это обстоятельство вынудило М.Г.Савицкого заложить две траншеи разведочного характера на краю площадки, прорезав склоны. Стратиграфия всех траншей оказалась абсолютно схожей: под дерном залегал черный гумусный слой, в котором не прослеживалось каких-либо прослоек, в квадрате 4 был выявлен фундамент стены — ограды кладбища.

Таким образом, никаких следов укреплений найдено не было, хотя памятник по-прежнему считается городищем (АКР, 1997. Стр. 87). Разумеется, это не означает, что укреплений не было — следы их могли быть уничтожены строительством ограды кладбища.

Укрепления Протопоповского городища

К изучению укреплений памятника мы обратились вынужденно: площадка городища занята кладбищем, функционирующим как минимум последние 200 лет, и весь культурный слой представляет собой однородную почву, бурую от тлена, насыщенную костями, частями гробов и тому подобным. Кроме того, наверное, единственный в нашей практике раз работа на памятнике вызвала такое недовольство и подозрительность у местных жителей. Шурфовка склонов оставалась единственной возможностью получить качественно новую информацию о поселении.

Результаты исследований укреплений Протопоповского городища публиковались нами неоднократно. Несмотря на небольшой объем работ, полученный в итоге материал оказался, весьма важен: сочетание необычной насыщенности насыпи вала керамикой с возможностью радиоуглеродного датирования и проведенными Е. А. Спиридоновой палинологическими исследованиями сделало полученную коллекцию эталонной (*Сыроватко А. С., Спиридонова, 2002; Спиридонова, Сыроватко А. С., 2003; Алёшинская, Спиридонова, 2002; 2003; Спиридонова, Алёшинская, 2004*). Конечно, на фоне появившихся позднее материалов Настасьинского и Ростиславльского городищ объем данных по Протопопово кажется весьма небольшим, однако именно этот памятник, наряду с Городищенским и Коробчеевским городищами, дал нам основу для выделения отдельных керамических комплексов, о чем будет сказано ниже, а Е. А. Спиридоновой, по ее словам, — эталонную палинологическую колонку.

Протопоповское городище занимает высокий (около 25 метров) холм правильной четырехугольной пирамидаль-

ной формы (рисунки 10, 11). С северо-западной и юго-западной сторон памятник огибает дорога, ведущая к реке, глубоко врезаемая в коренную породу — плитчатый известняк. В окрестностях городища активно добывали камень — так называемый протопоповский мрамор, использованный в том числе и в ходе отделки храма Христа-Спасителя в Москве и при строительстве первых станций московского метро. В результате городищенский холм оказался в значительной степени подправленным, особенно со стороны реки (как и Коробчеевское I городище). Памятник открыт М. В. Талицким в 1936 году, осматривался Р. Л. Розенфельдом в 1960 году, им же было сделано первое описание укреплений (*Розенфельд Р. Л.*, 1960; 1962).

Следов укреплений в виде вала и рва в настоящее время на памятнике не видно. По мнению Р. Л. Розенфельда, дорога, опоясывающая подножие холма, проходит по дну городищенского рва. М. Г. Савицкий, напротив, считал, что указанная дорога древняя, — по сути, она является единственным удобным спуском к реке с плато (хорошо видна на рисунке 11), и вряд ли овраг, по которому она проходит, являлся рукотворным рвом. Эта точка зрения нам кажется более правильной. Вал городища, фиксируемый шурфовкой с СВ и СЗ, также сnivelирован. Достоверной деталью в общем облике укреплений остается только вал, идущий по краю площадки и, видимо, расширяющий ее. Вопрос о наличии рва остается открытым.

Любопытная деталь была выявлена случайно, осенью 2005 года, в ходе осмотра коммуникационной траншеи, проложенной по дну дороги с северной и северо-западной сторон. В разрезе было хорошо заметно, что холм городища образуют два оврага. При этом овраг с северо-восточной стороны в прошлом был значительно длиннее, уходя вглубь террасы. Правда, заполнения его содержали только позднесредневековый материал, но и детальных исследований разреза никто не проводил.

Наиболее информативным оказался материал профиля шурфа 5 (рисунок 13). Шурф был разбит на северо-восточном

склоне городища, чуть ниже края площадки (погребения подступают к самому обрыву). Ниже шурфа по склону находилась оборонительная траншея времен войны (рисунок 11). Еще одна траншея располагалась на площадке городища с южной стороны — она отмечена Р. Л. Розенфельдом как «раскоп Талицкого».

Стратиграфия шурфа 5

Слой 1 представляет собой темно-серый, почти черный гумус, содержащий современный мусор, средневековую и дьяковскую керамику. Глубина 0,7–0,85 метра.

Слой 2 — серая почва с желтым суглинком (прослойкой 3). Глубина 0,85–1,2 метра.

Слой 4 — темно-серая почва, гумусированный суглинок. Глубина 1,2–1,55 метра.

Слой 5 — в основе желтый суглинок с включениями серой почвы, угля, керамики. Для этого слоя получена радиоуглеродная дата ГИН-9406, возраст образца 2090 ± 70 лет н. э. или 140 г. до н. э. (о калибровке образца смотри ниже) Глубина 1,55–1,8 метра.

Слой 6 — темно-серый слой с включениями угля. Глубина 1,8–1,9 метра.

Слой 7 — желтый суглинок с включениями угля и керамики. Глубина 1,9–2,1 метра.

Прослойка 8 — более темного цвета, суглинок с углем. Глубина 2,1–2,26 метра.

Слой 9 — желтый суглинок с вкраплениями угольков. Глубина 2,26–3,15 метра.

Прослойка желтого суглинка 10 содержит прокалённую глину кирпичного цвета и уголь.

Слой 11 — серо-желтый суглинок с редкими вкраплениями угля.

Слой 12 — желтый суглинок с сероватым отливом, возможно, предматерик. Глубина 3,15–3,35 метра.

Таким образом, основу насыпи составляет желтый материковый покровный суглинок плейстоцена, прослойки которого

различаются содержанием угля, керамики, прокалённой глины кирпичного цвета, темной почвы. Это слои 3, 5, 7–12. Слои 9, 11 содержат небольшое количество керамики, а слой 12 практически пуст. Эти слои иногда разделяются прослойками темной или серой почвы с углем (слои 4, 6).

О конструкции вала пока судить трудно, поскольку шурфом был задет только его край на склоне. Однако в насыпи зафиксированы следы своеобразного приема сооружения валов, который широко использовался на окских городищах в эпоху раннего железа. Это прием прокаливания пластов плотных суглинков, слагающих вал, после которого в разрезах обычно фиксируются чередующиеся прослойки угля и обожженных до кирпичного состояния покровных суглинков, причем прослойка угля всегда расположена снизу. Комки прокалённой глины и угля прослежены в слое 10 в насыпи вала Протопоповского городища. Они не образуют сплошного слоя, как это обычно бывает, и, скорее всего, являются периферией насыпи.

После проходки шурфа были взяты образцы для споропыльцевого анализа. Из каждого слоя бралось по одному образцу — большинство прослоек были насыпаны одновременно. Темные прослойки, в которых можно было бы предполагать отложившийся на месте культурный слой, были незначительной толщины, и взять из них больше одного образца не получалось. Подробный комментарий к споро-пыльцевым находкам, выполненный Е. А. Спиридоновой, был опубликован ранее. Однако, поскольку результаты споро-пыльцевых исследований в значительной степени проясняют историю сооружения насыпи вала, мы считаем необходимым повторить основные выводы.

Самым главным из них является выделение строительных этапов в насыпи, причем это не совпадает с выводами, которые мы сделали предварительно на основании анализа стратиграфии шурфа. Всего в разрезе по результатам анализов удалось выделить три «строительных» этапа, о существовании

четвертого можно только предполагать.

Первый этап включает в себя слои 9–12 (образцы 1–5, рисунок 114). Судя по пыльцевому спектру, поверхность слоя 9 какое-то время была открытой. Слой 8 (образец 6), скорее всего, откладывался на поверхности вала городища. Основу же породы вала составили покровные суглинки плейстоцена с незначительными примесями. Что касается слоя 8, то он, на наш взгляд, может быть сбросом с площадки или оползнем. Во всяком случае, гумусирован он не сильно, что может послужить косвенным указанием на то, что между сооружением первоначальной насыпи и ее подсыпкой прошло короткое время.

Следующей досыпкой является слой 7, основу которого, судя по пыльцевым спектрам, составляли те же суглинки с примесью культурного слоя (образец 7).

На поверхности слоя 7 откладывается культурный слой 6 (образец 8). Состав пыльцевого спектра позволяет предположить наличие вокруг городища открытых ландшафтов с луговой растительностью и небольшим пахотным клином (возможно, в хозяйстве доминировало скотоводство). По всей видимости, в это время сохранялись небольшие березовые колки, в состав которых входили также липа, ясень и лещина.

Слой 5 по составу аналогичен слою 7 — это суглинок с примесью культурного слоя, очередная досыпка вала (образец 9). Именно для этого образца и получена радиоуглеродная дата ГИН-9406 (таблица 2).

Слой 4 — отложившийся на поверхности вала культурный слой, состав спектра которого также отражает преобладание открытых ландшафтов (образец 10). По мнению Е. А. Спиридоновой, увеличение доли злаковых культур в составе спектра, по сравнению со слоем 6, отражает изменения в хозяйстве обитателей городища. По всей видимости, в это же время меняется и климат, становясь более влажным. В составе древесных пород преобладает черная ольха, а также липа, появляются сфагновые мхи.

Образец из слоя 3 обработать не удалось. Мы, однако, предполагаем, что наличие суглинка в культурном слое связано не

столько с очередной досыпкой вала, сколько с оползнем или выкидом.

Палинологические исследования, на наш взгляд, дали весьма полезные сведения относительно фиксации этапов строительства насыпи вала. Именно благодаря этому методу оказалось возможным «развести» во времени различные прослойки насыпи, часто состоящие из сходных по литологии отложений (в нашем случае — выделить границу между слоями 9 и 8). Без применения палинологического исследования было бы трудно судить о том, являются ли гумусированные прослойки в насыпи автохтонными или использованными в качестве составляющей породы. В насыпи Протопоповского вала таковых не оказалось: обитатели городища не использовали при сооружении вала культурный слой с площадки, все прослойки отложились последовательно и не содержали (или почти не содержали) материала предшествующего времени. Наблюдение относится по крайней мере к основной части керамики, происходящей как из гумусированных слоев, так и из суглинков. В свою очередь это обстоятельство играет важную роль при выделении хронологических признаков для отдельных групп керамики.

Шурф 5 не был единственным шурфом, попавшим на укрепление. Насыпь вала также была исследована с северо-западной стороны шурфом 4. Долгое время мы не придавали значения результатам, полученным в ходе работ на этом шурфе, и, видимо, зря (*Сыроватко А. С., Козловская, 2004*).

Стратиграфия шурфа 4

Слой 1 — задернованный гумусированный темно-серый суглинок.

Слой 2 — желтый материковый суглинок с включениями культурного слоя.

Слои 3–4 сходны по составу — это переотложенный материковый суглинок. Нижний слой (4) несколько более темный, в целом прослойки 3–4 «чистые», без примеси культурного

слоя*. Между всеми слоями насыпи отсутствовали гумусированные прослойки, однако, как показывает наш опыт палинологического исследования насыпи вала, это обстоятельство не обязательно означает, что все они относятся к одному строительному этапу.

Очевидно, что состав насыпи, прослеженный в шурфе 4, сильно отличается от того, что был открыт шурфом 5 на северо-восточном склоне. На этом участке в теле вала отсутствуют такие характерные признаки, как прокалённая глина, уголь и керамика. Кроме того, стратиграфия насыпи на разных участках различается настолько, что возможности синхронизировать прослойки, по существу, нет. Однако выявленные отличия сами по себе довольно любопытны и существенно дополняют общую картину, особенно в сочетании с обнаруженными в шурфе артефактами (смотри ниже).

Из-за сильной разрушенности площадки уже не удастся установить, является ли исследованная нами насыпь валом или расширяющей площадку подсыпкой, хотя мы склонны предполагать первое. Ничего не известно и о конструкциях в насыпи, удерживающих ее от расползания, хотя, если судить по крутизне склонов, они должны были существовать.

Укрепления городища Городищи

Городище в посёлке Городищи (город Коломна) впервые было упомянуто в трудах К. Ф. Калайдовича и З. Я. Ходаковского, а первые раскопки на нём были проведены Н. П. Милоновым в 1935 году. Неоднократно городище посещалось Р. Л. Розенфельдтом, им же был снят план городища и описаны его укрепления.

Когда в 1996 году автор приступил к проведению охранных раскопок на городище, никаких следов укреплений не сохранилось вообще, очертания площадки сильно изменились со времени раскопок Н. П. Милонова и разведок Р. Л. Розенфельдта (рисунки 15–18). В первую очередь, это было связано со строительными работами: либо во время неудавшейся

* В описании слоя 4 в публикации (*Сыроватко, Козловская, 2004, Стр. 229*) этот нюанс упущен — видимо, это результат редакторской правки.

попытки возвести на городище коттеджи, либо при прокладке шоссе площадку городища разровняли бульдозером, начисто уничтожив поверхностные следы вала и рва.

Все раскопы 1996–1998 годов были приурочены к заброшенной фундаментной траншее (рисунки 15, 19) и располагались как с внешней ее стороны, так и внутри ее периметра. Общая площадь раскопов составила 307 м², однако часть ее приходится на нарушения культурного слоя самой траншеей, так что стационарно изученной остается площадь всего около 160 м² (в таблице 1 изученная площадь указана с учетом раскопа Н. П. Милонова).

Раскоп 1 1996 года был разбит с внешней стороны траншеи, на северо-восточном ее углу, — это место для прирезки было выбрано после того, как при зачистке стенки траншеи проступила линза прокалённой глины мощностью до 50 см, с подстилающим ее углем (рисунок 22). В следующем году с северной стороны раскопа 1 1996 года была прирезана траншея 11 × 1 м. Только после проходки этой траншеи стало ясно, что нами исследован ров и нижняя часть насыпи вала. Стратиграфия траншеи 1 1997 года и раскопа-врезки 1 1996 года приведена на рисунке 20. Как мы уже отмечали, от насыпи вала сохранилась только та часть, которая оказалась ниже уровня площадки городища.

Слой 1 представляет собой современный мусор, отложившийся при перепланировке площадки.

Слой 2 — черная гумусированная почва, заполнение рва (рисунок 26).

Слои 3–5, 9 и 12 в основе своей представлены желтым материковым суглинком с включениями темной почвы, керамики и мелких угольков (слой 12 сравнительно чист).

Прослойки 6–7 — черная углистая почва.

Слой 8 темно-серого цвета, содержит керамику, находки, отдельные угольки.

Слои 10–11 представляют собой чередование черных и более светлых (песок, зола?) прослоек гумусированной почвы

с включениями угля. Особенно четко их слоистая структура заметна в пределах раскопа 1996 года* (рисунок 27).

Слой 13 выглядит как погребенная почва — серый подзол. Содержит в себе редкие фрагменты керамики, в основном ранней сетчатой, кости животных.

Слой 14 — прокалённая глина кирпичного цвета, очень плотная. От погребенной почвы ее отделяет слой угля. Мощность слоя прокала неодинакова — местами толщина спекшейся глины доходит до 50 см, во всех случаях перекрывающая слой угля (рисунки 22–25).

На рисунке 21 отражена схема распространения слоев в раскопах 1996–1998 годов, перекрывающих слой погребенной почвы. Слой прокалённой глины распространён шире самой насыпи — он тянется вдоль края первоначального рва широкой полосой, в самом овраге образуя мощные завалы (рисунки 22–25). Толщина его на самой площадке при этом остается неизвестной — прилегающие к оврагу участки площадки также разравнивались бульдозером, и все слои оказались срезанными. Фактически сохранился лишь этот слой прокала и угля, перекрывающий погребенную почву (рисунки 22–25). Из всех городищ юго-восточной группы слой прокала на Городищенском городище самый мощный, пожалуй, только вал Городны I сопоставим с Городищами по количеству прокалённой глины в теле насыпи. Правда, для Протопоповского городища картина полностью не прояснена, поскольку вскрываемая площадь слишком невелика.

В данном случае слой прокалённой глины распространён шире самой насыпи даже с учетом того, что ее часть, располагавшаяся на самой площадке, не сохранилась. В ряде пунктов удалось зафиксировать остатки слоя прокала, перекрытого обычным черным гумусом, то есть слой прокала, повторяя в целом ориентировку насыпи вала, не вполне ей соответствовал. Под ним найдено очень небольшое количество находок, а также развал крупного сетчатого сосуда.

Сразу оговоримся, что полной ясности с тем, каково происхождение слоя прокалённой глины, у нас нет. В разное

* Своей структурой слой больше всего напоминал так называемые прослойки полов дьяковских наземных жилищ.

* Интерпретации объекта из раскопа Н. П. Милонова мы коснемся ниже, когда будем разбирать вопросы дьяковского домостроительства. Однако нам представляется важным упомянуть его и в связи с фортификацией Городищенского городища. Мы не располагаем сведениями о том, где находился раскоп 1935 г. М. Г. Савицкий указывал, что он был смещен от нашего раскопа 1996 г. к ЮВ, т. е. фактически по оси вала. Если это действительно так (а сомнения у нас остаются), получается, что раскоп 1935 г., так же, как и наш, попал на древнейшую часть вала и рва (аналогично кв. 5–7 1996 и 23–24 1998 гг. на рис. 20). Это объясняет многое из описания «землянки» и совпадает с картиной, которую увидели мы в 1996 г.: небольшой склон, глубиной около 0,5 м, мощные скопления прокалённой глины, развалы «рогатых кирпичей» и, наконец, ряды столбов. Сходство с описанием 1935 г. было настолько велико, что и я сам посчитал вскрытый в 1996 г. объект землянкой — вслед за Н. П. Милоновым (*Сыроватко*, 1997). Для меня картина проявилась только в 1997 г., после выполнения разреза (*Сыроватко*, 1998б). Единственный необъяснимый момент: почему в 1935 г. исследователь не видел вала?

время, отчасти под давлением аргументов коллег, мы считали, что слой прокалённой глины мог быть развалом какой-то глинобитной конструкции, остатками обмазки стен или крыши. Такие метания в вопросе интерпретации были неизбежны, особенно если учесть что с этим явлением мы впервые столкнулись на раскопках в Городищах. С другой стороны, первой ассоциацией, пришедшей на ум, была ассоциация с развалами прокалённой глины из раскопа Н. П. Милонова, интерпретированными исследователем как «глинобитная лестница» и «очаг»*. Теперь же мне представляется, что полоса прокалённой глины в основании вала является его конструктивным элементом. На это указывают, во-первых, почти полное отсутствие находок под ним, во-вторых, отсутствие следов несущих конструкций. И главный аргумент — четкая стратиграфия на ненарушенных участках — уголь строго под прокалённой глиной (это заметно и на рисунках 22–25). В случае хаотичного обрушения конструкции такой четкой структуры бы не образовалось.

Любопытные результаты были получены при палинологическом анализе образцов из нижней части культурного слоя, взятых с разных участков площадки (составлен Е. А. Спиридоновой, рисунок 115). Состав пылецевого спектра образцов 3, 4 и 6 близок культурному слою 6 из насыпи Протопоповского городища, но не вполне тождественен ему. Е. А. Спиридоновой был реконструирован полуоткрытый ландшафт, облесенный больше, чем окрестности Протопоповского городища. Образец 3 происходил из-под прослойки угля, связанной со слоем угля и прокала на площадке городища (рисунок 21), перекрывавшей погребенную почву. Образец 4 — над слоем угля (прокалённая глина на этом участке возле раскопа-врезки II 1996 года отсутствовала). Образец 6 характеризует этот же слой в центре раскопов 1996–1998 годов. Результаты споро-пылецевого анализа указывают на приблизительную одновременность слоя 6 из разреза Протопоповского городища и слоя прокалённой глины, но не на полное их совпадение.

Косвенное подтверждение синхронности соответствующих прослоек в насыпи Протопопова и Городищ очень важно — оно же свидетельствует и о синхронности строительных приемов, и о синхронности вещевого материала, происходящего из насыпей, хотя и не стоит безоговорочно доверять палинологическим датировкам, в основе своей также базирующимся на радиоуглеродных датах (*Стиридонова, Алёшинская, 2004*).

Отдельного описания заслуживают следы дополнительных конструкций в теле насыпи. В квадрате 4 траншеи 1997 года прослежен ряд столбов (сечение одного из них спроецировано на профиль в слое 9), которые, по нашему мнению, являлись наружной стенкой вала, удерживающей его от расползания и придающей ему вид эскарпа (рисунок 20). Столбы были впущены в самый край материкового уступа. Материк в квадратах 4—6 траншеи был дополнительно подрезан, что увеличило высоту стены. Позднее эта деревянная опорная стенка пришла в негодность, и насыпь, оплывая, заполнила углубление.

Помимо деревянной подпорки в квадрате 4 траншеи 1997 года в насыпи вала были прослежены остатки еще одной конструкции, предназначенной, по нашему мнению, для того, чтобы удерживать насыпь от расползания. На рисунке 19 приведена схема расположения столбовых ям раскопа 1996 и траншеи 1997 годов. Большинство кольев были впущены в слой 12 раскопа 1996 года, и только часть их достигала материка. Ряд кольев в квадратах 9, 12, 13 раскопа 1996 года прослежен также в вышележащем темном слое 10. В плане ямки образуют ряды, параллельные и перпендикулярные краю площадки. Назначение открытой конструкции до конца неясно: она могла являться клетями, удерживающими насыпь от расползания, а могла быть и чем-то вроде «жилых стен», тем более что слои 10, 11 по своей структуре напоминают отложения в постройках. Интерпретация разреза укреплений Городищ не может быть однозначной — слишком они повреждены, к тому же площадь раскопов сравнительно невелика. В данном случае мы можем только изложить рабочую гипотезу, дополнительно оговаривая наиболее спорные моменты.

Одним из самых важных и интересных является вопрос древнейших укреплений памятника. Ранее мы считали, что площадка всего городища отсеклась от остальной террасы небольшим овражком, на дне которого отложилась серая погребенная почва, содержащая керамику периода финальной бронзы с нитчатым отпечатком и орнаментом в виде треугольных ямок*. На профиле на рисунках 20 и 27 этот участок читается в квадратах 5–8 траншеи 1997 года. Однако после раскопок Настасьинского городища мы считаем, что характер отложений на дне овражка и на дне внешнего рва Настасьино чрезвычайно сходен: совпадает и керамический материал, и размеры рвов. Разница заключается только в том, что внешний ров Настасьино имеет выраженные борта, а на Городищах внешний борт рва отсутствует. Еще одним важным совпадением является то, что и в Настасьино, и на Городищах нет следов вала, который, по идее, должен бы соответствовать этим рвам. Однако нам известны примеры городищ, на которых зафиксированы рвы без валов — Шишкинское в Мещере, Филимоновское на озере Неро**, Шиловское на Дону, а также исследованное совсем недавно Н. А. Кренке поселение «Храм Цереры» в Царицыно*** (Фолмеев, 1994. Стр. 139, 140; Леонтьев и другие, 1986; Пряхин, 1976. Стр. 23). Причем в последнем случае исследователи посчитали, что возраст рва на поселении в Царицыно относится к периоду финальной бронзы, представленному керамикой типа Климентовской стоянки. На ранний возраст внешнего рва в Настасьино и надматерикового слоя 13 Городищ указывает в первую очередь керамика. Однако для Настасьинского городища керамика из внешнего рва не рассматривалась как датирующий материал: в рабочем порядке считалось, что она могла смываться с прилегающих участков площадки. В Городищах же аналогичный слой на дне рва перекрыт прослойками более поздних укреплений, исключающих подобные перемещения артефактов. Оба памятника — Городищи и Настасьино — применительно к раннему этапу строительства укреплений должны рассматриваться «в связке»:

* Самым ярким памятником этого круга следует считать Климентовскую стоянку на Оке (Третьяков, 1966а, рис. 38; Фолмеев и др., 1988). В этом же ряду стоят Чортов Городок, нижний слой Дьякова городища, Боршевы, ряд памятников собственно коломенской группы и целая серия городищ, где подобная керамика находится в основании слоя. Подробнее см. ниже.

** Публикация этой важной подробности не содержит, к сожалению. Нам ее любезно сообщил участник раскопок В. В. Сидоров. Есть соответствующие указания и в работе В. И. Вишневецкого (Вишневецкий, 2007. Стр. 70).

*** Доклад Н. А. Кренке, И. Н. Ершова, А. Е. Кравцова на 5-м заседании семинара «Археология Подмосковья» 29.01.2007 г.

если Настасынский ров иллюстрирует то, как мог выглядеть древнейший ров, то Городищенский определенно указывает на возможное время строительства. Вопрос, куда делся грунт из рвов как этих городищ, так и аналогичных им памятников, остается открытым.

Дополнительным подтверждением такой трактовки стратиграфии стал палинологический анализ. Для определения состава пыльцы из слоя 13 была отобрана колонка из четырёх образцов, в центре квадрата 8 раскопа 1996 года. Слой 13 по рисунку 20, опираясь на данные споро-пыльцевого анализа, можно интерпретировать как смыв с более высоких участков; при этом формирование слоя сопровождалось периодическим подтоплением (увеличением влажности). В ходе этого процесса на самой площадке городища протекала жизнь. Самый нижний образец (№ 1) сходен по составу пыльцевого спектра с комплексами эпохи бронзы. Главным выводом можно считать то, что слой 13 не аутохтонный, сформировался путем сноса материала. Это означает, что падение рельефа на участке раскопа 1 1996 года носит искусственный характер, а начало формирования слоя 13 может быть отнесено и к эпохе бронзы, хотя дата эта не достоверна. Таким образом, на самом раннем этапе укрепления Городищ могли быть представлены только небольшим рвом, на профиле (рисунок 21) занимающим квадраты 4–8 раскопа 1996 года. Вероятно, позднее и в течение всего периода строительства и ремонта укрепления ров памятника попросту расширялся и углублялся в напольную сторону, вследствие чего материк на всем протяжении профиля приобрел вид больших ступеней.

Следующей фазой строительства следует считать слой угля и прокалённой глины 14. Не исключено, что к этой же фазе строительства относится и слой суглинка 12*. Что же касается слоев 11 и 10, то, как уже говорилось, до завершения палинологического анализа их интерпретация вызывала значительные затруднения. Слои 10, 11 по составу пыльцы обладают следующими особенностями (образцы 6–12 из квадрата 12 раскопа 1996 года по рисунку

* Слой этот чистый и почти не содержит керамики и костей.

кам 20 и 22): оба слоя нестабильны по составу пыльцы в толщах, спектрам присущи «скачки», в составе древесных пород, — вероятно, эти слои, как и слой 13, могли формироваться путем смыва с более высоких участков (рисунок 118). В целом спектры напоминают состав суббореального периода, что заставляет предположить наличие в слоях 10, 11 почв эпохи бронзы (нестабильный состав пыльцы в образцах и радиоуглеродные даты полностью исключают возможность их аутохтонного формирования). Нижний образец наиболее близок по составу к самой нижней части слоя 13 — это позволяет предположить, что в квадрате 12 поверхность материка могла иметь тот же возраст, что и в квадратах 5–8, несмотря на «разрыв» в слоях. Интересно, что во всех образцах присутствуют споры и пыльца растений, характерных для увлажненных или подтопленных участков (во рву застаивалась вода в виде луж?). Заметим, что по составу керамического материала эти два слоя сильно отличаются и от слоя 13, и от слоев 1–8 (смотри ниже). Вероятнее всего, ров «второго строительного этапа укреплений» располагался в квадрате 12 1996 года и квадрате 1 1997 года. Еще одна ступень материка (в квадрате 2–3) могла быть следом дополнительного углубления рва в еще более позднее время, причем слой 10 относится именно к этому, третьему (?), периоду.

Новый (четвертый ?) строительный этап читается более определенно. Это суглинок насыпи — слой 9, впущенный в него ряд столбов, а также новый ров — в квадратах 4–7 траншеи 1997 года. Ряд столбов, прослеженный в слое 9, фактически являлся эскарпом. Эта деталь важна не только сама по себе, она еще и определенно указывает на границу рва и вала на среднем этапе, «отсекая» более ранние и более поздние прослойки.

Слои 1–8 относятся к последнему строительному этапу. При этом строителями укрепления был вновь отодвинут тальвег рва, центр рва теперь находился в квадрате 10. Прослойки суглинка 3–5, как мы уже отмечали, разделялись углистыми прослойками 6, 7, для которых получены радиоуглеродные даты, указывающие на первые века нашей эры

(подробнее смотри ниже). Для нижней части заполнения рва имеется еще одна дата — ГИН-9409 (таблица 2). Тот факт, что прослойки 3–7 заполняют и нижнюю часть рва, мы склонны объяснять быстрым оплыванием «свежей» насыпи, произошедшим вскоре после сооружения. Радиоуглеродные даты, отсутствие следов чистки рва и сходство стратиграфии этого участка насыпи с другими памятниками наводит на мысль, что вся пачка прослоек есть результат однократного ремонта, отражение технологии «прокаливания валов», а не свидетельство многочисленных разновременных подсыпок. Отложения во рву в квадрате 10 были исследованы палинологическим методом, отдельной колонкой (рисунок 117). Образцы из слоев и прослоек 3–7 и низа слоя 2 на дне рва малоинформативны: спектры нестабильны, иллюстрируют срыв при общем фоне плейстоценовой флоры. Спокойные отложения начинаются с низа слоя 2, и примерно в середине его толщи образец 41 маркирует открытую поверхность. Нижняя треть слоя 2 (рисунок 20) относится к теплой климатической фазе, середина слоя — к периоду похолодания. Последнее наблюдение чрезвычайно важно, хоть и нуждается в перепроверке; палинологически этот период изучен плохо, однако его можно сопоставить с верхними отложениями Дьякова городища. В таком случае можно констатировать, что, во-первых, слой сравнительно долго продолжал откладываться во рву под влиянием антропогенных факторов (поселение продолжало существовать), вероятно, после II века нашей эры или даже в течение III века, и это при том, что материала, характерного для позднедьяковского культурного комплекса, в нем нет. Во-вторых, время культурных перемен второй четверти I тысячелетия нашей эры приходится на похолодание климата.

Укрепления городища Погост Красно

Городище открыто М. В. Талицким, неоднократно осматривалось А. А. Юшко, Р. Л. Розенфельдом, который, впрочем,

сомневался в его существовании (Юшко, 1972; Розенфельдт Р. Л., 1979; 1980; 1986). По всей видимости, М. В. Талицкий мог шурфовать памятник, но места его шурфов неизвестны. Повторная шурфовка проводилась автором (Сыроватко А. С., 1999б).

Городище занимает узкий мыс при впадении в реку Москву широкого оврага — долины пересохшей речки Городенки (рисунки 28, 30). Примерно с XVII века на городище располагалось кладбище, закрытое в 1930-е годы, сильно испортившее культурный слой. Наибольший вред памятнику, однако, нанесли, во-первых, добыча известняка (наверняка с приречной стороны и со стороны оврага), а во-вторых, мародеры, разорявшие захоронения как на самой площадке, так и в склепах, у подножия холма (по некоторым сведениям, под склепы были приспособлены штреки каменоломен). Эти обстоятельства вынудили власти снести кладбище бульдозером, засыпав при этом входы в штреки у подножия холма. Позднее с площадки стали вывозить культурный слой как для частных огородов, так и для благоустройства новостроек города Воскресенска. Облик городища изменился до неузнаваемости, и сомнения Р. Л. Розенфельдта относительно существования городища вполне понятны.

М. В. Талицкий отметил на городище вал и постройку, к настоящему времени не сохранившуюся (рисунок 29). Этот рисунок является едва ли не единственным свидетельством существования на городище укреплений — ныне вал на поверхности памятника никак себя не обнаруживает. Во время шурфовки городища нам, как кажется, встретились следы насыпи, возможно, относящейся к укреплениям поселка.

Площадка городища покрыта ямами и грабительскими шурфами, доходящими до материка, и мы с трудом отыскивали место для двух шурфов, затронув, тем не менее, несколько погребений. Подчеркнем, что шурфовка оставалась для нас вынужденным и единственно возможным методом исследования, как, впрочем, и на остальных городищах.

Стратиграфия шурфов 1 и 2 различается, несмотря на то, что они находились практически рядом. Шурф 1 располагался в 1 метре от окончания мыса городища, шурф 2 — в 5,5 метрах к югу от шурфа 1 (рисунок 28).

Слой шурфа 2 однороден — это черный гумус, насыщенный человеческими костями, со следами распашки на контакте с материком.

Стратиграфия шурфа 1 сложнее (рисунок 31). Верхний слой шурфа — черная гумусированная почва, насыщенная человеческими костями и керамикой. Ниже залегал слой, представляющий переотложенный желтый известняк. От материка его отделяла тонкая прослойка собственно культурного слоя бурого цвета. В материке выявлены следы кольев, но назначение их неясно, поскольку вскрытая площадь слишком мала.

Мы уже высказывали предположение, что открытый известняковый слой мог являться либо остатками насыпи вала, либо расширяющей площадку подсыпкой, — в любом случае, ее нахождение на самом окончании мыса едва ли случайно. По составу слой схож с насыпью вала городища Коробчеево I, также расположенного на известковой платформе. Следы укреплений на узкой стрелке мыса фиксируются на городище Городна I. Видимо, прав был К. А. Смирнов, утверждавший, что стандартная форма городища в виде треугольного мыса с валом у его основания не является первоначальной и укрепления должны были располагаться по всему периметру (*Смирнов, 1974. Стр. 8*).

Укрепления городища Городна I

Городище открыто К. Ф. Калайдовичем в начале XIX века, в 1970 году осматривалось Р. Л. Розенфельдтом, им же был снят план памятника (рисунок 33).

Исследование укреплений мы определили в качестве одной из задач экспедиции, хотя и были стеснены обстоятельствами во время проведения работ. Вал городища хорошо заметен, на

гребне его стоит дом, площадка занята садом и огородом (рисунок 32), таким образом, шурфовка оставалась единственным методом изучения памятника.

Шурфы были разбиты перед домом, на месте предполагаемого рва, на гребне вала и на окончании мыса городища.

Шурф 1 располагался в 7,5 метрах от дома. В нём выявлен глубокий, свыше 3 метров, участок рва, дно которого резко понижается в сторону вала. Заполнение — переотложенный серый суглинок, вся найденная керамика относится к эпохе средневековья. Абсолютно схожая картина заполнения рвов была встречена во время раскопок Настасьинского городища, во внешнем рву которого с северо-восточной стороны также почти не было материалов эпохи раннего железа. По всей видимости, существовали какие-то особые причины, по которым рвы этих городищ не оплывали в течение длительного времени.

Шурф 2 выявил сравнительно невысокую насыпь, основу которой составляет желтый суглинок с включениями прокалённой глины кирпичного цвета, угля и керамики (рисунок 36). Похожий состав насыпи имеют валы Протопопово и Городищ. Насыпь нарушена перекопами, не всегда надежно определяемыми визуально и фиксируемыми только по находкам современного мусора на контакте с материком. Еще один признак перекопов — перемешанность прокалённой глины и угля, поскольку в непотревоженном состоянии эти прослойки чередуются и уголь, как правило, находится внизу. Именно такую картину наблюдал зарайский краевед А. В. Камакин в 1970-е годы в разрезе вала городища, сделанного с помощью бульдозера с юговосточной стороны площадки. В разрезе были хорошо заметны пласты прокалённой глины и угля*. Разбить новый шурф на валу не было возможности; везде, где нам удавалось зачистить обнажения, мы сталкивались с той же картиной — современными перекопами насыпи.

Под насыпью, в материке, прослежено несколько столбовых ямок, но, как и в случае с городищем Красно, площадь шурфа была слишком мала для того, чтобы понять их назначе-

* Устное сообщение
А. В. Камакина.

ние. На контакте с материком в профиле прослежены также характерные углубления — следы распашки. Если эти следы не являются результатом позднейших перекопов, то они — свидетельство существования погребенной почвы под валом, впоследствии уничтоженной. Погребенная почва со следами распашки под валами дяковских городищ выявлена на нескольких памятниках (*Александровский и другие*, 1998). Столбовые ямки в материке также могли относиться ко времени, предшествующему сооружению укреплений.

Шурф 5 (скорее, небольшой раскоп размерами 6 × 2 м) был разбит на окончании мыса, прорезав небольшое валообразное всхолмление. Стратиграфия шурфа заметно различалась, что наглядно иллюстрирует профиль его северной стенки (рисунки 34, 35): в квадратах 9–7 все прослойки представляли собой темно-серый гумусированный суглинок различных оттенков, иногда с небольшим включением желтого материкового суглинка. На контакте с материком, по нашему мнению, читались следы распашки, погребенная почва отсутствовала.

В квадратах 10, 11 стратиграфия шурфа была принципиально иной: под верхним слоем темно-серого гумусированного суглинка с прослойкой желтого материкового суглинка располагалось мощное скопление прокалённой глины. В центральной части, в квадрате 11, оно было нарушено перекопом, не пробивавшим его до конца, максимальная толщина в ненарушенной части составляла 35–40 сантиметров (рисунок 35). Верхняя часть скопления была очень плотной, нижняя более мягкая, розового цвета. В целом слой прокалённой глины производил впечатление единого объекта, прокалившегося на месте. Под ним располагалось мощное скопление угля, толщина которого достигала 10 см (рисунок 35). Для этого скопления получена радиоуглеродная дата ГИН-12721в, некалиброванный возраст образца 2040±35 л. н. (таблица 2). Ниже, вплоть до материка, залегала пачка чередовавшихся песчанистых и углистых прослоек. В основании этой пачки располагался особо мощный углис-

тый слой, для которого получена дата ГИН-13293. Возраст образца определен в 2580 ± 60 л. н. (таблица 2). Поскольку вскрытая площадь невелика, любая полноценная интерпретация профиля будет некорректной. Однако заметим, что нижняя пачка отложений по внешнему виду скорее напоминает чередующиеся прослойки полов наземных дьяковских жилищ, тем более что в материке читались столбовые ямки и другие следы, аналогичные следам построек на прочих дьяковских памятниках (смотри ниже). В то же время мощный слой прокалённой глины, на наш взгляд, не стоит связывать с постройкой. Такие скопления характерны скорее для насыпей валов дьяковских и городецких городищ. Мы вправе предположить, что открытый объект — это следы, оставленные укреплениями на краю площадки, подобные тем, что были обнаружены на окончании мыса городища Красно. К тому же на Городищенском городище известен пример того, что прокалённая глина, лежащая в основании вала, не всегда бывает перекрыта насыпью. Радиоуглеродная дата ГИН-12721в может служить косвенным доказательством принадлежности слоя прокалённой глины укреплениям — она очень близка целой серии дат, полученных для укрепления других памятников (смотри ниже).

Р.Л.Розенфельдт (1970) писал о том, что городище имело два вала с напольной стороны, а также предположил наличие вала на стрелке мыса, на высоте двух третьих от подошвы. Проверить это утверждение нельзя: напольная сторона с тех пор оказалась застроенной, в оврагах сооружены плотины — все это могло сильно изменить облик городища. Достоверно зафиксирован только один вал, в существовании второго мы сомневаемся, хотя и не можем отрицать его наличие категорически.

Укрепления Настасьинского и Ростиславльского городищ

К сожалению, мы можем позволить себе только кратко остановиться на этих интереснейших памятниках — оба они,

исследованные коллективами под руководством А. В. Энговатовой и В. Ю. Коваля, не опубликованы или введены в оборот частично. Публикации следует ожидать в ближайшее время, мы же позволим себе высказать только самые общие замечания, основываясь в том числе на личных наблюдениях*.

Укреплениям Настасьино присущ целый ряд интересных особенностей, которые не могут быть до конца интерпретированы. Во-первых, на памятнике открыто два рва, полумесяцем охватывающих его с северной, западной и северо-восточной сторон, и только один вал по краю площадки (*Энговатова, Сапрыкина, 2004. Стр. 9 и следующие. Рисунок 9*). Между рвами есть достаточно широкий промежуток, но никаких следов сооружений или насыпи не выявлено. Не исключено, что городище обладало внешним рвом без вала, подобно другим памятникам финальной бронзы и железного века, упомянутым ранее, Шиловскому на Дону, Филимонову, Шишкинскому, Городищенскому на самом раннем этапе и поселению «Храм Цереры». В заполнении придонной части внешнего рва есть керамика периода финальной бронзы — гладкостенная и сетчатая с нитчатым отпечатком, типа Климентовской стоянки.

Во-вторых, рвы на всем протяжении имели неодинаковые размеры. Внешний ров с напольной стороны неглубок — от 0,3 до 0,8 метра, но с северо-западной стороны он представляет собой мощное препятствие в 7 метров шириной и до 3,5 метров глубиной (на этом участке он был раскрыт траншеей 1 в 1999 году; смотри: *Энговатова, Сапрыкина, 2004. Рисунок 8*). Внутренний ров, наоборот, с напольной стороны значительных размеров — до 7 метров ширины и до 3,5 метров глубины (*Энговатова, Сапрыкина, 2004. Стр. 16. Рисунки 10, 27, 29*), таков же он и с востока, а вот с северо-запада (открыт траншеей 1 в 1999 году) он достигает 1 метра в глубину при ширине 5 метров (*Энговатова, 2000. Рисунок 187*). С чем связана такая форма двух рвов, непонятно.

Вал городища имел крайне небольшую высоту и ширину. Отчасти это можно объяснить его распашкой, которая произ-

* Доклад А. Н. Медведа на шестом заседании семинара «Археология Подмосковья» 05.02.2008 г.

водилась еще в 1930-е годы. Именно благодаря ей М. В. Талицкий обнаружил вал (1941. Стр. 66). Однако объем грунта в валу, сложенного материковым суглинком, не соответствует объему внутреннего рва.

Вал Настасьино сложен таким же грунтом, что и валы Городищ, Протопопово, Городны I и Ростиславля, но от всех перечисленных памятников, помимо размеров, он отличается отсутствием прокалённой глины. Исключение составляет только один небольшой участок в квадратах А–Б 3, 4, где под валом найдено пятно прокалённой глины, в которой содержался конский череп. Этот провал может быть интерпретирован и как рухнувшая обгоревшая деревянная конструкция, засыпанная суглинком вала, и как преднамеренно созданный. В целом складывается ощущение, что устройство вала Настасьинского городища отличается от соседних памятников.

Под валом городища обнаружены постройки (№ 3, 6; см.: *Энговатова*, 2004. Рисунок 1), но культурный слой тонок и находок в нем мало. По сравнению с другими памятниками относительно немного материала было и в самой насыпи.

По нашему мнению, на Настасьинском городище открыты разновременные системы укреплений. Особенности устройства рвов могут быть объяснены тем, что внешний ров относится к древнейшей системе «ров без вала», открытой ранее на других памятниках. Это подтверждается тремя обстоятельствами: наличием во внешнем рву керамики периода финальной бронзы, общим сходством укреплений (небольшие размеры рва и отсутствие вала) с аналогичными памятниками, наличием на площадке городища построек, скрытых (обрезанных) при строительстве внутреннего рва и перекрытых валом. Большие размеры рва с западной стороны городища имеют свое объяснение: на этом участке он идёт перпендикулярно краю террасы и, вероятнее всего, длительное время просто размывался. Это объясняет и небольшие размеры внутреннего рва с запада — размытый и большой внешний ров уже суще-

ствовал, и строители внутреннего рва это учли.

Укрепления Ростиславльского городища формально схожи с большинством дяковских городищ — на нем открыт один вал дяковского времени и один ров. Как и на многих других дяковских городищах, в насыпи из материкового суглинки присутствуют уголь и прокалённая глина, хотя в разрезах не встречен слой сплошного прокала. Насыпь состоит из многочисленных прослоек, поделённых авторами раскопок на условные горизонты подсыпок. В этой связи любопытен ров городища: как и в Городищах, в ходе досыпок вал увеличивался и расширялся, что приводило к засыпке рва, и его приходилось периодически сдвигать в напольную сторону (рисунок 38). В насыпи вала авторами раскопок прослежен проход, на одном из этапов ремонта засыпанный (рисунок 37). Укрепления Ростиславля выделяются только своими размерами — в настоящее время вал имеет высоту 5,5 метра, и это притом что достоверных доказательств его досыпки в древнерусское время нет.

Приведённый обзор устройства укреплений позволяет сделать некоторые выводы.

На двух памятниках (Городищи и Настасьино) предположительно фиксируется очень ранняя система укреплений, имеющая аналогии на поселениях бронзового века — с небольшим рвом без вала. Пока она не может быть достоверно датирована и устройство ее остается во многом непонятным, но не исключено, что ее следует связывать либо с очень ранним дяковским поселением, либо с древностями типа Климентовской стоянки.

Основной прием фортификации в сохранившемся виде — система «вал + ров», вероятно, с валом по краю площадки. Таковы Городищи, Настасьино (поздний период), Городна I, Ростиславль, Погост Красно. Вероятно, к этой группе относится и Протопоповское городище с валом по краю обрывистой площадки. Не исключено, что такие же укрепления были на разрушенном городище Коробчеево II.

Городище с двумя валами и рвом между ними в рассматриваемой группе только одно — это Коробчеево I. Второго рва с внешней стороны внешнего вала на этом памятнике пока не найдено, хотя, по идее, он должен был существовать. Возможно, в будущем он будет обнаружен.

На Ростиславле и Городищах выявлены следы внутривальных конструкций, а на Городищенском городище еще и эскарпирование вала. На остальных городищах следов дополнительных конструкций зафиксировать пока не удалось.

На городищах, чьи валы сложены из суглинков, обычно встречается большое количество угля с перекрывающим его слоем прокалённой глины. Таковы Городищи, Протопопово, Городна I, Ростиславль и, возможно, Настасьино. На трёх памятниках (достоверно Коробчеево I и предположительно Коробчеево II и Погост Красно) в насыпи в большом количестве присутствуют обломки известняка, и следы огня в них не зафиксированы.

Таковы самые общие выводы относительно устройства укреплений. Однако исследования валов городищ выявили еще два очень важных аспекта, требующих, на наш взгляд, отдельного рассмотрения.

Состав находок из насыпей валов

В ходе описания стратиграфии насыпей валов мы неоднократно подчеркивали наличие угля и прокалённой глины на ряде памятников. Не раз мы обращались и к керамике, найденной в ходе исследования укреплений (*Сыроватко А. С.*, 2000; *Сыроватко А. С., Спиридонова*, 2002), при этом, видимо нарасно, оставляя без внимания остальные артефакты, происходящие из насыпей, хотя еще А. А. Спицын, отмечая их необычный состав, в том числе и следы прокала, говорил, что находки из насыпей валов бывают более интересными (*Спицын*, 1903. Стр. 112). Керамика будет рассмотрена нами отдельно. В данном случае мы ограничимся констатацией того обстоятельства, что фрагментов керамики, а иногда и крупных разва-

лов в насыпях валов довольно много. Остановимся подробнее на других категориях находок.

Рогатые кирпичи

Насколько нам известно, А. И. Пузикова первой обратила внимание на то, что на скифоидных городищах в бассейне реки Тускарь «рогатые кирпичи» тяготеют к насыпям валов и могут быть связаны с ритуалами, совершаемыми при строительстве (Пузикова, 1997. Стр. 79–80). Это довольно любопытное наблюдение, поскольку на дьяковских городищах, по крайней мере на рассматриваемой территории, подобные факты также известны.

На Городищенском городище фрагменты «рогатых кирпичей» были найдены в траншее 1997 года (№ 5/97*, 8/97) — небольшие фрагменты, происходящие из слоя 8 (рисунок 20), в раскопе 3 1998 года (№ 53/98) — развал крупной части «рогатого кирпича», происходящий из слоя угля и прокалённой глины, перекрывавшего погребенную почву. Еще два «рогатых кирпича» отмечены на плане раскопа Н.П. Милонова, вблизи скоплений прокалённой глины (рисунок 40). Как мы уже говорили выше, весьма вероятно, что раскопом Милонова вскрыт участок укреплений с аналогичными скоплениями прокалённой глины и угля.

* Здесь и далее указаны номера из полевых описей.

На Ростиславльском городище многочисленные фрагменты «рогатых кирпичей» приурочены в основном к горизонтам 8 и 9 по В. Ю. Ковалю, которые также содержат прокалённую глину и уголь (Сыроватко А. С., 2006. Стр. 51). Точное количество экземпляров «кирпичей» остается неизвестным, но их обломков найдено довольно много.

Миниатюрные сосудики

На Городищенском городище один экземпляр происходит из-под слоя прокалённой глины раскопа 1 1998 года (№ 5/98, рисунок 101, 4), один — из слоя 8 (№ 6/97; рисунок 101, 2). Третий экземпляр был найден в верхней части сохранившейся

* Слой, из которого происходит сосудик, по нашим наблюдениям, был поврежден перекопом. Но связь его с телом вала тем не менее весьма вероятна.

насыпи, в раскопе 1 1996 года (№ 25/96, рисунок 101, 1)*. Еще несколько фрагментов могут относиться как к сосудикам, так и к тиглям, происходящим из слоя 8 (№ 25/97, 26/97; фрагмент № 25/97 прокалён и может быть частью тигля).

Тигли

Один из наиболее сохранившихся экземпляров, длина реставрированной части рукоятки которого составляет почти 30 см, происходит из квадрата 9 траншеи 1997 года (№ 9/97) Городищенского городища (рисунок 102, 1). Предмет располагался в насыпи вертикально, ручкой вниз, на границе слоев 3, 4 и 6. Тесто его, пористое и рыхлое, аналогично тесту «рогатых кирпичей». Как уже отмечалось, фрагментов тиглей может быть больше — к ним могут добавиться те, что принимаются также за обломки миниатюрных сосудиков. Тесто этих предметов обычное, плотное.

Фрагмент тигля с каплями металла найден в насыпи внутреннего вала Коробчеево I в 1992 году. Фрагменты тиглей найдены также в насыпи вала Ростиславльского городища в горизонтах 8, 9 в 2005 и 2006 годах. Общее количество тиглей в насыпи городища — четыре экземпляра. Тесто их сходно по составу с тестом «рогатых кирпичей».

Наконечники стрел

Известен только один обожжённый фрагмент костяной стрелы, тип которой определить уже не удастся, происходящий из насыпи Протопоповского городища (шурф 5, рисунок 98, 4). Стрела, скорее всего, попала в насыпь при ее сооружении — об этом говорит фрагментированность экземпляра и его обожжённость. Наконечники стрел в насыпях валов на некоторых памятниках встречаются в больших количествах, являясь скорее, следами военных столкновений: таковы, например, Шишкинское или Настасьинское городища* (Фоламеев, 1994).

* Лишнее доказательство военного назначения валов и рвов.

Бусы

Серия бус происходит из насыпи вала Городищенского городища, на других памятниках таких находок нет. Большая часть находок приурочена к слою 11 — темно-серому гумусированному суглинку слоистой структуры. Часть обломков керамических предметов предположительно реконструируются как фрагменты бус — это плоские глиняные таблички с точечным орнаментом и отверстиями в гранях. К ним относятся фрагменты № 18/96, 19/96 (рисунок 103, 4). Помимо них из этого слоя происходит целая многоканальная бусина (№ 22/96; рисунок 104, 7), костяная бусина (№ 21/96; рисунок 104, 1) и круглая шаровидная бусина (№ 16/96; рисунок 104, 2). В слое 8 также найден фрагмент довольно крупной многоканальной бусины-плакетки с орнаментом и отверстиями в боковых гранях (рисунок 104, 10). Отметим также найденный в этом же слое грузик дьякова типа (рисунок 96, 3).

Отдельные находки

На Протопоповском городище были сделаны две находки, ставшие предметом отдельной публикации (*Сыроватко А. С., Козловская, 2004*). Это обработанные диафасные части кости левого бедра взрослого человека, обнаруженные в верхней прослойке материкового суглинку шурфа 4 1996 года (рисунок 108, 1,2). Одна из них — полая трубчатая часть с отбитыми эпифазами. Вторая — только фрагмент диафаса. Обе кости имеют следы не столько обработки, сколько использования (по мнению М. В. Добровольской, это больше похоже на истирание об одежду). М. В. Козловская и М. Б. Медникова приводят немало число примеров, свидетельствующих об особом значении в сакральной практике бедренных костей человека вообще и левого бедра в частности (*Медникова, 2004; Сыроватко А. С., Козловская, 2004*). Место таких предметов в «культурном инвентаре» дьяковской культуры остается неясным*, хотя очевидно, что находки высветили еще одну форму обращения с умершим у дьяковцев**. Нам представляется важным, что обе находки

* По нашему мнению, возможна интерпретация предметов как воинских трофеев, тем более что на соседних территориях известны подобные примеры (*Степанов, 1973; Медникова, 2000; Перерва, 2005. С. 42 и след.*)

** Число подобных находок увеличивается — назовем фрагмент черепа с Бабушкинского городища и фрагмент бедренной кости с городища Мугёнки (*Башенькин, Васенина, 2006. С. 71; Сидоров, 2004. С. 109*).

были сделаны в небольшом шурфе на склоне вала, в слое суглинка, почти не содержавшего археологического материала.

В связи с Протопоповскими находками уместно вспомнить и еще один факт. Это скопление прокалённой глины и угля в квадрате Б4-5 в насыпи вала Настасьинского городища. При разборе скопления (в отчёте 1999 года обозначенного как ямы на валу в секторе 2) был найден конский череп без нижней челюсти, но с позвонком. В насыпи он располагался теменем вниз. Помимо черепа, в слое суглинка вала было обнаружено несколько крупных костей животных. Конские черепа на Настасьинском городище находились неоднократно, в основном в постройках. Вероятно, находка черепа в насыпи укладывается в этот же контекст*. Как мы уже отмечали, скопление угля и прокалённой глины производило впечатление сгоревшей и обвалившейся деревянной стенки, подпиравшей вал. В разрезе насыпи было хорошо заметно, как меняется цвет и плотность прокала от наибольшей (поверх угля) до обычного желтого суглинка (выше и к центру вала). Однако возможна и другая интерпретация — например, забрасывание суглинком горящих плах во время сооружения насыпи.

Поселения юго-восточного Подмосковья не являются единственными памятниками, в валах которых отмечено большое количество находок, керамику и артефакты содержат также городища городецкого ареала — Городецкое, Шишкинское, Тюков Городок (*Фоламеев, 1993*).

Радиоуглеродная хронология фортификации коломенской группы памятников

Радиоуглеродное датирование при раскопках дьяковских памятников применяется в настоящее время довольно широко. Со времени первых работ в этом направлении значительно расширился и ареал памятников, на материалах которых применялся метод, и количество дат (*Кренке, Сулержицкий, 2006*). Первое появление датировок для Дьякова городища внесло в свое время ясность в многолетнюю дискуссию о хронологии

* Использование черепов, а также других частей животных в культовой практике обитателей лесной зоны, в том числе дьяковцев, довольно распространено. В качестве примеров, помимо широко известных святилищ на городищах Городок и Тушля, назовем сооружение на Бабушкином городище, а также следы ритуальных действий, фиксируемые на Мутёновском городище (*Третьяков, Шмидт, 1963. С. 27; Башенькин, Васёнина, 2006. С. 70; Сидоров, 2004. С. 109*). Помимо Мутёновского городища, следы обрядов, совершаемых при строительстве, в том числе укреплений, есть на Пеньковском городище (*Травкин, 1991. С. 93 и след.*).

памятников этого типа, на острие которой находились И. Г. Розенфельдт и К. А. Смирнов, причем произошло это в тот момент, когда аргументы И. Г. Розенфельдт уже почти убедили сомневающихся (*Смирнов К. А.*, 1982). Были скорректированы и некоторые представления относительно хронологии отдельных категорий вещей (*Кренке, Сулержицкий*, 2006. Стр. 122). Таким образом, первый опыт применения радиоуглеродного метода на дьяковских памятниках привел к весьма важным результатам. Впоследствии количество радиоуглеродных дат увеличилось примерно в четыре раза, хотя сопоставимого качественного рывка знаний не произошло. Складывается впечатление своеобразной гонки за количеством дат, и в этой связи гордость коллег за длину списка датировок понятна. Однако хронология дьяковского инвентаря и керамики по-прежнему весьма размыта, вещи датируются в широких пределах, комплексов с надежными датами не выделено. Продолжается обсуждение «датировки поселений вообще», выделение одних и тех же хронологических периодов, выявление пресловутых «пиков активности», совпадающих с археологическими датировками (что, по идее, уже никого не должно удивлять). Вряд ли это следствие недостатков самого метода, хотя Н. А. Кренке и определил «реальное разрешение метода» в 300 лет, что, как нам кажется, лишает смысла саму датировку (*Кренке*, 2004а. Стр. 180). Результативно, на наш взгляд, радиоуглеродный метод был применен Б. А. Фоломеевым для датировки укреплений городецких городищ (*Фоломеев*, 1993; 1994; *Сулержицкий, Фоломеев*, 1993).

С поселений юго-восточного Подмосковья, помимо Настасьинского городища, происходит 20 радиоуглеродных дат, относящихся к эпохе железа и раннего средневековья (таблица 2). Эта серия выглядит значительно более скромной на фоне Дьяково и Настасьино, но, по нашему мнению, довольно репрезентативной. Все образцы были взяты из объектов и представляли собой уголь (в нашей выборке отсутствуют образцы, взятые «из слоя вообще», а также даты, выполненные

по почвам, костям и прочим материалам). Большая часть образцов происходит из насыпей валов. Это все семь образцов из Городищ, два из Коробчеево I, один из Протопоповского и четыре из Городны I. Еще две даты для насыпи вала Ростиславля были получены В. Ю. Ковалем (правда, обе они чрезвычайно сильно расходятся с археологическим контекстом). Таким образом, три памятника — Городищи, Городна I, и Настасьино — дали серии дат из насыпей валов. Сравнительно большое количество датировок для насыпей валов объясняется не только вниманием к этим объектам в ходе раскопок, но и упоминавшейся их яркой особенностью — наличием большого количества угля и прокалённой глины.

На рисунке 39 отражены калиброванные даты C14 в виде графика, выполненные в программе Calib. ver. 5.0. Калиброванные этой же программой числовые значения дат представлены в таблице 2. Во всех случаях мы оперировали только значением в одну сигму — значение с расчетом в две сигмы при таком небольшом возрасте лишает датировку смысла.

Полученные даты, на первый взгляд, дают существенный разброс, охватывая практически весь дьяковский период. Поэтому мы посчитали необходимым прибегнуть к критике источника и подробно рассмотреть каждую из дат в выборке.

Датировка вала Городищенского городища

Даты, полученные из вала Городищ, можно разделить на две группы. Первая, наиболее многочисленная, относится к основанию насыпи. Все эти образцы получены из широко распространенного на памятнике слоя угля, перекрывающего непосредственно погребенную почву, содержащую материалы финальной бронзы. Этот слой, лежащий также в основании насыпи, почти всегда перекрыт слоем прокалённой глины, за исключением образца 9427, над которым слоя прокала не было. Заметим также, что не над всеми образцами насыпь сохранилась — для образцов из раскопа 3 1998 года и образца 9427 характерна небольшая глубина залегания, что мы склон-

ны объяснять планировочными работами на памятнике, имевшими место в Новейшее время. Тем не менее все образцы выглядели ненарушенными и залегали непосредственно на погребённой почве. Всего образцов четыре: ГИН-9426, 9426а, 9427, 9427а (рисунок 36).

По нашему мнению, столь широкий разброс датировок для единого объекта может быть объяснен одновременным деревом, образовавшим уголь. Поэтому, рассматривая всю серию, следует придерживаться более молодых образцов. В этом случае образец 9426, имеющий возраст IV–II века до н. э., и 9427а с возрастом IV–III века до н. э. не должны учитываться, в то время как образцы 9426а и 9427, в сумме указывающие на II век до н. э. – I век н. э., более правильные, причем возраст самого объекта должен тяготеть к верхней границе этого периода. Разумеется, мы отдаем себе отчёт в том, что следует учитывать и факторы, влияющие на омоложение образцов, но в данном случае ими можно пренебречь — все образцы залегали в одинаковых условиях*. Таким образом, время сооружения основания насыпи вала относится к I веку до н. э. – I веку н. э., возможно также, что нижняя граница этого интервала может быть сдвинута до II века до н. э.

Как мы уже отмечали выше, в насыпи вала городищ фиксируются отдельные строительные периоды, маркирующиеся прежде всего сдвигавшимися тальвегами рва, а также эскарпом вала. Поэтому между ранними и поздними прослойками вала есть временной промежуток, хотя он мог быть сравнительно коротким. К верхним, или поздним, прослойкам вала относятся даты ГИН-9407 и 9408, а образец 9409 происходит из нижней части заполнения рва (рисунок 20). Как и в предыдущем случае, даты 9407 и 9408 вкуче образуют слишком длинный отрезок, смыкающийся с датами из основания вала. Поэтому образец 9407, как существенно более древний, вряд ли близок к возрасту прослойки, из которой он происходит, к тому же он стратиграфически выше, чем более молодой образец 9408. Образец 9408 имеет большую погрешность (100 лет) и на

* Заметим также, что специфика подачи результатов калибровки дат требует рассмотрения возраста в виде отрезков «наибольшей вероятности», что увеличивает разброс. Калибровка же предыдущей версией Calib, в которой вероятный возраст представлялся в виде даты, дала и разброс существенно меньший — в этом случае для трех образцов — ГИН 9426, 9426а и 9427 — интервал составил всего 200 лет — от рубежа III–II вв. до н. э. до самого начала I в. н. э., что, на наш взгляд, существенно ближе к истине.

калибровочной шкале существенно растянут — от II века до н. э. до II века н. э., по нашему мнению, истинный возраст насыпки должен быть у верхней границы этого интервала — I–II века н. э. Образец 9409 из нижней части заполнения рва подтверждает это предположение, его возраст — I век н. э. — первая половина III века н. э.

Суммируя изложенное, можно сказать, что основание насыпки вала в Городищах относится ко II веку до н. э. — I веку н. э., вероятнее всего I век до н. э. — I век н. э.; последняя перестройка датируется временем не ранее I–II веков н. э.; отложения во рву городища могут быть отнесены ко II–III векам н. э. Интересно что на этот сравнительно короткий промежуток времени приходится до четырех перестроек укреплений — ни до, ни после на этом памятнике не было такого интенсивного оборонного строительства.

Датировка укреплений городища Городна I

Три образца из этого памятника происходят из насыпки вала и, как и в Городищах, имеют существенный совокупный разброс — от VI до I веков до н. э. В этом случае, по нашему мнению, следует рассматривать только поздние даты, поскольку попадание молодого углерода в ранние слои также объяснить нельзя. По видимому, следует исключить образец ГИН-13540, возраст которого укладывается в интервал VI–IV века до н. э., и, видимо, образец 13541, чей возраст — IV–II века до н. э. Более вероятно, на наш взгляд, дата, полученная по образцу 13542, хотя ее интервал частично совпадает с образцом 13541 — II–I века до н. э.

Существует также еще один образец, который происходит из слоя угля и развала прокалённой глины на стрелке мыса городища ГИН-12721в. Мы уже отмечали выше, что это сооружение может быть связано с укреплениями памятника, в таком случае весьма примечателен его возраст — I век до н. э. — начало I века н. э., практически совпадающий с образцом 13542. Датировку насыпки вала Городны, по крайней мере, последней перестройки (если таковые существовали), таким образом, следует определить II–I веками до н. э., вероятнее всего I веком до н. э.

Датировка укреплений Протопоповского и Коробчеевского городищ

Обратимся теперь к единичным датам из насыпи вала Коробчеево I и Протопопово. Коробчеевский образец датируется в интервале IV–II веков до н. э. Эта дата не является датой сооружения вала, поскольку образец происходит из сгоревшего бревна, попавшего в насыпь случайно. В насыпи вала Коробчеевского городища, как мы уже отмечали, не было слоев угля и прокала, сгоревшее бревно относится к более раннему, чем сама насыпь, времени. Образец из насыпи вала Протопоповского городища дал дату II–I века до н. э., что полностью совпадает с датами, определенными нами для Городищенского городища и Городны I. Образец представлял собой небольшое скопление угольков.

Радиоуглеродная датировка укреплений Настасьинского городища

Радиоуглеродной датировки объектов Настасьинского городища посвящено несколько публикаций (*Энговатова*, 2004; *Энговатова, Сапрыкина*, 2005). Авторами публикаций определен в итоге возраст насыпи вала — 175–110 года до н. э. (*Энговатова, Сапрыкина*, 2005. Стр.136). Полученная дата также совпадает с возрастом, определенным нами для остальных памятников коломенской группы, и этот результат не может не радовать. Единственное, что требует дополнительной аргументации, — применение операции комбинирования дат и, как следствие, возраст постройки б.

Если обратиться к образцам непосредственно из насыпи вала (*Энговатова*, 2004. Стр. 145), а они в большинстве своем также связаны со слоем угля и прокалённой глины, то их возраст и без комбинирования соответствует II–I векам до н. э. (образец Le 5880 так же, как и в предыдущих случаях, имеет отрыв в сторону удревнения от двух других и может не учитываться). Однако насыпь вала перекрывала постройку б, чей возраст определен в 230–110 годы до н. э. (*Энговатова*, 2004. Стр. 146, 147). При этом

в серии образцов, подвергнувшихся операции комбинирования, есть и образец ГИН-10519, чей возраст укладывается в интервал I — начала III века н. э. Именно этот образец даёт повод для сомнений.

По нашему мнению, попадание столь молодого по возрасту образца в слой под насыпью вала не может быть проигнорировано. Однако после операции комбинирования дат, по сути, получено некое усреднённое значение, по методике, несмотря на применение «специальных математических формул», равнозначное определению даты монетного клада как среднему арифметическому всех лет чеканки.

Мы не отрицаем полученного коллегами результата вообще — его совпадение (в части датировки укреплений) с нашими датами подтверждает достоверность образца*. Мы также предполагаем, что датировка объекта по почве из заполнения канавок от жилищ вообще крайне ненадежна, и здесь как раз могли иметь значение факторы омолаживания образцов. Однако сомнения в корректности приема комбинирования дат остаются.

* Следует признать, что нам очень хочется, чтобы это совпадение состоялось. Возможно, мы просто теряем объективность...

Радиоуглеродная датировка укреплений Ростиславля

К настоящему времени известно две даты, к сожалению, настолько сильно не соответствующие археологическому возрасту вала, что они не могут быть приняты (таблица 2).

Общим итогом рассмотрения всех радиоуглеродных дат из валов коломенских городищ можно считать следующее. Своеобразный прием прокаливания глины в насыпях валов, а также массовая перестройка укреплений относятся к сравнительно небольшому временному интервалу. Наиболее вероятно, что начало периода следует относить ко II веку до н. э. или ко II–I векам до н. э. Не исключено, что нижняя граница может быть отодвинута в сторону III века до н. э., скорее второй его половины. Верхний предел «периода перестройки укреплений» должен быть определен как I–II века н. э. Этот период определяется по совпадающим датам валов четырех памятни-

ков — Городищенского и Протопоповского городищ, Городны I, Настасьино и, скорее всего, Коробчеево I.

Отметим, что на городецких городищах — Шишкинском и Городецком — наиболее крупные реконструкции укреплений также приходятся на последние века до нашей эры (*Фоломеев*, 1993. Стр. 21).

Выводы

Прокалённая глина в валах является ярким отличительным признаком. Назначение её остается неопределенным, хотя наблюдения убеждают нас в том, что она не является следами сгоревшей глинобитной конструкции. В то же время очевидно, что слой прокалённой глины технологически не способствует прочности вала. В Городищах он лежит в самом основании (возможно, на других участках он есть и в верхних прослойках), в Протопопово это только отдельные включения. В Настасьино прокал встречен в трех квадратах, и лишь в Городне количество прокалённой глины довольно значительно. Среди поселений лесной зоны нам известно только Казарское городище (*Монгайт*, 1961. Стр. 66. Рисунок 27), вал которого почти полностью состоит из прокалённой глины, в остальных случаях это отдельные прослойки или включения, чей смысл непонятен. В. А. Городцов реконструировал технологию сооружения насыпей валов, при которой производился обжиг славшей вал изнутри глины (*Городцов*, 1910. Стр. 377). Сооружение насыпей валов из обожжённой глины зафиксировано на ряде окских городищ — Льговском, Троице-Пеленицком, Шатрищенском, Казарском, Городецком, Шишкинском (*Монгайт*, 1961. Стр. 66. Рисунок 27; *Фоломеев*, 1993. Стр. 7; 1994. Рисунки 1, 2), причем этот прием относится, по мнению Б. А. Фоломеева, к IV—III векам до н. э. Из дяковских городищ аналогичный состав насыпи встречается в валах городищ Савики, Коробово, Троицкое, Луковня II (*Смирнов* К. А., 1986. Стр. 88, рисунок 1; *Александровский и другие*, 1998. Стр. 337 и следующие). Во всех случаях исследователи считали наличие

прокалённой глины и угля в насыпи либо отражением технологии её сооружения, либо результатом некоего религиозного обряда. Последнее маловероятно в отношении тех городецких памятников, чьи валы целиком сложены из прокалённой глины. Список аналогий подобному явлению можно существенно расширить за счет памятников скифского и сарматского круга (*Ляпушкин*, 1961; *Ильинская*, 1957. Стр. 243; *Пузикова*, 1969. Стр. 45; *Моруженко*, 1985. Стр. 168; *Бирюков*, 1998. Стр. 98, 99; *Синюк*, *Безруцкий*, 2001. Стр. 156, 157; *Шевченко*, 2007. Стр. 78 — в этих же работах приведены другие примеры). Прокалённая глина в скифских валах встречается достаточно часто (в сарматское время это не так распространено), и в отечественной литературе уже давно ведется дискуссия о её происхождении в валах именно скифских городищ (дьяковские и городецкие аналогии практически не привлекаются). Основных версий две — преднамеренное прокаливание как строительный прием и результат пожара деревянных конструкций*.

* Возможно, мы выскажем несколько преждевременное наблюдение, но складывается ощущение, что на дьяковских памятниках явление прокаливания отражено менее последовательно — прокалённая глина есть, но ни о каком сложении вала из неё речь не идёт (кроме, может быть, не сохранившегося ядра вала в Городищах). Не исключено, что это некое формальное использование чужой технологии, не доведённое до конца, превращённое в обряд, а не в строительный приём.

Прокалённая глина, однако, не единственное явление, обнаруженное при исследовании укреплений и нуждающееся в объяснении. Таковыми являются также:

- керамика, часто встречающаяся в слоях суглинка;
- «рогатые кирпичи», аналогичные им по тесту тигли, и, скорее всего, миниатюрные сосудики и бусы.

Отметим и еще одно важное обстоятельство: перечисленные признаки сочетаются между собой, но встречаются не повсеместно. Они не характерны для валов с примесью обломков известняка, как в Красно и Коробчеево (или они играли ту же роль?), и в валах из суглинка их также может не быть, как, например, на северо-западном склоне Протопоповского городища. Однако на том же Протопоповском городище, в валу, не содержащем керамики и следов прокала, были обнаружены необычные предметы, явно связанные с культом, причем сразу два, а на Настасьинском городище, в слое прокалённой глины, был найден упоминавшийся уже конский череп. По нашему

мнению, все эти факты свидетельствуют о том, что мы наблюдаем отражение не только (или не столько) технологии, сколько определенной обрядности, сопровождающей строительство валов (хотя обряд, по сути, тоже технология). В том, что такая обрядность не редкость, убеждают результаты раскопок В.В.Сидорова на городищах Каширской группы (1994. Стр. 109). Не хотелось бы вставать на зыбкую почву, связанную с вопросами культа, но приходится признать, что эта версия объясняет повторяемость описанных явлений на разных памятниках и даже на разных территориях*.

Предполагаемая нами обрядовость при сооружении укреплений, несомненно, интересна сама по себе, но есть и еще один чрезвычайно важный аспект: она как раз и объясняет происхождение керамики в насыпи валов, в первую очередь в слоях слабогумусированных суглинков. Из сказанного следует, что прослойки насыпи вала содержат в себе хорошо стратифицированный керамический материал. Раньше казалось, что только палинологические данные косвенно свидетельствуют о том, что валы содержат непереотложенные артефакты. Однако новая информация также демонстрирует неслучайное попадание керамики в насыпи**.

И, наконец, материал из насыпей валов не только хорошо стратифицирован, но и имеет сравнительно узкую датировку, основанную на радиоуглеродных датах с пяти памятников. Именно это обстоятельство позволяет впредь рассматривать насыпи валов коломенских городищ как источник стратифицированного материала, причем не только вещевого, но и палинологического. Последнее замечание особенно важно, поскольку сомнения в корректности метода периодически высказываются (*Сорокин*, 2006б. Стр.69).

* Конечно, можно предположить, что есть некая смысловая связь в цепочке «прокалённая глина — керамика — огонь — «рогатые кирпичи» — тигли (последние предметы, как связанные с огнем или даже как атрибуты культа огня) и в цепочке «обломки известняка — прокалённая глина + керамика». Можно предположить также, что в одних случаях имело место полное соблюдение технологии (Казарское городище), а в других лишь формальный обряд, ее заменивший.

**С этой точки зрения исследования вала Ростиславля оказались важными по следующей причине: раньше все описанные явления наблюдал один автор, и даже раскопки Настасьинского городища не продемонстрировали многих ключевых моментов другим исследователям. Раскопки же Ростиславля позволили увидеть это целому коллективу коллег и получить тем самым независимое подтверждение.

ПОСТРОЙКИ ПОСЕЛЕНИЙ КОЛОМЕНСКОЙ ГРУППЫ

Этот раздел обеспечен источниками крайне неравномерно. С одной стороны, есть великолепный материал из раскопок Настасьино и Ростиславля. Можно с уверенностью сказать, что источника такого качества (в сочетании с количеством) по археологии дьяковского домостроительства больше нет. С другой, на фоне этих двух памятников, а также исследованных построек на городищах каширской группы сведения о домостроительстве на остальных поселениях крайне отрывочны, а порой и недостоверны. В нашу задачу входит обобщение этих сведений и их критический разбор. Что же касается материалов Настасьино и Ростиславля, то они неопубликованы, за исключением отдельных наблюдений, донесённых до общественности в статьях и докладах (*Энговатова, 2004; Доклад А. В. Энговатовой на XI заседании научно-исторического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» 25. 03. 2006*). Остается надеяться, что публикация в ближайшее время состоится.

Дьяковское домостроительство является, пожалуй, самым мифологизированным направлением в археологии железного века. Осознание того, что в литературе и в полевой практике долгие годы господствовали искаженные представления, пришло только в последние годы, и стимулом к этому послужили

раскопки В. В. Сидорова и К. А. Смирнова на Старшем Каширском городище и коллектива под руководством А. В. Энгватовой на Настасьинском городище. Несмотря на то что публикации по Настасьино до сих пор нет, практически все коллеги, занимающиеся дьяковской проблематикой, либо участвовали в раскопках, либо хорошо знакомы с их результатами, и «опыт Настасьино» (то есть приобретенное в Настасьино «умение видеть» объекты) распространился довольно широко.

Критическому разбору имеющихся сведений о дьяковских жилищах посвящены наши совместные с Н. А. Сыроватко работы (*Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С., 2006а; 2006б; Сыроватко Н. А., 2008*). К чему же свелись основные положения этих статей?

Во-первых, открылась интересная тенденция: обнаружение землянок и полуземлянок происходило на дьяковских поселениях в предвоенные и послевоенные годы. Но в тех случаях, когда на поселениях с землянками раскопки повторялись в более позднее время, их там не находили. Самым ярким примером стало первое городище с землянками — Старшее Каширское, на котором раскопками В. В. Сидорова и К. А. Смирнова были открыты наземные дома. В список таких памятников входят и городища рассматриваемой территории — Мячковское (Настасьино) и Городищи.

Методика поиска и раскопок землянок, примененная В. А. Гордцовым, сводилась к первоначальному разрезу памятника траншеей, в которой искалось скопление камней или углистой почвы, интерпретируемых как очаг (*Гордцов, 1928*. Стр. 13, 14). Затем производилась так называемая выкружка: с помощью сажени очерчивался круг, за центр которого принимался обнаруженный «очаг», и разбор слоя производился только в пределах этого круга. Иными словами, В. А. Гордцов заранее исходил из представления, что, во-первых, землянки существовали, во-вторых, в плане они были круглой формы, с очагом в центре. Нет ничего удивительного в том, что в раскопках, примыкавших к траншеям В. А. Гордцова, В. В. Сидоровым и

К. А. Смирновым не было обнаружено ничего подобного. Но и спустя многие годы после раскопок В. А. Городцова коллеги и ученики, находясь под впечатлением от его работ, сходным образом интерпретировали открываемые объекты в своих раскопах. Мы не можем отрицать наличие землянок вообще, поскольку не в состоянии перепроверить все материалы раскопок прежних лет, но призываем относиться к сведениям о них с большей осторожностью.

Вторым рассмотренным сюжетом стали постройки Троицкого и Щербинского городищ. Знакомство с отчётами и детальный разбор публикаций материалов привел нас к выводу о том, что в выделении построек каркасно-столбовой конструкции, определении их границ, соотнесении с ними столбовых ям и так далее присутствовали большие «натяжки», а реконструкция устройства жилищ была скорее умозрительной (*Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С., 2006б. Стр. 43*).

Критический разбор результатов раскопок прежних лет требовал и предложения альтернативы. Работа в этом направлении ведется Н. А. Сыроватко, которой осуществляется разбор фотоархива экспедиций А. Ф. Дубынина. Так, выясняется, что на Щербинском городище было открыто большое количество канавок со столбовыми ямками внутри, причем не только по краю площадки, но и в центральной части памятника. Исследователи, руководившие отдельными раскопами (И. Г. Розенфельдт, К. А. Смирнов), их отслеживали неоднократно и даже в отчётах предполагали, что они являются следами стен построек (*Сыроватко Н. А., 2008*). Однако в итоговую публикацию эти наблюдения не попали. Видимо, аналогичная ситуация присутствовала и на Троицком городище.

Иными словами, вместо тех конструкций, которые описал А. Ф. Дубынин, более вероятно наличие конструкций, аналогичных Настасьинским — «канавки + столбовые ямки». Они же стали альтернативой и Каширским землянкам (*Сидоров, 2004. Илл. 2*). Однако подобная конструкция вообще распространена довольно широко. Она была обнаружена К. А. Смирновым на

городище Дьяков Лоб, Лесничино (1973; 1992), Н. А. Кренке на Дьяковом городище (2004а. Стр. 176, 177), Т. Н. Никольской на городище Николо-Ленивец (1959. Стр. 33, 34. Илл. 10), а также на поселениях днепро-двинской культуры (*Шмидт*, 1992. Стр. 41 и следующие). В недавние годы подобные постройки были обнаружены и исследованы на Ростиславле и поселениях каширской группы — Старшем Каширском и других (устное сообщение В. В. Сидорова). Находили их неоднократно и раньше, хотя и не всегда могли правильно распознать и отследить конструкцию, например на Круглице и на Боршеве (*Пымакин*, 1957. Стр. 8, 9; *Крис, Чернай*, 1980. Стр. 76).

Итоговым выводом следует считать то, что разнообразие типов построек на дьяковских поселениях может оказаться вовсе не таким большим. Не исключено, что наземные дома с конструкцией стен «канавки + столбовые ямки» являлись господствующим типом.

Если исключить из рассмотрения Настасьино и Ростиславль, окажется, что сведений о постройках с остальных памятников не так уж много. Рассмотрим каждое из них.

Жилища Городищенского городища

«При исследовании нижнего первого слоя была вскрыта землянка. Форма ее четырехугольная (7 × 7 м), с четырьмя сваями по углам ямы, со входом-ступком в виде глинобитной лестницы. Посередине — глинобитный очаг овальной формы. Пол землянки был углублен на 0,5 метра от уровня поверхности почвы того времени» — так Н. П. Милонов описывает открытое им жилище на Городищенском городище (1948. Стр. 75).

В нашем распоряжении имеется и выкопировка плана этой землянки (илл. 40), который расходится с приведённым выше описанием: размеры землянки около 5,8 × 6 метров, очагов два (один, по-видимому, за пределами жилища), ориентировка неясная. То, что именно об этой землянке велась речь в работе 1948 года, подтверждают отмеченные на плане «рогатые кирпичи», указания на которые есть в тексте.

Сооружение, открытое раскопом 1996 года, мы тоже посчитали землянкой (или, точнее, полуземлянкой). Поскольку площадь раскопа была невелика, а стратиграфия не вполне объяснима, мы сделали максимально возможное количество оговорок, назвав версию о «землянке» в отчёте только предварительной. Эта осторожность, однако, изменила нам при подаче сведений в «Археологические открытия» в 1996 году — слишком велико было сходство с описанием Н. П. Милонова (*Сыроватко А. С.*, 1997б). Действительно, развалы прокалённой глины в раскопе, толщина которых доходила до 50 см (рисунок 22) в квадрате 5 раскопа 1996 года, вполне можно было принять за очаг или за глинобитную лестницу. Схожими были и ряды столбов, а также прослойки гумусированного суглинка, напоминающие прослойки «полов» жилищ.

Однако после продолжения разреза стало ясно, что мы всё же имеем дело со спланированной насыпью вала, заполнявшей и более ранние рвы. Это довольно типичная ситуация, и наиболее близким в этом отношении памятником является Ростиславльское городище. Странный же объект в раскопе Н.П.Милонова объясняется указанием М.Г.Савицкого на то, что раскоп этот располагался к ЮВ от наших раскопов, то есть примерно по оси вала. В этом случае все сходится — и глубина котлована (в действительности являющегося древнейшим рвом), и скопления прокалённой глины, и ряды столбов.

Жилища Протопоповского городища

Раскоп М. В. Талицкого, которым был задет край жилища, располагался с южной стороны городища (рисунок 11), его материалы опубликованы (*Талицкий*, 1948. Стр. 227). Мы располагаем также планом (вернее, наброском плана) раскопа, сделанным М. В. Талицким и хранящимся в ККМ, в так называемом архиве Талицкого—Введенской (рисунок 42).

Стратиграфия раскопа интерпретирована М. В. Талицким как несколько строительных горизонтов жилища с заглубленным полом. По краю древнейшего котлована землянки про-

* Нумерация слоев соответствует рис. 41.

слежены колья, по мнению исследователя, являвшиеся остатками кровли (рисунки 41, 42). Позднее землянку подновили подсыпкой суглинка на более узкой площади, перекрывшей отложения на полу — слой 8*. В слое подсыпки также встречен ряд колев (слой 7), поверх которых снова отложился культурный слой 5. Описание слоя подсыпки в публикации 1948 года, обозначенного как плотный суглинок, расходится с планом на рисунке 42, где он обозначен как песок. Все слои землянки перекрывает слой прокалённой глины и золы (слои 3, 4). В отношении двух последних нами было высказано предположение, что они могут являться остатками наземной постройки (Сыроватко А. С., 1999а. Стр. 129), хотя сейчас это кажется не слишком обоснованным.

Перепроверить сведения о землянке на этом городище уже невозможно — слой памятника полностью разрушен кладбищем. Очевидно, что М. В. Талицкий, как и Н. П. Милонов, находился под определенным влиянием результатов раскопок на Старшем Каширском городище. Иначе трудно объяснить, почему был объявлен землянкой объект, задетый лишь частично шурфом 2 × 4 м. К этому следует добавить расхождения, имеющиеся в публикации с чертежами, сохранившимися в ККМ. По всей видимости, правильнее было бы оставить вопрос о существовании «землянки» на Протопоповском городище открытым.

М. В. Талицким была также выполнена дополнительная зачистка обнажений, вероятнее всего с речной стороны площадки, нарушенной добычей камня, так как с трех других сторон её окружают остатки вала (смотри выше). Описаны они так: *«следы жилищ в виде мощных зольников или углистых прослоек с подступающими (? — А. С.) их уплотненными горизонтами суглинка или коричневого культурного слоя»*. Это описание могли бы прояснить снятые исследователем фотографии, но местонахождение негативов, как и всей коллекции, неизвестно. Сами обнажения площадки в настоящее время задернованы, и из-за близости могил к краю обрыва вновь зачистить их невозможно.

Селище Кольчево II

Небольшим раскопом на краю оврага было вскрыто углубление, определенное как «очажная яма наземного жилища типа шалаша» (Талицкий, 1941. Стр. 64). В дневнике указано, что следов кольев найдено не было. В заполнении ямы (рисунок 43) была найдена керамика, два отщепы и два макролитических орудия (рисунок 106, 4, 5). В полевом дневнике отмечалось также, что найденная керамика – позднедьяковская (тем удивительней для исследователя была находка кремневых орудий!). Позднее М. В. Талицкий писал, что была найдена также и сетчатая керамика, аналогичная протопоповской (1941. Стр. 64).

Жилища селищ у села Коробчеево

М. В. Талицкий при обследовании села на третьем местонахождении встретил «в обнажениях <...> углистые прослойки, подстилающие культурный слой. Интересно, что они обнаружены в ямах, находящихся на краю берега» (Талицкий, 1936а). Исследователь предположил, что «ямы» эти являются остатками землянок (Талицкий, 1941. Стр. 64). Керамика, собранная в этом месте, позднедьяковская и славянская, и датировать землянки не представляется возможным.

М. Г. Савицким при раскопках 1984 года была открыта яма, врезанная в материк, с остатками глинобитной стены, которую исследователь посчитал остатками печи. Никаких находок, указывающих на время или культурную принадлежность объекта, сделано не было (за исключением «донца летного сосуда»), хотя М. Г. Савицкий относил его ко времени «до сооружения укреплений» городища (объект, видимо, располагался к востоку от внешнего вала; смотри: Савицкий, 1984). В настоящее время на этом месте расположена насыпь моста через реку Оку.

О постройках поселения «Блюдечко»

Раскопки в Коломне проводились Н. П. Милоновым в 1935 году. Тогда же им было вскрыто жилище в раскопе в сквере «Блюдечко». Границы жилища были обозначены скоплениями золы и рядами столбовых ям, пол был заглублен в материк на 15–20 см. Само жилище (план его опубликован исследователем: Милонов, 1948. Рисунки 2; 44) автор раскопок описывает следующим образом:

«Форма жилища четырехугольная, в центре его очаг, выложенный из камней, сверху промазанных глиной. Длина очага 2 м, ширина очажной площадки — 60 см. Вокруг очага на расстоянии 1,5 м во все стороны находились воронки от столбов. Линия расположения столбов жилища окружена зольными скоплениями в виде присыпанного валика шириной 1–1,3 м. За зольной площадкой, окружавшей первую линию столбов, шел второй, более редкий круг воронок от столбов, замыкавших крайние внешние границы жилища. Первый ряд столбов был, несомненно, основным свайным каркасом, на котором закреплена была верхушка крыши. На второй ряд столбов, имевших, по-видимому, очень небольшую высоту, спускались края (скаты) шалашеобразной крыши... Крыша шалашеобразная — конусом с отверстием для дыма в вершине и отлого спускавшимися полами, края которых доходили до поверхности почвы... С северо-западной стороны жилья имелся вход, по краям которого параллельно расставлены столбы» (Милонов, 1948. Стр. 78). Исследователь отмечал также, что пространство между рядами столбов было заполнено золой, костями животных, битой посудой, — по мнению Н. П. Милонова, оно служило «кладовой». Очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с описанием объекта в раскопе, а с его реконструкцией (включая отверстие в крыше).

Ранее уже не раз высказывались сомнения относительно позднедьяковской принадлежности открытого объекта (Сыроватко А. С., 2001. Стр. 22; Мазуров, Сыроватко А. С., 2006.

Стр. 34, 35). В описаниях Н.П. Милонова нет сведений о достоверно дьяковских находках, найденная же в жилище керамика включает и формы, не характерные для дьяковской традиции, — сковородки и противни. Описанное жилище вполне может относиться к кругу раннеславянских древностей конца I тысячелетия н. э., тем более что позднедьяковской керамики до настоящего времени в Коломне найдено не было, в то время как комплексы с керамикой, близкой боршевскому кругу, хорошо известны (*Черкасов, Мазуров, 2002; Черкасов, 2004*). Есть еще один объект — остатки так называемой ямы-очага, пятна прокалённого материка, открытого на раскопе II 1995 года (*Мазуров, Сыроватко А. С., 2006. Стр. 38*). Он с большей определённостью указывает на возможное существование жилых построек на «Блюдечке» в дьяковское время, однако ничего более об этих постройках сказать нельзя.

В прошлые годы как автором, так и другими исследователями отмечались также «жилища», которых на поверку не оказалось. Так, например, «померещились» «наземные постройки» в Городищах и под насыпью вала в Коробчеево I (нами эти сведения были включены в диссертацию). Основанием для этого послужили прослойки органического тлена, а в Городищах, кроме того, отдельные столбовые ямки. С постройками мы связывали также развалы прокалённой глины в Городне и в Городищах. Во всех случаях это объяснялось недостатком опыта. Упомянем также «жилище с заглубленным полом» на селище Щурово (*Коваль, 1993а; Тавлинцева, 2001. Стр. 73; АКР 1997. Стр. 85*), открытое раскопом в 16 м². Последующие раскопки выявили вместо него курган с остатками трупосожжений и внутрикурганной конструкцией (*Сыроватко А. С., 2005в*).

Как видим, все приведённые сведения о жилищах либо признаны недостоверными, либо настолько отрывочны и неясны, что нуждаются в верификации. Помимо этого, приведённый материал не имеет ничего общего с тем, что было открыто на Настасьинском поселении, а также в Ростиславле и

на поселениях каширской группы. Видимо, эталоном дяковских построек вообще еще долго будет служить Настасьинское городище, а также Ростиславль.

КЕРАМИКА ДЪЯКОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КОЛОМЕНСКОЙ ГРУППЫ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКА

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в глазах большинства коллег, особенно тех, чьи научные интересы напрямую не связаны с дьяковской проблематикой, керамика этой культуры ассоциируется прежде всего с сетчатым отпечатком (так же как городецкая керамика — с рогожным). И, хотя многочисленными наблюдениями, в основном последних двадцати лет, очевидно проиллюстрировано отсутствие прямой связи между дьяковскими (и шире — финно-угорскими) древностями и сетчатой керамикой (на примере сибирских, азиатских, дальневосточных и американских материалов), эти ассоциации сохраняются. Сетчатая керамика уже давно является предметом специального изучения, а если к этому добавить исследователей, в разное время высказывавшихся по проблеме, то историографический список можно расширить до невероятных размеров. Заметим, что самой волнующей для большинства археологов остаётся проблема, связанная со способом нанесения отпечатка и с его назначением. Историография её подробно изложена в трудах К. А. Смирнова, И. Г. Розенфельдт, Б. А. Фоломеева и многих других (*Смирнов К. А.*, 1981; 1991в; *Розенфельдт И. Г.*, 1974;

Фоломеев, 1998). В меньшей степени исследователи интересовались разработкой вопроса хронологии сетчатой керамики, причинами изменчивости керамических наборов, соотношением сетчатого отпечатка с определенными культурными традициями и так далее.

Классификационный подход к сетчатой керамике был заложен В. А. Городцовым, в своих трудах употреблявшим термины «нитчатая» и «рябчатая» керамика (Городцов, 1900. Стр. 25; 1910. Стр. 373). Какими бы сложными ни были последующие классификации многочисленных типов отпечатков, все они так или иначе учитывали это генеральное разделение и сводились, по сути, лишь к выделению последующих подтипов (Чернай, 1981; Фоломеев, 1998). Терминология, обозначавшая типы и варианты сетчатой посуды, зачастую зависела от того, какой версии происхождения сетчатого отпечатка придерживался тот или иной исследователь. Так появились «псевдосетчатая», «текстильная», «ложнотекстильная», «штамповая», «крапчатая» и другие обозначения, вносящие путаницу в публикации. Если к этому добавить встречающуюся в отчётах «ложнотекстильную штамповую», «раннениточную», «нитчато-сетчатую», «мелкокрапчатую», «овально-ячеистую» керамику и ещё едва ли не десяток других терминов, то становится понятной трудность в восприятии посвященных проблеме печатных работ.

Заметим также, что сетчатая керамика в качестве предмета публикации вообще представляет сложность. Вариативность отпечатка затрудняет описание и, что самое главное, восприятие источника. Идеальным выходом является личное общение коллег между собой (при этом с черепками в руках), только так можно адекватно донести свой взгляд на источник и сделать его понятным окружающим. Де-факто это имеет место, однако общение узких специалистов в своем кругу не может заменить публикацию.

К. А. Смирнов отдал немало сил изучению сетчатой

керамики. В своих публикациях он употреблял термины «текстильная» керамика применительно к «нитчатой» и «ложнотекстильная» — применительно к «рябчатой»*. За использованием этих терминов стояло наблюдение, позволившее К. А. Смирнову сделать вывод о том, что при сильном увеличении в ячейке нитчатого отпечатка заметна волокнистая структура материала, его оставившего, в то время как в элементе рябчатой фактуры такого, как правило, нет. В целом терминология К.А.Смирнова подразумевала те же типы, что и терминология В.А.Городцова**. Эту же систему деления сетчатой керамики автор данной монографии усвоил непосредственно от К.А.Смирнова, выступившего его научным руководителем. Коллекции Красно, Городищ, Протопопово были разобраны при его детальной консультации, и мы можем утверждать, что по крайней мере у двух археологов видение материала было единым; нами была принята и терминология К.А.Смирнова (*Сыроватко А. С.*, 2000).

Однако опыт работы над коллекцией Настасьинского городища заставил исследователей вернуться к городцовой терминологии. Во-первых, она позволяла быстрее включить в работу лаборантов и археологов, прежде не работавших с сетчатой керамикой, в то время как типологии отпечатков, разработанные Б. А. Фоломеевым и И. Л. Чернаем, оставались слишком громоздкими для восприятия. Во-вторых, употребление простых и понятных терминов не провоцировало возобновление бесконечной дискуссии на тему «чем же это все-таки наносилось и для чего»: эта терминология сама по себе нейтральна и может употребляться исследователями, придерживающимися разных взглядов. В-третьих, она опирается непосредственно на археологический материал, а не на теории относительно возможной реконструкции способа изготовления отпечатка. Вместе с тем наблюдения К. А. Смирнова и наши, сделанные ранее, несколько не перечеркиваются сменой названий и остаются вполне прозрачными.

* Типы «нитчатых» отпечатков показаны на рис. 47–50, 72–73, «рябчатых» — на рис. 51–60, 63–65, 67).

** О. А. Лопатина несомненно права в том, что классификации сетчатой керамики В. А. Городцов не создавал. Это скорее отдельные наблюдения, которые были скомпилированы его последователями гораздо позднее (Доклад О. А. Лопатиной на семинаре «Археология Подмосковья» в феврале 2009 г.)

* Согласно устному сообщению В. В. Сидорова, под «крапчатые» отпечатками подразумевались «рябчатые» с мелкой фактурой.

То обстоятельство, что разные типы отпечатков могут преобладать в разные хронологические периоды дьяковской культуры, было подмечено довольно давно. Однако обобщающей стала работа И. Г. Розенфельдт. Она отметила, что поверхностные, мелкие отпечатки характерны для рубежа II–I тысячелетия до н. э., отпечатки «тонкого правильного переплетения» — для середины — второй половины I тысячелетия до н. э., а «крапчатые» — для I–III веков н. э. Но, помимо того что сами термины остались нерасшифрованными*, основным её выводом было *«частое совместное нахождение керамики с разными типами отпечатков...»*, а также невозможность проведения статистических подсчетов групп отпечатков. Тем самым исследовательница фактически признала невозможность использования сетчатых отпечатков для датировки (Розенфельдт И. Г., 1974. Стр. 151). Справедливости ради заметим, что керамика всей дьяковской культуры характеризовалась преимущественно по материалам самых западных памятников, окраины дьяковского ареала, а возможности сопоставить коллекции с восточными поселениями почти не было.

Подход к такому сопоставлению был сделан К. А. Смирновым, в нескольких работах поставившим вопрос о различиях в традиции изготовления сетчатого отпечатка двух основных районов — бассейнов Верхней Волги и Оки (Смирнов К. А., 1981; 1991в). Им же, хоть и на уровне констатации, была отмечена принципиальная возможность датировки различных типов отпечатка (Смирнов К. А., 1983. Стр. 144). Тем не менее наблюдения К. А. Смирнова важны не только как этап в понимании сетчатого отпечатка как исторического источника (по истории общества, а не по истории технологии), но и как материал для сравнительного анализа коллекций.

Значительным шагом вперед стали работы И. Л. Черная. Главным предметом его исследований был древний текстиль, первоначально дьяковской культуры, а позднее география

исследований была расширена (Черная, 1981; 2002). Сетчатый отпечаток являлся только источником по истории технологии текстильного производства, однако выработанная классификация отпечатков позволила строже подойти к рассмотрению стратиграфической и хронологической привязки типов отпечатков к слоям Боршевского и Селецкого городищ. Пожалуй, впервые в литературе были приведены статистические данные, позволившие судить о встречаемости разных фактур в слоях некоторых городищ. Прделанная работа ценна практическим результатом, в том числе первым опытом «умения видеть» разные типы отпечатков.

По ряду причин опыт И. Л. Черная по описанию сетчатой керамики остался практически невостребованным. Возможно, свою роль в этом сыграла неудачная форма подачи материала в публикации: читателю были предложены не отпечатки на керамике в виде фотографий для сравнения, а прорисовки реконструкций, словесные описания и увеличенные фото слепков. Соотнести с ними реальные фрагменты керамики было сложно. Кроме того, типология, как нам кажется, следовала все же за реконструкцией, а не наоборот, за материалом.

Вместе с тем результаты разработок И. Л. Черная были учтены и использованы Б. А. Фоломеевым. Исследователи работали вместе на нескольких памятниках, и в данном случае имел место непосредственный, а не через публикацию обмен опытом. С нашей точки зрения, Б. А. Фоломееву удалось дальше всех продвинуться по пути превращения сетчатого отпечатка в источник реконструкции исторических событий. Им были сделаны чрезвычайно ценные наблюдения за составом керамики на поселениях эпохи бронзы и железного века Средней Оки, а также выполнена привязка разных фактур отпечатков к хронологическим периодам (видимо, благодаря сотрудничеству с И. Л. Чернаем). Кроме того, Б. А. Фоломеев высказал первые соображения относительно причин перемен

в керамических комплексах. Остается только сожалеть, что они были опубликованы в малотиражных изданиях, вскользь, без развернутой аргументации и с плохими иллюстрациями (или вовсе без иллюстраций; смотри: *Сулержицкий, Фоломеев, 1993; Фоломеев, 1993; Фоломеев и другие, 1988*). Вместе с тем окские памятники в то время просто не с чем было сопоставить: в «одной системе координат» работали, по сути, только два исследователя — Б. А. Фоломеев и И. Л. Чернай, а между городищами Мещеры и рязанского течения Оки и городищами средней Москвы-реки лежала почти неисследованная территория. Такая же ситуация сохранялась и для верхнеокских (каширских) городищ, и для памятников верхней Москвы и верхней Волги.

Результаты наблюдений за составом керамики в насыпях валов нижнемоскворецких городищ были высказаны в 2000 году (*Сыроватко А. С., 2000*). Предварительные выводы, как кажется, более поздними материалами скорее подтверждаются, хотя новые материалы ставят и новые вопросы.

Несомненно, шагом вперед стала работа коллектива Подмосковной экспедиции с керамической коллекцией городища Настасьино. Над ней работало сразу несколько человек, на ходу корректируя методику обработки и выводы. Подготовленная к печати итоговая публикация стала результатом компромиссов, поскольку авторы придерживались разных взглядов по целому ряду вопросов и делали несколько отличающиеся выводы. Однако опыт этой работы следует оценивать положительно: он не только привел к появлению новых идей, но и стимулировал дальнейший поиск и, что самое главное, позволил расширить круг исследователей, ориентирующихся в проблеме.

Методика исследования

Любое исследование, даже при наличии претензий на максимальную полноту, не может охватить всего круга

проблем или источников. В нашем же случае некоторая односторонность подхода вполне осознанна. Ранее автору приходилось выслушивать упреки в том, что, описывая керамику целого района, он неоправданно упускал такие категории анализа, как состав теста или форма сосудов. Признавая это упущение, автор по-прежнему считает, что высказываться по этим вопросам формально, только ради соблюдения традиции, не стоит. В прежние годы коллекции большинства памятников почти не содержали целых форм и анализировать было нечего (за исключением некоторых ярких признаков, которые всегда будут упоминаться отдельно). Анализ же состава теста и приемов формовки требует специальных знаний и опыта. После обработки коллекции Настасьинского городища многие из этих вопросов оказались как будто бы разрешёнными: над анализом технологии изготовления работает О.А. Лопатина, а в нашей с В. В. Сидоровым работе анализируются и формы сосудов, и их корреляция с другими категориями. Поскольку ничего нового в этом направлении пока не опубликовано, вполне можно было бы ограничиться ссылками на публикацию Настасьинских материалов. Однако есть ряд моментов, которые автору все же хотелось бы оговорить отдельно.

В находящейся в печати публикации результатов анализа коллекции Настасьинского городища В. В. Сидоровым была сделана попытка выделить типы дяковских сосудов как комбинации признаков. Представлялось, что типы сосудов обособятся и по составу теста, и по формам, и по размерам, и, наконец, по отпечаткам. Однако проделанная серьёзная работа, учитывая объем коллекции, дала довольно неожиданный результат: по всему выходило, что *«дяковская керамика городища Настасьино представляет собой весьма однородный массив, мало меняющийся во времени. Одни и те же признаки присутствуют на посуде, имеющей разное функциональное назначение, разную фактуру и*

* Парадокс в том, что автор в данном случае полемизирует с собственной неопубликованной статьёй — и так, как будто в ней ничего нельзя исправить. Но не зря же, говоря о Настасьинском опыте работы, автор упомянул о том, что публикация представляла собой компромисс различных взглядов и подходов.

** Свою роль в этом сыграл подход В. В. Сидорова к понятию «тип» — в этом смысле он близок к идеям Сполдинга (если судить о них по Л. С. Клейну — *Клейн*, 1991, с. 74, 89–90), со всеми его достоинствами и недостатками.

* Ситуация сходна с той, которую Л. С. Клейн назвал «парадоксом боевых топоров» (Клейн, 1991. С. 30).

** С нашей точки зрения, результат работы над типологией Настасьинской посуды есть, и не малый: по сути, установлено, что на этом (и соседних) памятниках формы сосудов, рецептура теста и размерные группы действительно мало менялись во времени.

*** Принято считать, что существует керамика с преднамеренно заглаженным отпечатком, однако выделение её крайне затруднено. Некоторые коллеги считают такую керамику мифической. Не вступая в дискуссию, назовем, однако, два примера: развал крупной части большого сосуда с Городищенского городища с крайне нечетким отпечатком, сохранившимся фрагментарно (рис. 78–79), который был либо заглажен, либо крайне плохо, почти неразличимо, отпечатан. Другой пример — фрагмент с Ростиславля, на котором поверх сетчатого отпечатка есть следы явного заглаживания с помощью жидкой глины, своего рода «птукагурки» (рис. 80, 2).

стилистическое оформление. За исключением нескольких малочисленных типов, перед нами фактически единый информационный массив» (Сыроватко А. С., Сидоров, в печати)*. Иными словами, ни размеры, ни формы, ни рецептура не образуют устойчивых сочетаний (хотя некоторые тенденции проследить возможно), типы не определяются**. В то же время если брать для анализа такую категорию, как сетчатый отпечаток, то тогда складывается гораздо более определенная картина: типы отпечатков, пусть и неуклюже обозначенные, обнаруживают даже в турбированном (да ещё как!) слое Настасьинского городища довольно устойчиво фиксируемые связи со слоями или объектами. Сама типология сетчатого отпечатка, применённая коллективом экспедиции при обработке коллекции, может, и не так стройна, как хотелось бы, но она работает: выявляемые с её помощью соотношения типов в той или иной степени повторяются на многих памятниках*. Деление керамики по типу отпечатка, возможно, страдает однобокостью, но позволяет (и мы попробуем это доказать) характеризовать территориальную и временную изменчивость керамических комплексов поселений (по крайней мере рассматриваемого района). Вот почему в дальнейшем автор намерен опираться на главный признак — сетчатый отпечаток на поверхности сосуда. Конечно, это вовсе не означает, что в будущем не удастся выявить корреляции других признаков керамики (некоторые уже выявлены: *Лопатина*, в печати), но пока хочется, чтобы эту работу сделал кто-нибудь другой**.

Коллекции керамики: состояние источника

Общие представления о состоянии коллекций можно получить из таблицы 3, в которой учтены даже памятники с единичными находками керамики. Методика подсчета в целом оставалась неизменной на протяжении нескольких лет, существенная часть приводимых цифр публиковалась нами ранее (Сыроватко А. С., 2000). Основных категорий,

выделяемых без особого труда, всего три — это гладкостенная, нитчатая и рябчатая керамика. Кроме того, мы посчитали нужным сохранять категорию «неопределенная керамика», преимущественно представленную фрагментами днищ, венчиками сосудов, а также фрагментами стенок с заглаженным (повреждённым) отпечатком***. Автор по-прежнему считает, что корректно выделение категории «неопределенная сетчатая» керамика, поскольку довольно часты случаи, когда сам факт наличия сетки определить можно, а тип отпечатка — нет. Спорные случаи возникают в результате целого ряда причин: неплотное прилегание материала или инструмента, которым она наносилась, упоминавшееся выше заглаживание и, наконец, известная субъективность восприятия самого отпечатка. Конечно, чем проще типология и чем меньше в ней категорий, тем объективнее подсчеты и реже возникновение спорных случаев. Но сложность самого источника чрезвычайно велика.

Особо отметим, что категория рябчатой керамики не однообразна, в ней можно выделить подвиды. Наиболее часто встречаются отпечатки с узким, вытянутым элементом, иногда — изогнутым, напоминающим отпечаток ногтя (мелкоячеистая рябчатая фактура). Выделяются также отпечатки с крупным, глубоко врезанным элементом, широким, напоминающим рогожную (крупноячеистую рябчатую) фактуру. Однако при выделении этих подвидов спорных случаев больше, границы типов сильнее размыты. По этой причине их приведение в таблице 3 излишне.

Опыт работы над Настасьинской коллекцией привел нас также к выводу о том, что «пофрагментная» статистика керамики адекватнее отображает материал, чем «сосудная». Попытки выделения сосудов из массива разрозненных черепков, на наш взгляд, дали сомнительный результат. Если уже в пределах сосуда меняется размер элементов отпечатка, то что говорить о разбросанных на нескольких квадратных метрах фрагментах? Если примеси едины, то как по ним

* Или придется действовать по принципу «один венчик — один горшок».

можно соотнести разные сосуды? Если у одного сосуда меняется угол наклона венчика, цвет черепка, а с боков он сплюснен (что сильно затрудняет определение диаметра по обломку венчика), то правильность соотнесения фрагмента с сосудом может быть проверена только склейкой*. Конечно, сосуд несет в себе значительно больше информации, являясь, по сути, комплексом признаков. Однако реальность такова, что целых форм по отношению к фрагментам гораздо меньше. Все это лишает нас возможности проводить «сосудный» разбор керамической коллекции.

Городищенское городище

Керамическая коллекция из раскопов 1996–1998 годов довольно обширна. Основных слоев, из которых она собрана, три: серый гумусированный суглинок, содержащий материалы эпохи средневековья и несущий следы распашки; торфообразный слой коричневого тлена, содержащий дьяковский материал; погребённая почва. Слой коричневого тлена часто встречается на дьяковских памятниках. На Городищенском городище он перекрывал погребённую почву и примыкал к слою прокалённой глины в тех случаях, когда она не была перекрыта суглинком насыпи. Особняком стоит насыпь вала. Прослойки её различны по составу, но в целом это значительно более стратифицированный объект, чем культурные слои площадки. Общее количество фрагментов керамики, найденной в Городищах, превышает три тысячи, из насыпи вала при этом происходит около 750 фрагментов (менее четверти коллекции).

Коробчеево I

Вся керамика получена при зачистке разреза внутреннего вала и рва, совсем небольшая серия фрагментов — из слоя под валом. При этом керамики в насыпи вала почти не было, большая часть материала (около 200 фрагментов) происходит

из рва.

Протопопово

Значительная доля коллекции с этого памятника представлена подъемным материалом, собранным на крутых осыпающихся склонах городища. Сильно турбирован слой, открытый в шурфах 1 и 2: культурный слой площадки представляет собой единый могильный перекоп, насыщенный разрозненными костями и тленом от гробов. Материал, полученный из этих шурфов, как и подъемка, характеризует «памятник вообще». Керамики из шурфов 3, 4 мало, и говорить о ней не приходится. Заметно больше керамики в шурфе 5, который, как и шурф 4, располагался на склоне вала. Шурф 5 дал примерно пятую часть всей коллекции.

Городна I

Общее количество фрагментов составляет менее полутора тысяч, подъемного материала среди них почти нет. Минимальное количество керамики происходит из заполнения рва — шурфа 1, сравнительно немного её в насыпи вала. Большая же часть коллекции связана с раскопом на окончании мыса городища — шурфом 3. В нём прослежены разные слои как турбированные распашкой, так и неповреждённые, а также стерильные прослойки, перекрывающие культурные горизонты (стратиграфия шурфа описана в главе «Укрепления»). Стерильные прослойки прокалённой глины могут быть связаны с конструкцией укреплений.

Берхино II

Культурный слой памятника сложен крупнозернистым песком и распахан. Основной керамический материал представлен средневековой керамикой. Дьяковская часть коллекции памятника составляет около 230 фрагментов, хотя, учитывая небольшую вскрытую площадь (9 м²), слой

памятника следует признать хорошо насыщенным материалом.

Настасьинское городище и его коллекция описаны достаточно подробно, с характеристикой культурного слоя и отдельных объектов, и повторяться, как нам кажется, смысла нет.

Погост Красно (городище Городено)

* Мы опираемся на наш собственный просмотр коллекции Ростиславля, знакомство с которой стало возможным благодаря содействию В. Ю. Ковалья.

Работы на этом памятнике были крайне незначительны по объему, что неудивительно — слой почти полностью турбирован кладбищем. Из двух шурфов на окончании мыса городища и сборов на осыпях происходит всего около 160 фрагментов.

Ростиславль

** Аналогичный таким же слоям Городищ, Городны I (шурф 3), верхнему слою Настасьино.

Керамическая коллекция этого памятника самая обширная после Настасьинской. Она получена из раскопов на жилой площадке (раскоп V, участки А–З), раскопов на внутреннем валу городища (раскопы IV и V, участки «Е», «И»), из рва перед внутренним валом (раскоп IV), а также в виде разрозненных фрагментов из средневековых слоев, исследованных на площадке между внутренним и внешним валами, и нами в настоящей работе не учитывается*.

Основным источником материала является раскоп V, расположенный на жилой площадке и частично захватывающий вал. В культурном слое жилой площадки городища В. Ю. Ковалем и Е. Ю. Тавлинцевой выделено два условных слоя: верхний слой 1 с горизонтами «а» и «б» и нижний слой 2. Слой 1 представляет собой темно-серый гумусированный суглинок, содержащий материалы эпохи средневековья, позднеськовского времени и конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. Таким образом, это сильно деструктурированный слой**, и это его главное отличие от слоя 2, который в основном, представлен прослойками полов построек, в целом более ранних, чем

материалы слоя 1.

Другой источник — прослойки внутреннего вала городища. Вал Ростиславля имел сложную историю, многочисленные подсыпки, различный состав почв прослоек. Однако основную часть ядра составляют желтые материковые суглинки, с включениями угольков, комков серого слоя и прокалённой глины. Вал дьяковского времени по состоянию на 2007 год исследован раскопами IV и V (участок «И»), при этом раскоп V в настоящий момент не пройден до материка. Обозначение горизонтов на раскопах также различно. По терминологии авторов раскопок горизонты 10–8 в раскопе IV содержат основное количество керамики. В слоях от горизонта 7 и выше содержится значительно меньше керамики и находок. На раскопе V (участок «И») к телу вала относятся горизонты А, Б, В, Г и Д. Группировка прослоек вала в условные горизонты была произведена авторами раскопок. В какой-то мере это предварительная сортировка материала, и при знакомстве с коллекцией мы имели дело уже с отсортированной (разложенной на горизонты) керамикой.

Керамическая коллекция Ростиславльского городища обработана В. Ю. Ковалем по методике, принятой в Ростиславльской экспедиции (Коваль, 1997б; 1999а). Это самая добросовестная работа с крупной коллекцией дьяковской керамики из известных нам. Её главной особенностью является визуальное описание состава теста, нами никогда не проводившееся (за исключением Настасьинского городища). Но есть и два момента, влекущие за собой определенные трудности в работе с материалом. Первый заключается в разном термине, применяемых на протяжении нескольких лет для обозначения типов отпечатков. Свести эту терминологию, изменяющуюся почти каждый год и не учитывающую другие наработки, можно было только до определенных пределов, и то с помощью автора раскопок. Второй происходит оттого, что на хранение в МИГМ остается небольшая часть фрагментов, основная их часть фондов не

достигает (с чем, собственно, и связана та тщательность, с которой проводится первичная обработка материала). Какой бы совершенной ни была методика учета, обратиться к материалу повторно уже нельзя. В этом нет вины автора раскопок или сотрудников музея, это просто обстоятельство, которое необходимо учитывать.

«Блюдечко»

Сквер с таким названием на стрелке мыса, образованного слиянием рек Коломенки и Москвы, дал название поселению. Коллекция сетчатой керамики описана автором и А. Б. Мазуровым в совместной публикации (*Мазуров, Сыроватко А. С., 2006*), общая ее численность составляет чуть больше двухсот фрагментов. Основным источником материала являются раскопы II и III по улице Лазарева, поскольку коллекции 1935 года утрачены почти полностью в ходе оккупации города Истры во время войны. Вся керамика, происходящая с двух раскопов по улице Лазарева, сильно измельчена. Большая часть фрагментов имеет размеры около 2 см² и меньше. Сразу отметим, что в одних и тех же комплексах присутствует и славянская керамика конца I тысячелетия н. э., что сильно затрудняет выделение в коллекции дяковской гладкостенной керамики. Такое выделение оказалось возможным только для одного объекта — участка слоя над небольшой ямкой-очагом в квадрате 5 раскопа II. Часть фрагментов связана с погребённой почвой, сохранившейся в раскопе III, однако большинство переотложено и обнаружено в средневековых ямах и спланированных в средневековое время оврагах. Тем не менее коллекция обладает определённым потенциалом, как, впрочем, и другие, столь же нерепрезентативные, на первый взгляд, коллекции.

Щурово

Сетчатых фрагментов, происходящих с этого памятника, еще меньше, чем с Берхино и «Блюдечка» — всего около тридцати. Они

найжены на площади более чем 750 м². Все фрагменты переотложены — происходят из курганов раннесредневекового могильника, курганных рвов вместе с керамикой позднедьяковского времени, что сильно затрудняет поиск в коллекции собственно дьяковской гладкостенной керамики (Сыроватко А. С., 2005а).

Улица Набережная

Памятник представляет собой так называемую пляжную стоянку, типичную для побережья Оки. Вся керамика найдена на поверхности, возле уреза воды, и не исключено, что стоянка частично затоплена. Помимо гладкостенной и сетчатой дьяковской (около 15 фрагментов), есть несколько фрагментов сетчатой керамики эпохи бронзы. Большая же часть коллекции состоит из льяловской (разных этапов), верхневолжской, фатьяновской, шагарской и поздняяковской керамики. В сборах отсутствует только средневековая керамика, что встречается довольно редко

Сосновка IV

Сведения о сетчатой керамике с этого памятника нами опубликованы (Сыроватко, 2005б), хотя с тех пор работы на памятнике продолжались и размер коллекции несколько вырос — сейчас он достигает 284 фрагментов, собранных с площади 252 м². Как и во многих других подобных случаях, сетчатая керамика происходит из средневековых ям или из слоя, но без привязки к каким-либо объектам железного века.

Зарудня

По количеству найденных при шурфовке и на распаханной поверхности поселения фрагментов памятник схож со стоянкой на улице Набережной — всего около 20 фрагментов с сетчатым отпечатком.

Лысцево, Молитвино, Цемгигант II,
поселение по улице Большая Запрудная в Коломне

Все четыре местонахождения объединяет то, что на них найдено всего по одному или по два фрагмента керамики железного века. При этом в Лысцево исследовано 317 м², на Цемгиганте II — 200 м², а на улице Б. Запрудная в Коломне около 40 м² и только раскопки в Молитвино ограничились шурфом.

Белый Колодец

Это многослойное поселение, исследованное Е. В. Леоновой, несколько удалено от основной группы рассматриваемых памятников. Вместе с тем с него происходит самая крупная коллекция керамики с поселений железного века среднего и верхнего течения Осетра. И если по правому берегу Оки городищ и селищ исследовано немало, то о памятниках, располагающихся в глубине водораздела, сведений почти нет. На этом фоне Белый Колодец дает материал для сопоставления. Общая численность просмотренной нами коллекции, хранящейся в Отделе каменного века ИА РАН, составляет около 340 фрагментов, хотя позднее памятник шурфовался П. В. Русаковым, и его материалы нами не учтены.

Культурный слой дьяковского времени на поселении не выражен, сетчатая керамика встречается вместе с лепной конца I тысячелетия н. э. и мезолитическим материалом. Не известно на памятнике и ни одной ямы или другого комплекса, относящегося к раннему железному веку. Весь дьяковский материал переотложен, однако даже в таком виде он весьма любопытен и позволяет сделать ряд заключений.

Подводя итог обзору памятников, заметим, что наиболее качественными и объемными являются коллекции Настасьино и Ростиславля. Они представлены как материалом из слоя площадок, так и из стратифицированных насыпей валов. Коллекции Протопопово, Городищ, Коробчеево I и Городны I численно уступают им, однако не менее ценны, их материалы

* А сам автор, к стыду своему, читал их работы невнимательно. Оттого автору казалось, что он это делает первым.

в основном так же получены из насыпей валов. Что касается прочих «малосерийных» коллекций, то их стоит рассмотреть отдельно — как любопытный материал для сопоставления и проверки выводов.

II. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЕТЧАТЫХ ОТПЕЧАТКОВ (первый опыт размежевания)

Первая попытка определить разницу в керамических комплексах разных периодов была выполнена в 2000 году (*Сыроватко А. С.*, 2000). Главной личной удачей автор считал доказательство самого факта хронологического размежевания типов отпечатков на керамике — мало кто, за исключением Б.А. Фоломеева и И.Л. Черная, уделял внимание этой проблеме*. Логика наших построений заключалась в следующем.

Простой подсчет состава отпечатков на памятниках — Городищенском, Протопоповском и Настасьинском (тогда мы располагали только коллекцией 1993 года) — наглядно продемонстрировал преобладание во всех трех случаях керамики с рябчатой фактурой (таблица 3). Соотношение между типами отпечатков было различным, но преобладание рябчатой фактуры над нитчатой оставалось неизменным. Кроме того, вся сетчатая керамика стабильно превосходила гладкостенную. Эти первые наблюдения вошли в противоречия с мнением К. А. Смирнова, утверждавшего, что, во-первых, для окских памятников характерно преобладание нитчатой (текстильной) фактуры, а во-вторых, сетчатая керамика в целом по численности сильно уступает гладкостенной (*Смирнов*, 1991. Стр. 18, 19)*.

Из общей картины выпадал только один памятник — Коробчеевское городище. На этом поселении доля нитчатой (рисунок 46) была значительно выше гладкостенной и рябчатой, вместе взятых. Было также очевидно, что Коробчеевская коллекция отличается отсутствием материала «с памятника вообще» — из «подъемки», культурного слоя

* Уже позднее, после работ В. В. Сидорова выяснилось, что никакого противоречия нет. Просто Ока слишком разнообразна в культурном отношении.

площадок и так далее. Заполнения рва могли относиться преимущественно ко времени «после сооружения укреплений». Поиск аналогий обнаруженной аномалии заставил обратить внимание на шурф 5 Протопоповского городища: насыпь вала, исследованного этим шурфом, также содержала керамику, среди которой преобладали черепки нитчатой фактуры (таблица 4, рисунок 45). Третьим по счету объектом с подобным соотношением стал вал Городищенского городища. В насыпи было выделено два условных горизонта (таблица 4) — верхний, включающий прослойки 2–8, и нижний, объединяющий прослойки 9–13. При этом в нижний горизонт попали гумусированные прослойки, напоминающие по составу культурный слой, а в верхний — прослойки суглинка. В итоге между двумя горизонтами обнаружилась разница: в нижнем преобладала керамика с рябчатой фактурой (рисунок 51), а в верхнем — с нитчатой (рисунок 47).

Таким образом, стало известно три объекта — насыпи валов Городищ (верхняя часть), Протопопово и ров Коробчеево, выделявшиеся преобладанием керамики с нитчатой фактурой над рябчатой на общем фоне доминирования рябчатой. Из этого были сделаны следующие выводы:

1. Устойчивая повторяемость явления подтверждала его объективность.
2. Наблюдаемое явление имело хронологические рамки.
3. Оно примерно соответствовало возрасту сооружения или перестройки укреплений. Возможно, что оно возникло несколько раньше и, судя по заполнению рва Коробчеево, продолжалось позже.

Рассматривая укрепления коломенских городищ, мы специально акцентировали внимание на вопросе попадания артефактов в насыпи — от этого зависело признание их корректным источником. Специально рассмотрен был и вопрос датировки. Радиоуглеродные даты позволяли отнести время сооружения или перестройки укреплений названных памятников ко II–I векам до н. э., не исключая, впрочем, III век

до н. э. С этим же временем и следует соотнести «период доминирования нитчатой фактуры отпечатков». Этот вывод был сделан нами в публикации 2000 года, его же мы придер- живаемся и сейчас.

Общую картину можно было дополнить следующими деталями. Так, материалы Городищенского городища свиде- тельствовали, что рябчатая фактура доминировала в предшествующий период. Это были отпечатки с узким, вытянутым элементом, часто в виде скобки или отпечатка ногтя. Иногда элементы были разрежены, иногда — плотно прижаты, образуя сплошную рябь. Это довольно разнообразная группа, имеющая, скорее, некий общий признак, из-за которого в процессе обработки Настасьинской коллекции она получила рабочее название «мелкоячеистая рябчатая» фактура (рисунок 51). Хронологические рамки периода оставались неясными. Верхняя граница ограничивалась периодом перестройки укреплений, то есть последними веками до н. э. Нижняя определялась по аналогиям с Дьякова городища: по мнению Н. А. Кренке, собственно дьяковский период начинался с V века до н. э., в предшествующее время доминировала традиция эпохи финальной бронзы (1995б. Стр. 177).

Погребённая почва Городищенского городища содержала именно такой материал (рисунок 72). Он, конечно, заметно отличался от собственно дьяковского. Керамика имела почти исключительно нитчатые отпечатки, часто располагавшиеся не параллельно, а беспорядочно. Тесто сосудов более плотное, размеры зерен дресвы меньше. Сосуды в определенных случаях имели короткий, отогнутый наружу венчик и были орнаментированы треугольными ямками (условное название штампа — «вдавления наклонной палочки»). Поиск аналогий показал, что наиболее ярким памятником этого круга древностей является Климентовская стоянка на Оке (Третьяков, 1966. Рисунок 38; Фолонеев и другие, 1988). На городищах дьякова типа его количество невелико. Такая

керамика зафиксирована на Дьяковом городище, «Чёртовом городке», Селецком, «Храме Цереры» в Царицыно (*Кренке*, 19956; *Крис и другие*, 1984). Среди поселений рассматриваемой территории она обнаружена на поселениях Настасьино, «Блюдечко» (рисунок 73), Старо-Голутвином монастыре, Ростиславле, Городне II, единичные фрагменты есть в Зарудне и, возможно, в Лысцево (*Мазуров, Сыроватко А. С.*, 2006; *Сыроватко А. С, Сидоров*, в печати; *Коваль*, 2001а. Стр. 61, 62). На Городищенском городище это доминирующий, наряду с гладкостенной керамикой, тип обработки поверхности, хотя на «Чёртовом Городке» и других памятниках с этой керамикой встречается также и рябчатая, орнаментированная гребенчатым штампом (*Кренке*, 19956). Подобной чистотой комплекса из москворецких поселений обладает только «Храм Цереры» (*Доклад Н. А. Кренке, И. Н. Ершова, А. Е. Кравцова на 5-м заседании семинара «Археология Подмосковья»* 29. 01. 2007; впрочем, это предварительная публикация).

Материалы Городищенского городища дали также основания для выделения черт более позднего, чем «период строительства укреплений», времени. Характерная керамика залегала во рву Городищ, причем не у самого дна, а выше, в слое черного гумусированного суглинка. Для неё (рисунок 63) были характерны отпечатки с широким, подпрямоугольной (иногда подквадратной) формы элементом, местами напоминающим классическую рогожу.

Отпечатки, как правило, четкие, глубоко врезанные. Керамика с такой фактурой при описании Настасьино именовалась «крупноячеистой рябчатой». Часто им соответствует выделяющаяся из общей массы дьяковской посуды форма горшка — профилированная, с раздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, иногда раструбообразным горлом. В этом случае отпечатки часто заходят на внутреннюю сторону горла.

Возраст такой керамики мог быть определен следующим

* На рис. 3 у М. В. Талицкого, похоже, представлены и «нитчатые» сосуды этого типа, хотя качество фотографии не позволяет судить со всей определенностью.

образом. Во-первых, она не могла быть древнее радиоуглеродного образца со дна рва ГИН-9409, чей возраст укладывался в интервал I — начало III веков н. э. С учетом того, что вблизи дна залегала нитчатая керамика, а крупноячеистая рябчатая стратиграфически располагалась выше, можно было осторожно предположить время ее бытования начиная со II века н. э., не исключая I век н. э.

Во-вторых, поздний возраст керамики с такой профилировкой подтверждался материалами раскопок 1936 года на Протопоповском городище (*Талицкий*, 1948. Стр. 233. Рисунок 3). М. В. Талицкий также датировал эту керамику первыми веками нашей эры*. И, наконец, эта датировка согласуется с материалами Дьякова городища: единичные сосуды этого типа, являясь, по мнению Н. А. Кренке, «чужими» для памятника, встречаются в слоях вплоть до V века н. э. (*Кренке*, 1987. Стр. 127, 128).

Опираясь на сделанные выводы, можно высказать и несколько замечаний по поводу городища Погост Красно. Коллекция этого памятника в основном собрана из слоя «над насыпью», обнаруженной на окончании мыса. По своему составу насыпь сходна с составом насыпи вала Коробчеевского городища, сходен и состав керамики из рва Коробчеево и Красно. Исходя из этого можно предположить, что подсыпка на краю мыса городища Красно синхронна насыпи вала Коробчеево I и, следовательно, другим коломенским городищам. Кроме того что этот факт интересен сам по себе, он является еще и лишним, хоть и косвенным, аргументом в пользу того, что открытая подсыпка связана с укреплениями городища. Разумеется, в этом случае коллекция с городища Красно не характеризует памятник на протяжении всей его истории.

Таким образом, без учета материалов городищ Настасьино, Ростиславль, Городна, Мутёнковское и других была выстроена общая схема:

1. Ранний период финальной бронзы — приблизительно до середины I тысячелетия до н. э. Время доминирования нитчатой керамики типа Климентовской стоянки.
2. Период, ориентировочно укладывающийся в промежутки V–III веков до н. э., — время доминирования традиции мелкоячеистой рябчатой фактуры.
3. Период со II века до н. э. (возможно, с III века до н. э.) до первых веков н. э. — время массовой перестройки укреплений и доминирования в керамике нитчатой фактуры отпечатка.
4. Финальная стадия бытования сетчатой керамики — появление крупноячеистой рябчатой фактуры и профилированных форм сосудов.

Рассмотрим теперь коллекции, полученные в недавнее время, и то, как эта схема может быть уточнена или скорректирована.

III. ВТОРОЙ ШАГ — УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Настасьино

Основные выводы по итогам обработки коллекции ждут публикации (*Сыроватко А. С., Сидоров*, в печати). По нашему мнению, в данной работе целесообразно привести только некоторые основные результаты для того, чтобы связать их с предыдущими исследованиями.

Вал и рвы Настасьинского городища не содержали такого обильного материала, как укрепления других городищ. Большая часть керамики была получена с жилой площадки, и это повлекло за собой главную трудность — количество керамики в нижних пластах (от пласта 5 на раскопе 3 и на пласт или два ниже — на раскопе 6) значительно уступало количеству керамики в верхних пластах. Из-за несопоставимости материала были выделены варианты распределения керамики в слое для каждого квадрата. При первом варианте в нижних пластах преобладала рябчатая, в

верхних — нитчатая керамика. Всего было разработано шесть вариантов распределения, но первый оказался самым массовым, встреченным на большинстве квадратов раскопов 3 и 6. Это обстоятельство выявило, условно говоря, нормальное (для данного памятника) стратиграфическое распределение керамики и позволило определять разного рода нарушения в слое.

В 2000 году была также сделана попытка при первичных подсчетах разделить мелкочаеистую и крупночаеистую фактуры рябчатой керамики. В итоге было установлено, что крупночаеистая рябчатая керамика устойчиво тяготеет к верхним слоям, а также обильно представлена в заполнении внутреннего рва, особенно в скоплении к юго-западу от его прохода. Мелкочаеистая рябчатая сосредоточена в основном в нижних пластах. Общим же итогом анализа категории сетчатого отпечатка на керамике Настасьинского городища стало следующее:

1. Для нижних горизонтов слоя Настасьинского городища характерно доминирование мелкочаеистой рябчатой фактуры сетчатого отпечатка при довольно значительной доле нитчатой керамики.
2. Для верхних горизонтов характерно доминирование нитчатой фактуры.
3. Верхние горизонты дополняются крупночаеистой рябчатой фактурой отпечатка, а также новыми формами сосудов с расширенным туловом, выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком.

В целом это было повторением выводов 2000 года, только менее детализированным и не имеющим хронологических реперов. Во многом это особенность стратиграфии памятника с невыраженным комплексом находок, отсутствием изолированных объектов и стерильных прослоек. Однако подтверждение прежней схемы само по себе, на наш взгляд, является чрезвычайно важным результатом.

Отметим также второстепенные заключения. Во-первых,

попытка разделить нитчатые отпечатки на группы по размерам нитей или по интервалу между ними ничего не дала. Фактически это означает, что нитчатые отпечатки представляют единый массив. Второй вывод был сделан по результатам анализа распределения развалов сосудов в слое, хотя он, конечно, даёт менее достоверную картину, чем работа с отдельными фрагментами (в последнем случае развалы считаются как совокупность фрагментов). С учетом того, что недостатка в развалах в Настасьино не было, можно сделать вывод, что пофрагментный разбор и анализ должны оставаться основными, а выделение сосудов или работа с развалами — дополнительными операциями.

Отдельно был выполнен планиграфический анализ материала, основанный на наблюдениях за распределением по площадке венчиков сосудов. В результате этой работы были сделаны следующие выводы.

Во-первых, как оказалось, венчики трех основных типов — прямые, отогнутые наружу и профилированные (с шейкой или перехватом) — в равных пропорциях распределены внутри трех основных категорий керамики (гладкостенной, рябчатой и нитчатой). Тип отпечатка никак не связан с формой венчика. Венчики разной профилировки залегают совместно в одних и тех же слоях. Не удалось выявить связь типов венчиков или фрагментов с определенным отпечатком с какими-либо объектами на жилой площадке. Только ров городища, вернее, его участок, расположенный к западу от прохода, был насыщен керамическим материалом, обладавшим выраженными признаками, перечисленными выше. По всей видимости, степень сохранности культурного слоя на площадке не позволила выявить связи в материале.

Конечно, это не означает, что он не содержал другой информации, — возможно, была неправильно поставлена задача или выбраны не те категории анализа. Очевидным осталось только то, что дающим хоть какой-то результат оказалось группирование фрагментов сосудов по типу

* Это максимальный показатель, в среднем же сетчатой керамики в нижних горизонтах около трети. При этом статистика по разным, иногда соседним участкам может давать сильный разброс.

** Миф, однако, живучий и даже использующийся как основа для далеко идущих выводов (Гусаков, 2007. С. 46–47), порождающих в свою очередь новые заблуждения (Гусаков, Кузьминых, 2008).

обработки поверхности.

Ростиславль

Особенностью коллекции является ее постоянное пополнение: работы на памятнике не прекращаются, и в процессе подготовки этого издания неоднократно приходилось дополнять раздел о Ростиславле. Первые наши опубликованные выводы о ростиславльской коллекции (Сыроватко А. С., 2006) также нуждаются в корректировке.

Обратимся для начала к керамике из культурного слоя, сведения о которой приведены в таблице 5. Из неё видно, что распределение керамики по типам в слоях заметно различается: доля гладкостенной в слое 1 колеблется в пределах 50–60%, а в слое 2 её количество на отдельных участках возрастает до 80%*, при наличии керамики с нитчатым и мелкоячеистым рябчатым отпечатком. Иными словами, культурный слой памятника продемонстрировал ситуацию, отличную от рассмотренных выше коломенских городищ; в нижних горизонтах (слое 2), прослойках полов жилищ абсолютно господствует гладкостенная керамика.

То, что доля гладкой керамики значительна в нижних слоях, а в более позднее время уменьшается, было известно и раньше. Собственно, расхожее утверждение о том, что количество гладкостенной керамики возрастает в комплексах в течение дяковского периода и в позднедяковский вытесняет сетчатую совсем, является мифом, появившимся из-за излишне прямолинейной, не учитывающей реальности формирования слоя трактовки**. Процент гладкостенной керамики, например на Настасьинском городище, как мы уже говорили выше, стабильно одинаков для всех горизонтов. Ростиславль, а вернее, его дяковский слой 2, конечно, заметно выделяется на фоне коломенских памятников. Сопоставлению коллекций мы посвятим отдельный параграф, но, забегая вперед, скажем, что господство гладкостенной керамики, безусловно, выдает верхнеокские или каширские традиции.

* Возможно, корректнее формулировка «не найдено».

Как распределяются другие типы керамики?

В слое 2 доля мелкоячеистой рябчатой и нитчатой керамики примерно одинакова — 9–10%. Исключение составляет только участок «Б» раскопа V 1999 года, где количество нитчатой керамики в слоях 2 и 3 аномально высоко — около 32%. Горизонт 2а участка «Ж» 2004 года также содержит аномально большое количество сетчатой керамики, правда, в основном рябчатой — более 50% при 42% гладкостенной. Объяснения этому явлению пока нет. Что же касается слоя 1, то нитчатой керамики в нем 7–8%, в то время как доля рябчатой керамики всех типов возрастает до 28%, причем в основном за счет крупноячеистой рябчатой керамики (рисунки 62, 63). Как мы уже отмечали выше, на Настасьинском и Городищенском городищах этот тип отпечатка особенно характерен для поздних горизонтов, в Ростиславле наблюдается та же картина.

* Правда, в таблицы той статьи вкралась математическая ошибка, не влияющая, впрочем, на выводы, замеченная благодаря стараниям М. Г. Гусакова.

Каков же общий итог просмотра коллекции из культурного слоя площадки?

1. Для нижнего горизонта — слоя 2 — характерно доминирование гладкостенной керамики при наличии небольшого количества нитчатой и рябчатой.
2. Для верхнего горизонта — слоя 1 — также характерно доминирование гладкостенной керамики при резком возрастании сетчатой и появлении керамики с рябчатой крупноячеистой фактурой отпечатка.
3. Преобладание гладкостенных фрагментов в верхнем слое во многом объясняется наличием в нём керамики позднедыяковского времени, в то время как на Городищах, Настасьино, Коробчеево и Городне этой керамики нет* (либо почти нет).
4. Для всех горизонтов жилой площадки характерна незначительная доля нитчатой керамики.
5. Довольно сильный статистический разброс — до десятков процентов в пределах одной категории анализа — из разных участков одних и тех же горизонтов убеждает нас в том, что о памятнике не

стоит судить только по одному участку. Картина может отличаться довольно сильно даже в пределах жилой площадки, но особенно ярко это обстоятельство выявила насыпь вала городища.

Керамика из насыпи вала Ростиславля

Когда готовилось это издание, работы по исследованию валов и рвов Ростиславля шли второй год и были далеки от завершения. Первая публикация общих наблюдений за составом керамики (*Сыроватко А. С.*, 2006) отражала только результаты начального этапа полевой работы*.

Как мы уже отметили выше, коллекция была отобрана из вала по так называемым условным горизонтам — прослойкам или группам прослоек, определённым в поле. Обозначения горизонтов на раскопах IV и V различались: для раскопа V, участка «И», была принята буквенная система, для раскопа IV — цифровая. Раскоп IV, как уже отмечалось, был основным разрезом, однако в силу ряда обстоятельств он не мог быть продолжен на внутренний склон вала, и эту задачу выполнял раскоп V.

Раскоп IV. На фоне верхних горизонтов самыми яркими оказались так называемые горизонты 8 и 9, керамический материал из которых был во многом сходным, хотя и неидентичным. Многие условные горизонты, в частности 7–9, были прослежены не только в насыпи, но и во рву. Открытым, на наш взгляд, остается вопрос, являются ли горизонты над рвом оползнем с вала или ров на каком-то этапе был засыпан. Наблюдения за составом керамики показывают, что в одних и тех же горизонтах — в насыпи и над рвом — он несколько различается.

Состав керамики из насыпи вала приведён в таблице 6. Первое, что бросается в глаза, — сильная неравномерность распределения материала: в горизонтах 8, 9 его гораздо больше, чем в остальных. В горизонте 7 керамики тоже немало, но в основном во рву (точнее, над рвом). Однако еще

* Этому явлению есть объяснение, и мы остановимся на этом ниже. Однако, кроме того, существует возможность и смешения материала — в сбор из горизонта 9, по словам В. Ю. Ковалева, могла попасть керамика из горизонта 7, заполнившего проход в насыпи (заметный на рис. 37).

** Мы не случайно уточняем, из какого участка разреза укреплений происходит материал, — нетрудно заметить, что состав прослоек над валом и над рвом различается.

более примечательным оказался состав самой керамики. В этом отношении горизонты 8, 9 принципиально отличаются от культурного слоя площадки. Во-первых, в горизонтах 8, 9 преобладает сетчатая керамика (около 60% в валу и около 68% (!) над рвом). Разница с культурным слоем площадки столь разительна, что при работе с коллекцией создавалось ощущение, что мы имеем дело с другим памятником. Однако немаловажен и такой момент: в категории «сетчатая керамика» преобладающим является нитчатый отпечаток (45–46%). Причем если в прослойках в насыпи ее доля составляет 34–37%, то в тех же горизонтах 8, 9 над рвом — свыше 45%, при снижении доли мелкоячеистой рябчатой — до 4,5% (рисунки 51, 52). Такая «нитчатая доминанта» не только не сходна со слоем площадки, она в целом соответствует составу керамики из насыпей валов других окских городищ, и в первую очередь Протопоповскому, Городищенскому (верхний горизонт) городищам и рву Коробчеево I. Таким образом, на всех перечисленных памятниках мы наблюдаем единое явление.

Третий принципиальный момент заключается в том, что в горизонтах 8, 9 единичны фрагменты с крупноячеистой рябчатой фактурой отпечатка* (в горизонте 9 в валу около 2,2%). Сравнительно много ее только в горизонте 7, в слое над рвом**.

Горизонты 8, 9 содержали еще один любопытный штрих — в слоях над рвом в большом количестве (в виде развалов примерно 3 сосудов) присутствовала рогожная керамика. Керамика этого типа в виде единичных фрагментов довольно часто попадает на многих дяковских городищах, но в таком количестве и с такой степенью сохранности развалов встречена впервые. Пожалуй, этот объект впервые позволяет уточнить время появления рогожной керамики на дяковских городищах.

Если проанализировать верхние горизонты насыпи вала, то становится очевидным, что выявленная тенденция

* Нитчатая керамика древнейших слоев Ростиславля тоже неоднородна — помимо отпечатков с тонкими нитями есть керамика, не встреченная нами ранее, — с толстыми нитями, оставляющими короткие, прерывистые отпечатки — «стежки» (рис. 80). Стратиграфически она тяготеет к надматерику и насыпи Д.

сохраняется. В горизонтах 7 и выше нитчатая керамика по-прежнему либо преобладает, либо её доля значительна. Количество гладкостенных фрагментов в верхних горизонтах несколько увеличивается. Чрезвычайно важным обстоятельством следует считать то, что в насыпи вала практически нет керамики, относящейся к позднедьяковскому (мошинскому) времени. Керамика этого периода, в том числе лощёная, в большом количестве представлена в слое 1 площадки, но в насыпи её нет (или почти нет). Это довольно странно, поскольку ставит под сомнение факт использования и ремонта укреплений не только в позднедьяковское (что, в общем-то, неудивительно), но и в древнерусское время (что довольно неожиданно).

Разница между составом керамики с жилой площадки и из вала слишком велика. Однако возможности для «согласования» коллекций есть. В этой связи интересен не только участок «Б» раскопа V, где было выявлено подобное соотношение керамики, но и весьма любопытен горизонт, получивший обозначение «10». Состав керамики из него, как видно из таблицы 6, как раз близок слою 2 площадки — с абсолютным преобладанием гладкостенной керамики. Примечательно и то, что «нитчатая» керамика из этого горизонта сходна с керамикой типа Климентовской стоянки*, а не собственно дьяковской, как в горизонтах 8 и выше.

Еще большее сходство со слоями площадки продемонстрировал участок насыпи, исследованный раскопом V. Здесь от верхних горизонтов к нижним наблюдается заметное увеличение доли гладкостенной керамики (в горизонтах В, Г она составляет 73%). Доля сетчатой керамики остается в пределах 20%. Очевидно, что такое распределение керамики в верхних и средних горизонтах не совпадает с раскопом IV, и таким образом синхронизация прослоек в насыпи становится отдельной проблемой. Вместе с тем противоречие между комплексами с жилой площадки и из насыпи вала в раскопе IV снимается

* Конечно, скорее всего, оно синхронно аналогичному явлению на «коломенских» памятниках.

окончательно. Становится очевидным, что противоречий между материалами площадки и вала нет (есть несовпадение горизонтов) и что слой 1 площадки совершенно неадекватно отражает хронологические особенности керамических комплексов. В нём оказался смешанным разнородный материал, и он скорее, искажает реальную картину, восстановить которую невозможно.

Однако большее удивление вызывают самые нижние горизонты насыпи: если горизонты 1, 2 насыпи Д в целом сходны с остальными, то горизонт Д3 и надматериковый слой дают новую и принципиально иную картину! Здесь доминирует не встреченный почти нигде более тип керамики со штрихованной поверхностью, орнаментированной гребенчатым штампом (рисунок 81). Особенно много её в слое Д3, хотя и в надматериковом слое она составляет практически такой же процент, что и гладкостенная. Это новое обстоятельство заслуживает самого пристального внимания, тем более что такая керамика весьма характерна для древнейших слоев каширской группы памятников. Различие слоев Д3 и Д2 велико, хотя в слое Д2 среди гладкостенной керамики велика доля фрагментов, которые по составу теста, орнаменту и профилировке ничем не отличаются от штрихованной — разве что на них отсутствуют расчёсы.

Подводя итог рассмотрению коллекции Ростиславля, повторим, что памятнику присущи следующие особенности:

1. Доминирование в самых ранних слоях штрихованной керамики с гребенчатым штампом при наличии керамики типа Климентовской стоянки.
2. Преобладание гладкостенной керамики на раннем этапе (приблизительно середина — вторая половина I тысячелетия до н. э.). Сильно отличие памятника от синхронных городищ коломенской группы.
3. Резкое увеличение сетчатой (рисунки 48, 49, 53, 54), а особенно нитчатой керамики в период отложения

горизонтов 9–7 насыпи вала, что сразу сближает Ростиславль с коломенскими городищами. Дата этого события пока остается невыясненной*.

4. Увеличение количества керамики с крупноячеистыми рьячатыми отпечатками (рисунки 63–65) в более позднее время.
5. Выраженный позднедыяковский период на памятнике.

Состав теста сосудов Ростиславля

Выше нами уже был продекларирован отказ от рассмотрения технологических особенностей керамики рассматриваемой территории. Однако отстраняться совсем от этого источника все же не стоит, тем более, что мы располагаем сведениями о составе керамического теста по крайней мере для двух памятников — Настасьино и Ростиславля.

Определение рецептуры формовочных масс для керамики Ростиславльского городища было выполнено В. Ю. Ковалем в процессе камеральной обработки коллекции, и сведения об этом содержатся в отчётах. Определение рецептур и их запись были выполнены по системе, разработанной самим автором раскопок, её методические основы опубликованы и приняты другими исследователями (*Коваль, 1997б; 1999а*). Нам, с нашей стороны, остаётся только воспользоваться готовыми определениями и попытаться выяснить наиболее характерные особенности коллекции.

Определения В. Ю. Коваля были сведены нами в три таблицы (№ 7–9), отражающие наиболее значимые категории керамики. Мы не приводим только сведения о керамике позднедыяковских типов, поскольку в данной работе этот период специально не рассматривается. Отсутствует в них и рогожная керамика, в большинстве случаев принадлежащая к типу теста 2.8 по В. Ю. Ковалю, — «глина + песок + крупная дресва».

Прочие категории керамики значительно более

вариабельны по составу формовочных масс. Однако даже беглого взгляда на таблицы 7–9 достаточно для того, чтобы понять очевидный факт — во всех категориях керамики преобладающим типом теста является тип 2.8, то есть «глина + песок + крупная дресва». Часто встречается также тип 2.7 — «глина + песок + мелкая дресва», что, вероятнее всего, одно и то же. Так, в категории нитчатой керамики в слое 2 типы теста 2.7 и 2.8 почти всегда составляют 100% или близкую к ним величину, и только на отдельных участках встречалась керамика с отличной рецептурой — «глина + дресва» (типы 2.4 и 2.5) или с примесью известняка (тип 2.14). Остается в этом случае открытым вопрос, являлся ли дроблённый известняк, с точки зрения древнего гончара, самостоятельным компонентом, или это та же самая дресва. В слое 1 рецепты нитчатой керамики в целом схожие, но есть и принципиальные новшества, а именно появление керамики с использованием шамота в тесте (типы 2.6 и 2.10). Количество ее невелико, зафиксирована она только во время работ 2004–2005 годов, общей картины её наличие не меняет. И всё же факт довольно примечательный.

Категория рябчатой керамики (таблица 8) менее гомогенна, даже в слое 2. Хотя и здесь преобладающей является рецептура 2.7–2.8, а также составы без песка или с примесью известняка; на участках раскопа 4 2004–2005 годов также встречается керамика, в составе теста которой присутствует шамот. Конечно, сам по себе шамот — поздний признак, и мы скорее должны говорить о турбированности слоя, чем о его раннем использовании, но и здесь важен сам факт существования сетчатой керамики с шамотом в тесте. К сожалению, отдельные типы рябчатой керамики оказалось сложно сопоставить с рецептурой.

Гладкостенная керамика (таблица 9) является наиболее разнообразной по количеству использованных рецептур, но это как раз и неудивительно. Во-первых, очевидно, что немалое число её фрагментов относится к позднедьяковскому

* Причем в этой коллекции аномально велико количество «неопределённой» керамики — частей венчиков и днищ. В действительности же разрыв между «рябчатой» и другими категориями должен быть еще больше.

времени. «Шамотосодержащие» рецептуры также связаны в основном с этим периодом. Во-вторых, в этой категории присутствуют и миниатюрные сосудики, состав теста которых, как правило, проще (2.3, 2.4, 2.5).

Какие же выводы следуют из представленного материала? Главным я бы назвал то, что состав формовочных масс един для сетчатой и гладкостенной керамики. Нитчатая, рябчатая и гладкостенная керамика производились по схожей рецептуре. Этот факт примечателен тем, что при описании керамики он делает более значимыми способы обработки поверхности, снижая значение состава теста. Вторым любопытным обстоятельством является наличие сетчатой керамики с тестом, в составе которого находится шамот. Использование шамота не является местной традицией, и сочетание сетки и шамота выступает своеобразным гибридом.

Городище Городна I

Сведения о керамике этого поселения сведены в таблицу 10. В ней отдельно представлен шурф 2, разрезавший вал, и 3, разрезавший окончание мыса городища (с упоминавшимся уже скоплением прокалённой глины).

Обратимся к материалам шурфа 2. Первое, что бросается в глаза: крайне незначительное количество керамики из разреза вала. При общей площади траншеи 4 м² в шурфе 2 её меньше, чем в шурфе 5 Протопоповского городища. Второе обстоятельство — преобладание фрагментов с рябчатой фактурой (рисунки 55–58) и полное (!) отсутствие гладкостенных. Это обстоятельство интересно сразу по двум причинам: во-первых, такое распределение принципиально отличается от валов коломенских городищ, где преобладает нитчатая керамика; во-вторых — от соседнего Ростиславльского городища, где значительна доля гладкостенной и нитчатой керамики.

Если же обратиться к материалам жилой площадки, часть слоя которой перекрыта скоплением прокалённой глины, то

можно обнаружить эти же черты и здесь. На фоне соседнего Ростиславля мизерный процент гладкостенной керамики не может не удивлять*. Причем радиоуглеродная дата для жилого слоя ГИН-12721в, указывающая на верхнюю границу слоя, и ГИН-13293, обозначающая нижнюю, позволяют по крайней мере утверждать, что представленный в шурфе 3, в пластах 3, 4 материал (рисунки 55–58) в целом должен соответствовать слою 2 жилой площадки Ростиславля. Однако такое небольшое количество гладкостенной керамики необычно даже для коломенских городищ, хотя доминирование для этого диапазона мелкочаеистой рябчатой керамики присутствует и там. Вместе с тем, поскольку исследована небольшая площадь, мы не можем утверждать, что в истории Городны не было «периодов доминирования нитчатой керамики». Опыт исследования Ростиславля показывает, что отсутствие выраженного слоя определённого времени на одном участке площадки не означает, что он не сохранился в другом, а в слое Городны нитчатая керамика, пусть и в меньшем количестве, устойчиво присутствует.

На городище обнаружена, пусть и в небольшом количестве (около 20 фрагментов), керамика с крупночаеистыми рябчатыми отпечатком — и в насыпи вала, и в раскопе на мысу площадки, причем даже в нижних горизонтах. Правда, на городище не найдено профильных частей сосудов, в частности сильно отогнутых венчиков, в том числе с двусторонними отпечатками. Только такое сочетание признаков позволяет определённо судить о позднем возрасте сетчатой посуды, а сам по себе крупночаеистый отпечаток — и мы попробуем продемонстрировать это ниже — не столь надёжный признак.

Трудно сказать, насколько принципиально различие коллекций Городны и коломенских городищ раннего этапа: середины — второй половины I тысячелетия до н. э. Однако представленные материалы как будто бы иллюстрируют столь резкое отличие Городны от Ростиславля, что создается

впечатление некой культурной границы между двумя керамическими традициями. Эта граница пролегает между Городной и коломенскими городищами с одной стороны и Ростиславлем (и, забегая вперед, прочими восточными памятниками) с другой — по линии «гладкостенная — сетчатая — рябчатая» керамика. Этот раздел заметен и в более позднее время, на этот раз — между Городной и остальными поселениями юго-востока — по линии «нитчатая — рябчатая» керамика. Но последнее утверждение, как мы уже заметили, слишком зыбко.

Каков же итог рассмотрения коллекций перечисленных памятников? Во-первых, коллекции Настасьино и Ростиславля продемонстрировали общее сходство в смене типов керамики в регионе. Во-вторых, материалы всех трех городищ (включая Городну) показали и очевидное культурное разнообразие данной территории в разные хронологические периоды. Так, на раннем этапе культурное отличие от коломенских городищ демонстрировал Ростиславль, на более поздних — Городна. Эти выявляемые отличия или даже «периоды отличий» (наряду с «периодами сходства») как будто указывают на значительно более важное обстоятельство: похоже, что сетчатый отпечаток мог выступать своеобразным культурным маркером, отмечающим (территориально или хронологически) обособленные группы памятников. Вывод, вероятно, слишком смелый, к тому же не являющийся единственной объяснительной моделью, но уж больно заманчивой...

* А та, в свою очередь, применительно к железному веку тоже опирается на радио-углерод.

IV. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Проблема интерпретации

Не секрет, что интерпретация археологического материала имеет неограниченное количество вариантов. К сожалению, это не всегда учитывается — очень часто именно интерпретация выдается за результат раскопок, хотя на самом

деле результатом может быть только сам материал. Конечно, трудно уберечься от проявления симпатий в пользу какой-то одной версии, но, по крайней мере в нашем случае, объективно возможно несколько вариантов реконструкции культурных взаимодействий, основанных на представленных фактах.

В чем заключается наибольшая сложность? Нам она видится в низком пороге точности хронологических определений. Например, фиксируя процесс смены одних типов керамики другими, мы не в состоянии (по крайней мере пока) определить скорость этого процесса. Ведь за переменами может стоять как сравнительно постепенный переход от одной технологии к другой, так и мгновенная смена типа (вместе с его носителями). Любой ответ на этот вопрос будет преждевременным.

Наши хронологические построения основаны на радиоуглеродных датировках и, частично, на палинологии*, и точность этих методов такова, что уловить с их помощью общий ход процесса возможно, а одномоментное событие — нет. Например, в случае быстрого перехода от одного типа керамики к другому материалы Городны можно интерпретировать иначе. Вал, построенный, к примеру, на несколько лет раньше, чем на остальных памятниках, не содержал нитчатой керамики просто потому, что она не успела появиться на памятнике в большом количестве. Чуть более поздние валы других городищ её уже содержат. Иными словами, Городна вовсе не обязательно демонстрирует отличный от других городищ культурный тип, это может быть всего лишь проявление недостатков методов датировки и раскопок, ведь и на Ростиславле «период нитчатой керамики» никак не был выявлен, пока не начались раскопки вала.

За двумя вариантами реконструкции процесса смены типов — «быстрого» и «постепенного» — стоят и принципиально разные объяснительные модели. За «медленной» схемой принято видеть вялотекущую эволюцию

* В то же время есть пример Городны, нижние горизонты которой содержат более однородный керамический материал. Пусть площадка Городны и исследована небольшим раскопом, но сохранность слоя в нём оказалась, по нашему мнению, значительно лучше, чем в Настасьино. Не исключено, что мы наблюдаем разницу в сохранности слоя, а не культурные отличия.

** Например, это результат выработки разнотипного текстиля, употреблявшегося для выделки сосудов. То, что ткани разных фактур могли изготавливаться в разных количествах, очевидно.

«медвежьего угла» (а дьяковский мир обычно так и воспринимается), а за «быстрой» — яркие (аж дух захватывает!) картины войн, миграций, ассимиляций и так далее. Но, если нет возможности уточнить датировки, можно попробовать установить степень культурного размежевания типов керамики.

Можно сказать, что этот вопрос, сформулированный в виде предположения в предыдущем разделе, является одним из важнейших. В случае резкого размежевания типов керамики (территориального и/или хронологического) они действительно превращаются в «маркер культурных типов», в случае же «культурного дрейфа» их ценность девальвируется.

Насколько можно судить о размежевании типов керамики (выделенных по способу обработки поверхности) по материалам рассмотренных памятников? С нашей точки зрения, удачей можно считать само выделение таких типов. Что же касается их культурной обособленности, то картина здесь сложная.

Даже из приведенных в таблицах результатов первичных подсчетов керамики по слоям на разных памятниках видно, что определённая степень смешанности практически всегда присутствует. Если интерпретировать результаты раскопок буквально, это следовало бы понимать как параллельное изготовление керамики разных типов в пределах одного коллектива, только с разными предпочтениями. Особенно «размытыми» выглядят эти предпочтения на Настасынском городище, где доля нитчатой керамики в нижних горизонтах довольно велика*. Иными словами, могла существовать «мода» или иные причины, заставлявшие вырабатывать керамики одного типа больше, чем другого**, но при этом разные типы изготавливались всегда. Даже крупноячеистая рябчатая керамика не выглядит хронологически абсолютно изолированной. О факте обнаружения такой керамики, пусть и в небольшом количестве, в горизонтах 10 и 9 вала Ростиславля мы уже упоминали (как, впрочем, и о возможных перемещениях

* Ямы часто встречаются на городищах каширской группы, но их назначение непонятно, а керамического материала в них почти нет (Сидоров, 2004, рис. 3). Согласно устному сообщению И. В. Ислановой, хозяйственные ямы обычны на Верхней Волге. Везёт же.

материала). Однако нам известны и другие примеры: так, на Городищенском городище развал сосуда с крупноячеистым отпечатком (от достоверно поздних сосудов он отличается только профилировкой) был найден под слоем прокалённой глины, на погребённой почве, и части этого сосуда были сильно поведены огнём (рисунок 77). Очевидно, что он попал в основание вала при его строительстве, хотя, казалось бы, место его во рву. Нитчатая керамика часто встречалась во рву Настасьинского городища вместе с крупноячеистой и даже с мелкоячеистой рябчатой керамикой. Причем известны даже гибридные формы — когда нитчатый отпечаток наносился на сильно профилированный сосуд, для которого характерны крупноячеистые рябчатые отпечатки (рисунок 71; *Талицкий*, 1948. Рисунок 3, 3). Одним словом, если тенденция и подмечена верно, то её уточнение сильно затруднено. Главной же причиной этой ситуации следует считать отсутствие выраженных керамических комплексов, полученных с дьяковских городищ.

Источниковедческие проблемы дьяковской культуры

Почему общепринятая хронология дьяковской керамики, по существу, отсутствует? Причин здесь, вероятно, много, но на наш взгляд, главными остаются две: особенности формирования культурного слоя на площадках городищ и недооценка этих особенностей.

Вряд ли будет ошибкой утверждать, что в разработке подробных хронологических шкал керамики определяющую роль играют комплексы, получаемые в первую очередь из ям, а также материалы из захоронений. Однако дьяковское население почти не выкапывало крупных ям (за исключением рвов), и нам не известен ни один объект, который можно было бы интерпретировать как хозяйственную яму*. Кроме того, погребальные памятники дьяковцев, несмотря даже на недавние открытия А. Н. Башенькина и В. И. Вишневого (*Башенькин*, 1995; 1996; *Вишевский и другие*, 2004;

Вишневецкий и другие, 2007), по-прежнему остаются редким явлением и оснований для хронологии керамики не дают. А что же культурный слой площадок городищ?

Существует, на наш взгляд, несколько факторов, довольно часто встречаемых на разных поселениях, которые необходимо учитывать при интерпретации стратиграфии. Во-первых, это сильный уклон площадок некоторых городищ (как правило, в сторону реки), приводящий к постоянному смыву слоя на более низкие участки, в результате чего перемещаются и находки (например, Настасьино и Городищи). Во-вторых, этот же уклон площадки приводил к многочисленным планировочным работам в период функционирования поселений. В частности, подрезание грунта у одного края постройки при её возведении и перемещении его под другой край. Назовем и ещё один момент — особый состав почвы на некоторых участках площадок городищ. Это рыхлый слой, с высоким содержанием органики, часто коричневого, «торфяного», окраса и консистенции. Его состав весьма специфичен и часто встречается на дьяковских городищах, причем, как правило, вблизи валов, с внутренней стороны. Механизм образования этого слоя остается неизвестным, но очевидно, что связан он с особыми условиями хозяйствования на городище. Исследование «торфообразного» слоя на Дьяковом городище выявило в нём наличие остатков панцирей жуков-бронзовок, что дало основание предполагать первоначальный облик слоя в виде скопления веток и листьев (*Кренке*, 2004а. Стр. 177). На Городищенском городище в составе подобного слоя выявлены луговые травы, а также древесная кора, остатки камыша и рогоза и опять-таки большое количество хитиновых остатков насекомых (правда, не установлено, каких именно). Аналогичный по окрасу и плотности слой выявлен также на городищах Коробчеево I, Протопоповском, Настасьинском (*Сыроватко А. С.*, 2001б; *Талицкий*, 1948. Рисунки 1, 6; *Энговатова*, 2000). Помимо дьяковских памятников, подобный слой известен и на

поселениях этого же времени других культур — мощинской (Воротынск), днепродвинской (*Шмидт*, 1992. Стр. 39; *Массалитина и другие*, 2000). Возможно, этот слой представлял собой скопление каких-то органических веществ (запасов строительных материалов? фуража? навоза или перегноя?). Из этого следует, что слой этот изначально, до своей минерализации, имел значительно больший объём и в процессе минерализации слоя происходило его уплотнение с перемещением разновременных находок в один горизонт. Изначальная рыхлость слоя и его последующее уплотнение способствовали усилению других факторов педотурбации, из которых наиболее существенным следует назвать деятельность грызунов. Всё сказанное нами призвано проиллюстрировать тезис о том, что процесс формирования культурного слоя дьяковских городищ является чрезвычайно сложным и в конечном итоге приводит к определённой смешанности материала. В результате, хронологические построения на основе такого материала способны, на наш взгляд, выявить лишь общие закономерности и не могут стать основой для выработки детальной хронологии.

А. Н. Сорокиным было обращено внимание на излишнюю переоценку коллекций, полученных с многослойных памятников, или коллекций с памятников, трактуемых как однослойные (однокультурные). Были также перечислены факторы педотурбации слоя, приводящие к смешению материалов без участия человека (*Сорокин*, 2002. Стр. 132 и следующие; Стр. 143 и следующие). Все сказанное относилось к эпохе мезолита, но следует признать, что те же проблемы источниковедения присутствуют и у исследователей других эпох. Применительно к дьяковской культуре это касается, в частности, излишне прямолинейной трактовки материалов, получаемых из культурного слоя жилых площадок. Так, например, взаимовстречаемость сетчатой, гладкостенной и лощёной посуды давно стала основой для вывода о постепенном вытеснении первой из обихода и плавной

трансформации дьяковских древностей в позднедьяковские. Между тем совместное залегание артефактов разных типов на одном уровне вовсе не означает, что за этим стоит историческая реальность, — не меньше вероятность того, что это проявление одного из факторов смешивания слоя, и это убедительно продемонстрировано А.Н.Сорокиным на примере мезолитических стоянок (*Сорокин*, 2002. Стр. 157 и следующие). Именно упрощённый подход объясняет появление таких заключений, как скорость накопления культурного слоя Троицкого городища, происходившая по «20 см за 200 лет» (*Крис*, 1970. Стр. 169). Подчеркнём, что в данной работе мы не будем ставить под сомнение выводы коллег, сделанные ранее. Мы лишь обращаем внимание на необходимость крайне осторожно интерпретировать материалы, происходящие из культурного слоя участков так называемого спокойного накопления. В целом же культурный слой площадок дьяковских городищ обладает, на наш взгляд, неким пределом, не позволяющим детализировать любые хронологические построения.

Существует ли возможность преодолеть этот предел? Хочется верить, что выход есть. Так, на Дьяковом городище при интерпретации материала Н. А. Кренке оперировал пластами по 40 (!) сантиметров, благо мощность слоя это позволяла (*Кренке*, 2004б. Стр. 177). В результате часть факторов воздействия на культурный слой удалось до некоторой степени нейтрализовать. И именно материалы Дьякова городища впервые позволили усомниться в традиционной трактовке эволюции дьяковских древностей в позднедьяковские и предположить иной вариант культурных трансформаций.

Однако большинство городищ не обладают таким мощным слоем. Собственно, Дьяково городище в этом отношении представляет собой аномалию, нуждающуюся в объяснении. Чаще всего общая толщина отложений на площадках редко превышает 1 метр. К тому же материалы Дьякова городища

опять-таки выявили общую тенденцию хронологии инвентаря, пусть и на качественно новом уровне, но без узких дат для комплексов вещей. Радиоуглеродный метод применительно к Дьякову городищу, по мнению Н. А. Кренке, обладает реальной разрешающей способностью в 300 лет (Кренке, 2004б. Стр. 180), что, на наш взгляд, вообще ставит в этом случае под сомнение целесообразность его применения.

Видимо, необходимо найти какие-нибудь альтернативные подходы. Нам, в первую очередь, видятся два. Для выявления возможной территориальной обособленности типов керамики необходимо сравнение наших материалов с соседними территориями. Такому сравнению мы посвятим отдельный раздел. Однако целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть и еще один путь — анализ коллекций с небольших селищ на предмет выявления среди них поселений, бытовавших в исторически короткий промежуток времени.

«Малосерийные» коллекции

Существование таких селищ можно только предполагать. Важно, чтобы такие поселения функционировали не просто эпизодически, а только однажды, и сравнительно короткий промежуток времени. Естественно, встает вопрос о том, как такие памятники распознать. По всей видимости, необходимо все же сделать допущение, что в отдельный исторический момент набор отпечатков на керамике должен быть однотипным. Только коллекция с таким материалом добавит аргументов в пользу изолированного существования типа керамики в отдельно взятый период. В случае если керамическая коллекция с такого селища содержит фрагменты с разными типами отпечатков (что, собственно, и присутствует на городищах), это может означать и реальный исторический факт, и результат смешения материалов в результате многократных посещений памятника.

В случае кратковременного функционирования поселения

* Значительную долю материала оставляла лепная керамика конца I тыс. н.э. По этой причине выделение гладкостенной дьяковской из коллекции не производилось.

коллекция керамики оказывается небольшой — от нескольких десятков до сотен фрагментов. Однако необходимым условием анализа такой коллекции является площадь раскопов — она должна быть относительно большой, хотя бы несколько десятков метров. В противном случае всегда остается вероятность получения необъективной картины (например, при шурфовке).

Из раздела, посвящённого обзору и степени сохранности коллекций, видно, что в таких памятниках недостатка нет. Как правило, они изучаются попутно, при раскопках (зачастую охранных) поселений других эпох. Именно так были получены материалы с Сосновки IV на Оке (Коваль, 2004), Мякинино I (Сыроватко А. С., 2005б), Щурово (Сыроватко А. С., 2005а), Белого Колодца (Сыроватко А. С., 2007а), Аносина (Коваль, 2003), «Блюдечко» (Мазуров, Сыроватко А. С., 2006), подобным образом в последние годы было открыто и полностью раскопано селище Тарасовка 2 (Зайцев, 2002). В сходных условиях обнаружена и керамика на селищах Лысцево и Цемгигант II, однако единичные фрагменты, безусловно, почти не дают информации.

Перейдем теперь к анализу самих коллекций.

Белый Колодец

Коллекция этого поселения, расположенного в черте современного города Зарайска, отличается своей однородностью. Знакомство с ней (в настоящее время коллекция хранится в ИА РАН) осуществилось благодаря любезному содействию Е. В. Леоновой (Сыроватко А. С., 2007а).

Доминирующим типом керамики на памятнике является сетчатая с рябчатым отпечатком (рисунок 67). Рябчатый отпечаток на керамике поселения Белый Колодец представлен в основном крупноячеистым — четким, глубоко врезанным отпечатком. Как мы уже отмечали выше, он часто сочетается с

весьма специфическим типом сосудов — профилированным, с отогнутым наружу венчиком. Зачастую отпечатки покрывают и внутреннюю сторону горла таких горшков. Судя по сохранившимся венчикам, подобные формы сосудов присутствовали и на поселении Белый Колодец. Всего было найдено венчиков с двусторонними отпечатками 15 экземпляров (все они сильно измельчены, их профиль может быть только реконструирован).

При первом знакомстве с коллекцией был обнаружен всего один нитчатый фрагмент. Позднее, уже после публикации, удалось обнаружить еще три или четыре фрагмента. В любом случае нитчатая керамика составляет на памятнике 1% или даже меньше. Рябчатые отпечатки являются почти единственным типом сетчатой керамики на поселении*.

Зарайское городище

Ни по площади раскопок (один шурф и наблюдения на коммуникационной траншее), ни по типу объекта, ни по количеству керамики памятник не отвечает тем признакам, которые мы перечислили выше. Однако упоминание его необходимо в связи с тем, что Белый Колодец слишком удален от Оки и основной рассматриваемой территории. Поэтому понятны сомнения относительно того, а распространялась ли вообще нитчатая керамика так далеко на юг.

Количество фрагментов керамики, обнаруженной к настоящему времени на этом памятнике, крайне невелико (таблица 12), хотя их сохранность позволила реконструировать форму двух сосудов. Большая часть керамики происходит из разреза рва городища, вследствие чего мы не можем судить о комплексе всего поселения. Однако из найденных фрагментов сетчатой керамики почти все (!) представлены фрагментами с нитчатой фактурой, что подтверждает распространение на данной территории этого типа отпечатков. Весьма любопытен сосуд, на поверхности которого заметны отпечатки, выполненные в разной технике, но относящиеся к типу нитчатых (рисунок 75). Крупные жгуты

покрывают сосуд вертикальными рядами, идущими от дна до венчика (рисунок 75, 1), в месте максимального расширения тулова они затерты. По какой-то причине гончар попытался восстановить их иным способом, из-за чего на этой части тулова они приобрели вид беспорядочно наложенных нитей (рисунок 75, 2).

Щурово

Большая часть (из примерно двух десятков) сетчатых фрагментов покрыта крупноячеистым рябчатым отпечатком (рисунок 68). В коллекции присутствуют фрагменты венчиков с двусторонними отпечатками. Небольшая часть фрагментов п о -
крыта рябчатым отпечатком неясного типа, но до настоящего времени не обнаружено ни одного фрагмента с нитчатой фактурой, хотя общая вскрытая площадь превысила 750 м².

Берхино II

Притом, что на памятнике было исследовано 9 м² площади, общее количество найденной на ней керамики составило около 230 фрагментов.

Хотя размер исследованной площади и не соответствует сформулированным нами требованиям, сама коллекция очевидно «смешанная» — и «рябчатая», и «нитчатая» керамика на памятнике, слой которого распахан, присутствует в большом количестве.

«Блюдечко»

Результаты анализа коллекции опубликованы (Мазуров, Сыроватко А. С., 2006), поэтому приведём здесь только основные моменты и выводы.

Вся керамика, происходящая с двух раскопов (общая площадь раскопов 276 м² при мощности слоя от 2 до 5 м), сильно измельчена. Большая часть фрагментов имеет размеры около 2 см² или меньше. Так же как и на поселении Белый

Колодец, в слоях «Блюдечко» заметна доля лепной гладкостенной керамики более поздних эпох, поэтому выделение из коллекции гладкостенной дьяковской керамики не проводилось. Оно оказалось возможным только для участка слоя над небольшой ямкой-очагом в квадрате 5 раскопа II (таблица 11).

Из таблицы 11 видно, что для всех раскопов характерно абсолютное преобладание керамики с рябчатыми отпечатками. Однако анализ отпечатков внутри рябчатой группы выявил некоторую разницу в их формах для разных объектов.

Почти вся керамика из раскопа УЛ-II происходит из заполнения двух оврагов — малого (заполнялся в XII веке) и большого (заполнен в основном в конце XIV — начале XV веков). Становится очевидным, что керамика попадала в овраги в результате их целенаправленного забрасывания культурным слоем горожанами. Единственный целостный комплекс *in situ* встречен на объекте УЛ-II в квадрате 5 пласта 6 (упоминавшийся очаг). Он имел вид подпрямоугольного пятна оранжево-красной прокалённой глины с редкими угольками, мощностью всего 2 см, без находок. В слое выше вместе с немногочисленной белоглиняной гладкой керамикой XVI–XVII веков было обнаружено более 70 мелких фрагментов дьяковской керамики (самая большая серия на двух объектах), из которых фрагменты были оплавлены. Отпечатки на поверхности фрагментов из этого участка слоя (рисунок 59) обладают следующими признаками: неглубокие и нечетко отпечатанные, узкие, вытянутой неопределённой формы, некоторые — в виде отпечатка ногтя (рябчатые мелкоячеистые). В пределах пятна встречались также кусочки глиняной обмазки на прутьяной основе. А. Б. Мазуровым объект был интерпретирован как «часть заглублённого комплекса дьяковского времени, в основном уничтоженного еще в древности подрезкой слоя для заброса оврага, а затем еще и

огородной деятельностью XVI–XVII века» (Мазуров, Сыроватко А. С., 2006. Стр. 38, 39).

На раскопе III чаще встречаются иные рябчатые отпечатки (рисунок 60): четкие, глубоко врезанные, со сравнительно широкими элементами, в расположении которых часто угадывается регулярная структура (крупноячеистые рябчатые). На двух раскопах поэтому присутствуют одинаковые типы отпечатков, можно говорить только о заметном различии в соотношении. Заметим, что в серии образцов с раскопа III есть три фрагмента с рябчатым отпечатком, нанесённым как с внутренней, так и с внешней стороны черепка. Это довольно яркий признак, позволяющий, несмотря на небольшие размеры самих фрагментов, соотнести эту керамику с заполнением рва Городищенского городища, верхних слоёв вала и слоя 1 раскопа V Ростиславля, а также верхних слоёв Настасьино.

Керамика с нитчатым отпечатком составляет примерно пятую часть всей коллекции. Но и она при ближайшем рассмотрении оказалась неоднородной. В данной серии фрагментов, наряду с собственно дьяковской, достоверно присутствует керамика упоминавшейся уже Климентовской стоянки и слоя погребённой почвы Городищенского городища (рисунок 73). «Блюдечко», по всей видимости, является ещё одним памятником этого времени. Следует признать, что в тех случаях, когда подобная керамика не связана с определённым слоем, отделить её от собственно дьяковской нитчатой трудно (тем более что в нашей серии орнаментированных фрагментов нет). Мы можем привести лишь приблизительное количество: не меньше 14 фрагментов сосредоточено в раскопе II, яме 6 («малый овраг»), 2 (?) — в «большом овраге» и примерно 5 — в раскопе III (точная поквadratная локализация их неизвестна). Таким образом, доля керамики времени финальной бронзы составляет примерно половину всей керамики с нитчатым отпечатком. Это означает, что

собственно дяковской нитчатой керамики в нашей коллекции всего около 10% — на удивление незначительное количество! Причем большая ее часть находится на раскопе II, в слое над очагом. Такой мизерный процент нитчатой керамики необычен (особенно если сопоставить его с данными из таблиц 3–5).

Итогом нашей совместной с А. Б. Мазуровым работы с коллекцией стал вывод (впрочем, с различными оговорками) о том, что, несмотря на общую смешанность материала, отсутствие сохранившегося слоя, мы всё же имеем дело с планиграфической неоднородностью в его распределении. Было также высказано предположение, что объяснять это следует тем, что «Блюдечко» представляло собой многократно заселявшееся поселение и пятна разновременного материала не совпадали. Такое несовпадение объяснялось активным ростом открытых на поселении оврагов.

Сосновка IV

Древнерусское селище Сосновка IV было открыто В. Ю. Ковалем и исследовалось им в 1997, 2001 и 2003–2006 годах. (2004). Селище расположено на правом берегу реки Оки, в 2 км к ЮЗ от села Сосновка Озерского района Московской области, и входит в ближайшую округу Ростиславля. Площадь раскопов на 2007 год составила 252 м², количество фрагментов керамики с сетчатыми отпечатками — около 267, то есть около 1 фрагмента на 1 м². Гладкостенная керамика железного века на памятнике, скорее всего, присутствует, но ее выделение из массива фрагментов лепной керамики древнерусского времени затруднительно. Вещевых находок этого времени не обнаружено.

Долгое время на памятнике находили фрагменты сетчатой керамики, отпечатки на которых, за исключением одного*, принадлежали к типу рябчатых с крупночешуйчатой фактурой.

Отпечатки довольно четкие, глубоко врезанные, со сравнительно крупными размерами отдельных элементов (рисунки 69, 70). Керамика этого типа, как уже отмечалось, обнаружена во рву Городищ, в средних и верхних слоях Настасьино, в насыпи вала Ростиславля (преимущественно от горизонта 7 и выше). Первые годы раскопок коллекция оставалась чистой, без примеси других типов керамики. Затем был найден единственный нитчатый фрагмент, не сильно менявший ситуацию, — именно в таком виде коллекция была проанализирована нами в статье, посвящённой этой проблеме (Сыроватко А. С., 2005б).

В 2006 году увеличилась не только коллекция сетчатой керамики — среди рябчатых фрагментов появился развал небольшого нитчатого сосуда необычной для этого типа отпечатка профилированной формы (рисунок 71; в таблице 12 отражен). Чистота коллекции, таким образом, была нарушена окончательно, но вывод оставался неоднозначным. Сам по себе сосуд столь интересен, что на нём стоит остановиться подробнее, и мы вернёмся к нему ниже.

Мякинино I

Мякинино I формально не относится к рассматриваемой территории — памятник расположен в верховьях Москвы-реки, недалеко от Спас-Тушинского городища (Энговатова, Коваль, 2004; 2006; Коваль, 2007б). В ходе раскопок селища в 2003–2006 годах было изучено 4957 м² площади, при этом среди материала средневекового времени обнаружено 1052 фрагмента керамики эпохи раннего железа, из которых 281 — с сетчатым отпечатком (Коваль, 2007б. Таблица 2). Как видно из приведённых данных, соотношение вскрытой площади и размеров полученной коллекции позволяет сделать вывод о репрезентативности последней.

Количество гладкостенной керамики почти в 3,5 раза превышает количество сетчатой, однако это соотношение не отражает, на наш взгляд, специфики керамического комплекса

* В ходе раскопок 2007 г. в Старо-Голутвине был обнаружен и материал типа Климентовской стоянки, на участке, удалённом от раскопа 2001 г. на 150–200 м (Черкасов, 2008).

дьяковского периода существования поселения: во-первых, керамика сильно измельчена, а в подобных случаях статистика искажается за счёт гладкостенных участков поверхности сетчатых горшков. Во-вторых, на памятнике, несомненно, представлены и находки позднедьяковского времени: дьяковские грузики типов 1 и 3а, нож с прямой спинкой, фрагмент фибулы мощинского времени, то есть часть фрагментов гладкостенной керамики относится ко времени, когда сетчатая уже вышла из употребления. Отметим ещё одну особенность гладкостенной керамики: среди фрагментов профильных частей не найдено форм позднедьяковского типа, аналогичных типу 5 по И.Г.Розенфельдт (1974. Стр. 129), но и это может быть всего лишь результатом плохой сохранности коллекции.

Состав сетчатых отпечатков на керамике довольно однороден: это почти исключительно мелкоячеистые рябчатые отпечатки (рисунки 61, 62). Есть, правда, несколько фрагментов с отпечатками, напоминающими крупноячеистую рябь, но, как известно, среди сетчатых отпечатков всегда много переходных форм, а эти не тождественны крупноячеистой, рябчатой керамике из поздних слоев окских городищ. Кроме того, на памятнике в очень небольшом количестве присутствует и сетчатая керамика времени финальной бронзы (рисунок 62, 10) и лишь единственный мелкий фрагмент с нитчатым отпечатком, который может быть отнесён к дьяковскому (?) периоду (рисунок 61, 10).

Зарудня

Это поселение ни по характеру материала, ни по площади исследования (на 2006 год был раскопан шурф 2 × 2 м) не отвечает сформулированным требованиям. Правда, памятник распахан полностью и его подъёмный материал обилен. Поэтому анализ его вполне уместен, особенно с учетом того, что некоторые из находок уникальны.

Начнем с того, что на памятнике слабо выражен средневековый компонент, а из древних эпох крупной серией представлена поздняя керамика и кремневые орудия, из которых самый массовый тип — скребки с «высокой спинкой». На это обстоятельство стоит обратить внимание, так как поздней керамики, как правило, сопутствует сетчатая.

Сетчатая керамика представлена тремя типами — с крупноячеистым рябчатым отпечатком, с очень узкой скобковидной, так называемой мелкоячеистой, рябью и нитчатой фактурой (рисунок 74).

Сразу оговоримся, что нитчатая керамика представлена всего одним фрагментом, схожим с керамикой типа Климентовской стоянки — Городищами и «Блюдечком». Крупноячеистая рябчатая керамика также немногочисленна. Практически единственный крупный фрагмент на внутренней стороне черепка покрыт расчёсами — такими же, как и на поздней керамики фрагментах (рисунок 74, 16). И только группа мелкоячеистых рябчатых фрагментов, при всей своей измельченности, составляет серию. На одном фрагменте есть отпечаток гребенчатого штампа (рисунок 74, 18).

Вряд ли Зарудня заслуживала бы упоминания, если бы на ней не была сделана действительно примечательная находка (собственно, благодаря ей памятник и был обнаружен) — бронзовый двухлопастный наконечник стрелы скифского типа, на втулке которого угадываются остатки «шпоры» (рисунок 94, 6). После клада из Заборья 1830 года и находки аналогичной стрелы на Ростиславльском городище (*Городищев*, 1933. Рисунок 11; *Медведь*, 2006. Стр. 54, 55) это третий пункт находок скифских стрел в дьяковском ареале. Их значение для датировки трудно переоценить: найденный в Зарудне экземпляр имеет довольно узкую дату — VII–VI века до н. э. (*Мелюкова*, 1989. Стр. 92. Таблицы 31, 6), причем дату безо всяких калибровок, комбинирования, интервалов вероятностей и прочего лукавства. Проблема только в том, как соотносить найденную стрелу с керамическим материалом.

Из типов древностей, обнаруженных в Зарудне, действительных «претендентов на стрелу» только два — это группы находок типа Климентовской стоянки и мелкоячеистая рябчатая керамика с гребенчатым штампом. Что же касается крупноячеистой рябчатой керамики, то её, видимо, следует рассматривать в поздняковском контексте (или — шире — в срубно-алакульском). Нам неизвестны точные аналогии, но мы можем назвать еще один пункт, где такая керамика была обнаружена, — это расположенный в устье Москвы-реки Старо-Голутвин монастырь, на территории которого поздняковский материал был выявлен А. Б. Мазуровым и А. Л. Высоцким в раскопе 2001 года (*Мазуров*, 2004. Т. 2. № 36). Керамика из Старо-Голутвина монастыря орнаментирована, есть профильные части, её облик становится более понятным*.

Нам кажется маловероятной связь наконечника с древностями типа Климентовской стоянки или слоя погребённой почвы Городищ — в Зарудне они представлены всего одним сильно измельчённым фрагментом. Однако в пользу связи находки с мелкоячеистой рябчатой керамикой есть и другие аргументы.

Для начала отметим, что абсолютных дат для древностей обоого типа не существует и они, как правило, на москворецких городищах встречаются вместе. Таковы материалы и «Чёртова Городка», и Селецкого городища (*Кренке*, 1995б; *Крис и другие*, 1984). Эти материалы принято было относить ко времени «до V века до н. э.». Однако, к примеру, на Городищенском городище материалы типа Климентовской стоянки встречены сами по себе — без примеси рябчатой керамики с гребенчатым штампом. В Зарудне наблюдается обратная картина — рябчатая керамика с гребенчатым штампом почти не перемешана с нитчатой с отпечатками наклонной палочки. Да и почему столь разные типы керамики должны встречаться вместе? Их совместное залегание в ранних горизонтах, скорее всего, является отражением состояния слоя или состоянием коллекций, но не

исторической реальностью. К тому же хронологически оба типа древностей должны быть очень близки (или даже частично совпадать). Однако если вспомнить, что мелкоячеистая рябчатая керамика доминирует в более позднее время на коломенских городищах, то логичным будет предположить, что и в предшествующий дьяковскому период — VII–VI века — должна существовать скорее она, а не нитчатая керамика, орнаментированная вдавлениями наклонной палочки. При этом керамика типа Климентовской стоянки, вероятно, древнее, но насколько — сказать сложно. Период в два столетия довольно большой, и, наверное, следует ограничиться констатацией того, что на него приходится рубеж между керамикой климентовского типа и мелкоячеистой рябью периода городищ.

Подведем итоги рассмотрения малосерийных коллекций. Сочетание значительной вскрытой площади и пригодной для анализа серии фрагментов есть на «Блюдечке», Белом Колодце, Сосновке IV и в Щурово. Мякининское селище также относится к этим памятникам, хотя и расположено за пределами рассматриваемой территории. Чистой является коллекция Щуровского селища, а Зарудня, Белый Колодец и Мякинино имеют примеси в виде керамики других типов, составляющей небольшой процент. При этом доминирующим является либо мелкоячеистый, либо крупноячеистый тип. Коллекции «Блюдечка», Сосновки и Берхино II достоверно многокомпонентные. Однако на «Блюдечке» и Сосновке наблюдается, пусть и не чётко выраженное, планиграфическое различие в распределении типов керамики.

Можно ли на приведённых материалах однозначно утверждать, что в древности имело место абсолютное разобщение типов керамики? Вероятно, нет. Можно ли говорить о том, что приведённые материалы свидетельствуют о большей «самостоятельности» типов сетчатой керамики, чем это следует из материалов городищ? Вероятно, да.

* Нам все же трудно судить о том, насколько эта керамика типична для памятника и для территории. Наш опыт анализа Ростиславльской коллекции говорит, что данные могут сильно разниться для разных участков поселения, и на том же Ростиславле в раннем слое участка Б раскопа V преобладает как раз нитчатая керамика, а не штрихованная, на Протопоповском городище могла быть та же ситуация. Многолетние сборы подъёмного материала и шурфовка Протопоповского городища в 1996 г. не позволили обнаружить штрихованную посуду, хотя общая площадь шурфов сопоставима с раскопом Талицкого.

** К сожалению, для Б. А. Фоломеева при описании керамических комплексов определяющее значение, по-видимому, имело соотношение «сетчатая вообще — рогожная», и сведения о составе сетчатой керамики недостаточно подробны.

У. КЕРАМИКА КОЛОМЕНСКОЙ ГРУППЫ В КОНТЕКСТЕ СОСЕДНИХ ТЕРРИТОРИЙ

Как мы уже отмечали выше, сопоставление керамики поселений коломенской группы, помимо простого уяснения контекста, также может дать дополнительные аргументы в пользу того, что способы обработки поверхности дяковской керамики являются культурными типами. Установление этого обстоятельства, с нашей точки зрения, является первоочередной задачей.

Нашей работе в значительной степени способствует то, что для проведения такого сопоставления есть все основания. Памятники, расположенные восточнее рассматриваемой территории (в Мещере и рязанском течении Оки), исследованы Б. А. Фоломеевым. Памятники каширской группы, находящиеся на западе, в последние годы активно изучаются В. В. Сидоровым. Анализ керамики поселений средней Москвы-реки выполнен И. Л. Чернаем. Недоступно для сравнения только южное направление — памятники бассейна Осётра. За исключением Белого Колодца и отрывочных сведений о Зарайском и Апонитищенском городищах, никакой информации об этой территории пока нет.

Восточное и юго-восточное направление

Это наиболее важное и интересное направление. Благодаря работам Б. А. Фоломеева мы имеем более или менее полное представление о том, как менялся керамический комплекс поселений рязанского течения Оки и Мещеры.

Рубеж II–I тысячелетий до н. э. становится важным этапом в существовании окских поселений — на них распространяется керамика, по терминологии Б. А. Фоломеева именуемая «развитой текстильной». Эта керамика в нашей работе чаще называется керамикой «типа Климентовской стоянки». Радиоуглеродные даты с Городецкого и Шишкинского городищ очерчивают её нижний предел в интервале XII–X веков до н. э. Помимо перечисленных

памятников, керамика этого типа обнаружена под валами Тюкова городка и Деевского городища, а также в основании культурного слоя Троице-Пеленицкого, Шатрищенского, Вышгородского городищ (*Сулержицкий, Фоломеев, 1993. Стр. 28, 29; Фоломеев, 1993. Стр. 20*).

Из сказанного следует, что коломенские поселения в данном случае укладываются в общий окский контекст и не образуют самостоятельной группы. Исключение составляет Протопоповское городище, где, согласно наблюдениям М. В. Талицкого, в нижнем горизонте преобладает как раз штрихованная керамика (1948. Стр. 230–233. Таблица III)*.

По наблюдениям Б. А. Фоломеева, традиция изготовления нитчатой керамики развивается в последующее время на ранних городецких городищах (1975. Стр. 169)**. Следующим этапом становится появление рогожной керамики. Заметим, что детально появление и развитие рогожной керамики на памятниках Оки и Мещеры пока не прослежено. Появление ее относится ко времени около VI–V веков до н. э., хотя в нижней и средней насыпи вала Городецкого городища рогожной керамики всего несколько фрагментов (*Фоломеев, 1993. Стр. 9*). Как отмечал Б. А. Фоломеев, это *«позволяет считать, что первоначальная насыпь сооружена уже после появления в этом районе Средней Оки носителей рогожной керамики, а незначительное количество рогожной керамики в ней, по видимому, указывает на то, что произошло это незадолго до возникновения первоначальной насыпи вала»* (1993. Стр. 9). Однако заметим, что такая трактовка может быть только одним из вариантов интерпретации. Например, из сказанного следует, что и в средней насыпи количество рогожной керамики также невелико и только в вышележащих слоях её существенно больше, а в третьем слое она и вовсе превращается в доминирующий тип. Видимо, факт появления рогожной керамики не означает её доминирования, и общий облик керамического комплекса менялся незначительно. В целом это продолжение нитчатой традиции при наличии

* Хотя и на этих поселениях «нитчатая» керамика сочетается с «рябчатой».

рябчатой мелкочаеистой.

Шишкинское городище более определённо очерчивает время доминирования рогожной керамики — она начинается с «верхнего слоя средней насыпи» вала, где её 84%, и продолжается в «верхней насыпи», где её 80–90%. При этом сетчатая нитчатая керамика практически исчезает. Возраст средней насыпи определяется V–IV веками до н. э., верхней насыпи — III–II веками до н. э. (Фоломеев, 1993. Стр. 13, 16, 17).

На коломенских поселениях, как видим, картина в этот период отличается — это время существования мелкочаеистой рябчатой и гладкостенной керамики при доминировании первой. Если наша трактовка материалов Зарудни не ошибочна, то этот период начинается приблизительно в VII–VI веках до н. э. и продолжается до II или, может быть, до конца III века до н. э. Сопоставляя эти даты, нетрудно заметить, что время доминирования рогожной и вытеснение нитчатой керамики на городецких городищах приходится на несколько более ранний период, чем появление нитчатой керамики на коломенских памятниках.

Конечно, и в этом случае любая трактовка фактов должна оставаться многовариантной. Имеем ли мы дело с неким глобальным и сравнительно кратковременным явлением, «растянутость» которого во времени связана с неточностью радиоуглеродных дат? Не исключено. В этом случае между появлением рогожной керамики на городецких городищах и нитчатой на коломенских временной интервал небольшой. При этом имеет значение не появление рогожной керамики как таковой, а её доминирование в керамических комплексах. Правда, остается возможным и другой вариант — «запаздывание» появления нитчатой керамики в окрестностях Коломны.

Из приведённых материалов, собранных Б. А. Фоломеевым, следует ряд выводов. Во-первых, становится понятным, какой регион выступил в качестве территории исходного импульса нитчатой керамики*, — это городецкие городища рязанского

течения Оки. Во-вторых, появление рогожной керамики, судя по всему, не привело к простому исчезновению нитчатой традиции — зона распространения нитчатой керамики сместилась на запад, в устье реки Москвы. С её появлением на коломенских городищах происходит и массовая перестройка укреплений, причем приёмами, распространёнными ранее на городецких городищах, а также в лесостепной зоне. Едва ли рогожная керамика являлась просто новой технологией — старая технология «не ужилась» с ней. Все это заставляет видеть в рогожной и нитчатой керамике различные культурные типы, маркирующие определённые культурные традиции.

По мнению Б. А. Фоломеева, племена носителей рогожной керамики не проникли в Мещеру, однако традиция изготовления нитчатой керамики меняется и там — около с е р е д и н ы I тысячелетия до н. э. появляется крупночешуйчатая рябчатая керамика, характерная для Верхней Волги. Б. А. Фоломеев рассматривает в этом же контексте и низовья реки Москвы, в частности Селецкое городище (*Сулержицкий, Фоломеев, 1993*. Стр. 30, 31). Однако этот вывод не совсем верен: Селецкое городище расположено, скорее, в среднем её течении, а в нижнем, на коломенских городищах, существовала совсем другая традиция. Очередным рубежом следует считать распространение на Городецкой территории могильников рязано-окского типа и коренную смену материальной культуры.

По нашему мнению, сопоставление коломенских поселений с рязанскими позволило прийти к любопытным выводам. Все они стали возможны благодаря работам Б. А. Фоломеева (при участии, насколько нам известно, И. Л. Черная). Остаётся только сожалеть, что наиболее значимые результаты и выводы (*Фоломеев, 1993; Сулержицкий, Фоломеев, 1993*) не были должным образом проиллюстрированы и обоснованы, к тому же опубликованы в малодоступных изданиях.

Борис Андреевич Фоломеев дальше всех коллег

* Тем более что на участке Б раскопа V в древнейших слоях преобладает как раз нитчатая керамика.

* Доклад О. А. Лопатиной на VI заседании семинара «Археология Подмосквья» в ИА РАН 05.02.2008 г.

продвинулся в понимании сетчатой керамики как чрезвычайно разнородного массива материала, который, благодаря этому, мог быть разделён на территориальные и хронологические группы (Фоломеев, 1975. Стр. 169). В фактуре сетчатого отпечатка им впервые был увиден «*полноценный исторический источник для решения "вопросов древней истории"*» (Фоломеев, 1998. Стр. 103, 104). Не хватало только таких же подробных сведений о керамике соседних территорий.

Отметим и то, что в своих построениях Б. А. Фоломеев опирался в первую очередь на керамику, находки и радиоуглеродные даты, полученные из насыпей валов. Иными словами, использованная нами методика выделения комплексов и их датировки уже была однажды применена.

Западное направление (поселения каширской группы)

Первые наблюдения за составом керамики этой весьма своеобразной группы памятников были сделаны К. А. Смирновым на основе материалов Мутёнковского городища (1981; 1991в). Им было отмечено сразу несколько признаков:

- 1) низкий (около 17%) процент сетчатой керамики и абсолютное преобладание гладкостенной;
- 2) в группе сетчатой керамики абсолютное (85%) преобладание нитчатой (по К. А. Смирнову — текстильной) фактуры отпечатка;
- 3) низкий процент орнаментированной посуды и редкое использование сложных орнаментов.

Из-за отсутствия сведений о керамике городецких, мешерских и коломенских городищ Мутёнковское городище воспринималось как типично окское. Возобновлённые позднее К. А. Смирновым и В. В. Сидоровым раскопки Старшего Каширского городища выявили заметное отличие целой группы памятников — Каширского, Мутёнковского и Корыстовского городищ — от территорий, расположенных с востока и севера. Итак, для керамического набора этих

поселений в период финальной бронзы характерно преобладание гладкостенной керамики при наличии штрихованной — такая картина типична для нижних слоёв Корыстовского, Мугёнковского, Старшего Каширского, Подмокловского, Ростиславльского городищ (*Сидоров*, 2006а. Стр. 9). Возможно, в этом ряду окажется и Протопоповское городище. При этом количество сетчатой керамики минимально, штрихованная в нижних слоях достигает трети от общего количества. Наш анализ Ростиславльской коллекции выявил комплексы, где она абсолютно преобладает (горизонт Д3 насыпи вала в раскопе V; рисунок 81). Видимо, к сходной с каширскими поселениями традиции принадлежат поселения, открытые В. Ю. Ковалем в районе устья Осётра на Оке — Свиридоново I и Городна IV. Автор находки считал керамику с этих памятников сходной с поздними комплексами бондарихинской культуры (*Коваль*, 1997в. Стр. 15; 2007а. Стр. 22). Некоторые исследователи утверждают, что некий «бондарихинский импульс», распространившийся на север от своего первоначального ареала, существовал (*Буйнов*, 2006. Стр. 47 и следующие). В любом случае очевидно, что каширская группа резко отличается от коломенских и среднеокских городецких городищ, где примерно в это время доминировала традиция Климентовской стоянки. Мы можем указать только Протопоповское городище, в древнейших горизонтах которого также есть керамика, орнаментированная гребенчатым штампом и покрытая расчесами (*Талицкий*, 1948. Стр. 232, 233). Вместе с тем памятники с керамикой типа Климентовской стоянки есть и среди каширских поселений (Колтово 7; смотри: *Сидоров*, 2005. Стр. 22; 2006б. Стр. 98. Рисунок 3). Есть такая керамика и в Ростиславле; остаётся непонятным, как её трактовать — как наличие соответствующего горизонта древностей*, не одновременного горизонту штрихованной керамики (О. А. Лопатина именует его «каширским»), или как отражение неких связей между разными группами населения. По мнению

* Еще один аргумент в пользу разобщённости типов.

О. А. Лопатиной, так называемый каширский горизонт может иметь широкое распространение, керамика этого типа, по её мнению, есть в ранних слоях Протопоповского и Саввино-Сторожевского городищ*. Быть может, наличие этого культурного горизонта и может объяснить высокую долю гладкостенной керамики на коломенских городищах, но очевидно, что штрихованные фрагменты обнаружены только на Протопоповском городище, в ходе раскопок М. В. Талицкого.

В собственно дяковский период на каширских памятниках продолжает существовать традиция изготовления гладкостенной керамики при сохранении заметного количества штрихованной, украшенной гребенчатым штампом. Мы, правда, не уверены, что преемственность между этими типами керамики существует. На коломенских поселениях в это время доминируют мелкочаеистая рябчатая фактура при высокой доле гладкостенной керамики. На городецких поселениях доминирует нитчатая традиция, позднее сменяемая рогожной.

Ростиславльское городище, являющееся в какой-то степени пограничным между двумя группами, в этот период находится в зоне «каширской традиции». Слой 2 жилой площадки этого поселения как раз демонстрирует близость к каширским городищам правда, при наличии сетчатой керамики в основном мелкочаеистой рябчатой фактуры. При этом соседняя с Ростиславлем Городна, наоборот, от каширских городищ и Ростиславля отличается абсолютным доминированием рябчатых фактур, даже более заметным, чем на коломенских городищах. Между каширской и коломенской группами в этот период, видимо, существовала отчётливая граница, пролежавшая где-то между Городной и Ростиславлем. В связи с этим не вполне понятными и даже чужеродными выглядят гладкостенная керамика в ранних слоях коломенских

поселений и сетчатая — в раннем слое Ростиславля.

Время следующих изменений на каширских памятниках точно определить нельзя. Условно это верхний слой Старшего Каширского и Мутёнковского городищ. Он характеризуется резким возрастанием непосредственно дяковских элементов. В частности, в керамике до 20% увеличивается доля сетчатой, в которой абсолютно доминирует нитчатая (*Лопатина, Сидоров, 2003. Стр. 275; Сидоров, 2004. Стр. 124*). Вместе с тем в конце I тысячелетия до н. э. на каширских городищах жизнь или прекращается вообще, или становится археологически трудноуловимой (*Сидоров, 2006а. Стр. 13; Лопатина, 2006. Стр. 91*). На Ростиславльском городище доля нитчатой керамики возрастает ещё резче, чем на каширских поселениях, — до 45% в отдельных горизонтах над рвом. Вероятнее всего, мы наблюдаем некое единое явление — распространение нитчатой керамики на территории от коломенских поселений через Ростиславль и далее на каширские городища, хотя, похоже, для каширских поселений это событие приходится на финальный отрезок существования. Как уже отмечалось выше, незадолго перед этим доля нитчатой керамики на городецких городищах резко уменьшается, её заменяет рогожная. Таким образом, распространение нитчатой керамики сместило существовавшую ранее границу между коломенскими и каширскими поселениями.

Отметим несколько принципиальных моментов, не имеющих, к сожалению, однозначной трактовки. Доля нитчатой керамики в тех слоях Ростиславля, где она является доминирующей, несколько ниже, чем на коломенских поселениях. На каширских она и вовсе снижается. Внешне это выглядит как некое «затухание нитчатого импульса», идущее с востока, от устья Москвы-реки, на запад, к Кашире. Однако следует иметь в виду и альтернативные варианты трактовки. Так, материал из рва и вала Ростиславля по определению не может дать чистого комплекса, а только фиксирует тенденцию. Еще меньшей чистотой обладает слой площадок

* Которому автор очень признателен за дружеские консультации и помощь.

каширских городищ. Возможно ли, что нитчатая традиция в какой-то момент абсолютно доминировала на этом поселении? Не исключено. Возможно ли также, что на каширских городищах имело место не механическое смешение (наложение) нитчатой традиции на местную, гладкостенную, проявившуюся в 20% сетчатой керамики, а такое же кратковременное, но полное доминирование? И, наконец, возможно ли, что на это время приходится финальный этап существования каширских поселений и поэтому материалы конца I тысячелетия до н. э. не успели отложиться в слое? Вопрос остается открытым. В. В. Сидоров полагает, что нитчатая керамика каширских городищ по составу теста и профилировке сходна с гладкостенной, в то время как рябчатая отличается от той и от другой* (Сидоров 2004. Стр. 125). Что за этим стоит, пока непонятно.

Не вполне прояснённой остаётся и последующая эпоха. На коломенских поселениях, а также на Ростиславле и в его окрестностях (Сосновка IV, Бебихово IV, возможно, Свиридиново II, Сосновка III) в первые века н. э. распространяется новый тип керамики — сильно профилированная посуда с крупночешуйчатой рябчатой фактурой (рисунки 65, 66, 70). Эта же керамика существует в бассейне реки Осётра (Белый Колодец, Апонитищи), на Городне I и Луховицком I (Палецком) городищах. Ростиславль опять оказался в одной культурной зоне с коломенскими поселениями и поселениями правобережья Оки. А вот как эта культурная новация проявила себя на каширских городищах, не вполне понятно. Зато в позднедьяковское время ситуация снова меняется. На каширских поселениях распространяется культура, близкая мощинской (или позднедьяковской), и в Ростиславле материал этого времени обилён. А вот на коломенских поселениях его почти нет, за исключением Протопоповского городища и соседнего с ним Щуровского селища. Отдельные элементы как будто бы фиксируются в Настасьино, но ни в Городищах, ни в Городне, ни в Коробчеево они пока не обнаружены, да и

Настасьино вряд ли стоит причислять к поселениям позднедьяковского времени (подробнее мы коснемся этого вопроса чуть ниже). Коломенские поселения опять «отделились».

Северное направление (поселения средней Москвы-реки)

Единственной опубликованной коллекцией, пригодной для сопоставления, остается коллекция Селецкого городища, обработанная И. Л. Чернаем (*Чернай*, 1981). Такое сопоставление сопряжено с целым рядом трудностей, которые необходимо оговорить заранее.

Во-первых, И. Л. Чернай пользовался своей терминологией, не вполне понятной другим исследователям. Отчасти, правда, этот недостаток устранён путем личных контактов и той помощью, которую Игорь Львович оказал нам при знакомстве с коллекцией. Наблюдения И. Л. Черная иллюстрировались прорисовками реконструированных типов фактур и увеличенными оттисками с отпечатков, в то время как понятнее были бы фотографии поверхности сосудов. И, наконец, сетчатая керамика, как следует из сказанного выше, чрезвычайно разнообразна, а состав комплексов сильно варьируется даже в пределах небольших территорий. При этом личный опыт исследователей, «сидящих на своих памятниках», сильно отличается. Все сказанное обозначает только мои собственные трудности в восприятии результатов работы И. Л. Черная*, и я надеюсь, что у других исследователей их нет.

Древнейшим типом керамики на Селецком городище является керамика со стежковой и жгутовой фактурами. Судя по описанию, эти термины соответствуют нитчатой керамике типа Климентовской стоянки, однако наше знакомство с коллекцией Селецкого городища убедило нас в том, что это предположение не совсем верно. Стежковая фактура — совершенно самостоятельный тип, пусть и относящийся к

* Наш вывод как будто подтверждает и то, что на поселении «Храм Цереры» был представлен только материал типа Климентовской стоянки — с «нитчатой» керамикой и ямочной орнаментацией. Хотя в последнее время появляются и новые факты, которые пока затруднительно объяснить, — такова «нитчатая» керамика, но с гребенчатым штампом, обнаруженная на городище Боровский курган (*Кренке, Лопатина*, 2008. Рис. 11–12).

нитчатой; отпечатки толстых шнуров на поверхности таких сосудов имеют вид параллельных рядов вертикально ориентированных коротких отрезков (1–2 сантиметра), или «стежков». Они прерывисты, в то время как на обычной нитчатой керамике нити непрерывны. Внешне такие стежки производят впечатление основы, обмотанной шнуром и приложенной несколько раз к поверхности сосуда. Заметим, что венчики такой посуды, как правило, отогнуты наружу, в некоторых случаях отпечатки располагаются на внутренней стороне горла, как на позднейших крупноячеистых рябчатых горшках. В некоторых случаях такая керамика орнаментирована вдавлениями наклонной палочки, но встречается и гребенчатый штамп. И. Л. Чернай прямо сопоставляет эту керамику с Климентовской стоянкой (Чернай, 1981. Стр. 83), у нас же сложилось впечатление, что это не совсем так. На памятниках коломенской группы керамика с такой структурой нитчатого отпечатка не была замечена, единственный памятник, на котором она была обнаружена, это Ростиславльское городище: несколько фрагментов есть в основании вала, в раскопе IV (рисунок 80). Есть на Селецком городище и обычная нитчатая керамика (слои 6–4), но утверждать, что среди фрагментов есть керамика типа Климентовской стоянки, нельзя. В то же время керамика типа Климентовской достоверно присутствует на «Чёртовом Городке» в верховьях Москвы-реки (Кренке, 1995б. Стр. 172 и следующие), а также на поселении «Храм Цереры» в Царицыно (Кренке, 2007. Рисунок 7). Очевидно, что керамика со стежковой фактурой отпечатка, как и нитчатая, на памятниках Москворечья относится к периоду финальной бронзы, но стоит ли объединять их в один культурный тип, непонятно. Заметим также, что в нижних слоях Селецкого городища встречаются фрагменты, покрытые штриховкой и орнаментированные гребенчатым штампом, похожие на те, что были найдены в основании вала Ростиславля и на каширских поселениях.

И. Л. Черная считает керамику со стежковой фактурой более древней, чем ранний слой Щербинского городища. Эти «дощербинские» отложения присутствуют на Селецком городище. Керамика раннего слоя Щербинки характеризуется мелкочаеистой рябчатой фактурой, по типу напоминающей двойной штрих или овально-ячеистую, а также орнаментацией гребенчатым штампом. Датирована эта керамика по аналогиям VII–VI веков до н. э. (Черная, 1981. Стр. 83; Крис и другие, 1984. Стр. 130, 131, 136). Из стратиграфических наблюдений был сделан принципиально важный вывод — керамика типа Климентовской стоянки, орнаментированная вдавлениями наклонной палочки, древнее керамики с мелкочаеистой рябчатой фактурой, орнаментированной гребенчатым штампом. Подобная керамика есть и на «Чёртовом Городке». Н. А. Кренке сомневался в правильности этого вывода, отмечая, что керамика обоих типов залегает совместно. Но совместное залегание, как мы уже отмечали выше, может означать лишь состояние слоя (или быть следствием методики раскопок), а не исторический факт. Нет ничего удивительного в том, что следующие один за другим хронологические периоды в культурном слое проявились в одном стратиграфическом горизонте. Вполне естественно, что столь различающаяся между собой и по типу фактуры, и по характеру орнаментации керамика связана с разными территориями и разными периодами*. В этой связи вспоминается вывод К. А. Смирнова о двух центрах формирования сетчатой керамики, имеющий под собой все основания (Смирнов, 1983; 1991в).

Что в это время происходит в районе устья Москвы-реки? Здесь наши сведения скудны. Мы отдаем себе отчёт в том, что материалы стоянки Зарудня недостаточно надежны и выводы, сделанные на их основании, слишком смелы. Однако мы не можем (с удовлетворением) не отметить, что они полностью совпали с наблюдениями И. Л. Черная: мелкочаеистая рябчатая керамика Зарудни с гребенчатой орнаментацией отнесена нами

к VII–VI векам до н. э. На большинстве городищ коломенской группы этот период не выделен (впрочем, сравнительно редки материалы и более раннего времени). Однако материалы поселений района устья Москвы как будто бы свидетельствуют, что эти памятники попадают в зону рябчатой керамической традиции (и, видимо, остаются в ней надолго). Соотношение керамики этого типа с каширскими древностями непонятно. Однако очевидно, что направление культурного импульса, первоначально ориентированное с юга на север, вверх по течению Москвы-реки, теперь сменилось на обратное — с верховьев Москвы-реки (вероятно даже, что с Верхней Волги) вниз по течению. Каширские городища в это время оставались в рамках своей, гладкостенной традиции.

* Ильинское городище, раскопки К. Я. Виноградова, Синьковское — раскопки О. Н. Бадера, Капотня, Ярополец, Коренец, а также стоянка Сахтыш II, материалы которой хранятся в г. Иваново (раскопки Д. А. Крайнова).

Видимо, с V века до н. э. орнаментация гребенчатым штампом исчезает окончательно, и на Селецком городище начинает преобладать крупноячеистая фактура отпечатков, а с III–II веков до н. э. — рябчатая с полулунчатой или беспорядочной фактурами. Финалом употребления сетки на Селецком городище И. Л. Чернай считал так называемую крапчатую фактуру, характеризующуюся полулунчатыми элементами с нечёткой структурой, неплотным прилеганием к поверхности сосуда, изготовленную из тонких нитей. Время бытования такой керамики доводится до середины I тысячелетия н. э. (*Чернай*, 1981. Стр. 83, 84).

Сопоставить все перечисленные термины, как уже говорилось выше, мы не можем. Однако некоторые общие тенденции бросаются в глаза. Так, на коломенских городищах около середины I тысячелетия до н. э. и позднее продолжают существовать отпечатки с выгнутыми, узкими, скобковидными элементами типа двойного штриха и полулунчатыми (или мелкоячеистыми рябчатыми) элементами, абсолютно сходными с отпечатками средней Москвы-реки. В коллекции Селецкого городища на рябчатой керамике довольно часто встречается гребенчатый штамп, почти неизвестный в низовьях Москвы-реки. В более же

позднее время возвращаются нитчатые фактуры, и с этого момента можно уверенно говорить о том, что между поселениями низовьев Москвы-реки и средней Оки, с одной стороны, и поселениями средней и верхней Москвы-реки, с другой, возникают различия. В конце I тысячелетия до н. э. картина осложняется тем, что в верховьях Москвы-реки сетчатая керамика почти вытесняется гладкостенной (Кренке, 1987. Стр. 127). Складывается ощущение, что по Москве-реке на рубеже I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. проходила не одна граница.

В первые века н. э. эти различия продолжали сохраняться, несмотря на смену самих элементов. Нам опять же трудно представить по описанию крапчатую сетку, но очевидно, что она не похожа на крупноячеистую рябчатую сетку района устья Москвы-реки и правобережья Оки, — такие отпечатки можно также именовать мелкоячеистыми рябчатыми. Керамические традиции этих двух групп памятников опять оказываются разными. К тому же различия в керамических комплексах (хочется сказать — культурные отличия) продолжают демонстрировать поселения каширской группы и памятники типа верхнего слоя Дьякова городища. Н. А. Кренке полагал, что в позднедьяковское время граница между поселениями верхнемоскворецкой (позднедьяковской) традиции и племенами с сетчатой керамикой пролегла в низовьях Москвы-реки (Кренке, 1987. Стр. 127, 128). Однако между сравнительно хорошо исследованными поселениями окрестностей городищ Бронницы — Раменское (Боршева, Селецкое, Круглица) и Погостом Красно лежит сравнительно большой, практически неизученный участок русла (хотя памятники там есть, например в низовьях реки Отры).

Собственно позднедьяковский период на поселениях средней Москвы-реки представлен всего несколькими поселениями, в частности Селецким, Круглицей и Боршевой. На этих памятниках распространяется традиция гладкостенной керамики, пусть и с некоторым запозданием по

* М. В. Талицкий, а вслед за ним Н. А. Кренке считали, что появление сетчатой керамики с такой профилировкой произошло под влиянием традиций мощинского (позднедьяковского) времени, т. е. это некий гибрид (Талицкий, 1948, с. 233; Кренке, 1987, с. 127). Однако керамика с такой профилировкой известна на городечных поселениях (Бирюков, 1993, рис. 3, 7; Саратулкина, Бирюков, 2006. Рис. 2, 1–5; Фоломеев, 1994, рис. 7, с. 154 и след.; Вихляев, 2000. С. 25, рис. 4, 1), причем в довольно ранних слоях. Нам неизвестно только сочетание такой профилировки с сетчатым отпечатком.

** Хотя и в пределах этой группы керамический материал различается (Сыроватко, 2007б)!

*** Доклад, прочитанный Н. А. Кренке и Н. В. Лопатыным на заседании семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» весной 2005 года.

**** Доклад И.В. Ислановой «Культурно-хронологические этапы раннего железного века на Верхней Волге и выделение Тверской группы среднедьяковских памятников» 20.03.2007 на 12-м заседании семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

сравнению с Дьяковым городищем. Однако в низовьях Москвы-реки находки этого времени единичны, в связи с чем регион выглядит пустым.

Некоторые общие наблюдения

Надо заметить, что, сопоставляя керамику поселений Оки и Москвы-реки, мы имеем неполное представление о материалах более северных поселений. Несомненно, картина выглядела бы ярче, если бы география исследования была бы расширена (наверное, когда-нибудь это будет сделано).

Вместе с тем у нас сложилось впечатление, что окским поселениям в некоторой степени «повезло» — на Оке в разное время были распространены отличные друг от друга керамические традиции, что неоднократно подчеркивалось К. А. Смирновым. Визуально совсем нетрудно определить нитчатые и рогожные отпечатки, а их, в свою очередь, отличить от рябчатых. Сложности, пожалуй, существуют только при работе с гладкостенной посудой. Что же касается памятников Верхнего Поволжья и верховьев Москвы-реки, то, как нам показалось, сетчатая керамика на этих территориях выглядит внешне значительно более гомогенной (рисунки 83–87). Наше знакомство с коллекциями (вернее, с их сохранившимися остатками) нескольких памятников этих регионов, хранящимися в городе Истре*, позволяет сделать несколько предварительных наблюдений:

1. Нитчатая керамика не характерна для этих регионов. Единичные фрагменты (на Синьковском, Кузнечиках, в Капотне, на Сахтыше) выглядят чужеродными.
2. На этих памятниках представлены все типы рябчатой керамики (рисунки 85–87), известные и на Оке (исключение составляет эпоха бронзы). В этой связи поиск И. Л. Чернаем аналогий и даже исходных территорий для разных типов рябчатой керамики на Верхней Волге правомерен. Имелись все основания и у К. А. Смирнова подчеркивать отличия сетчатой керамики

для верхневолжских памятников (Чернай, 1981; Смирнов К. А., 1991в).

3. Крупноячеистая рябчатая керамика есть и на верхней Москве-реке, и, конечно, на Верхней Волге. На поселениях Костромского Поволжья, в частности на поселении Ватажка, подобная (насколько можно судить по фотографии) керамика отнесена к значительно более раннему времени (Турина, 1963. Рисунки 49, 3, 6, 50, 1, 6, 10). Во всяком случае, отпечатки похожи на те, что встречаются на сильнопрофилированной керамике коломенских и правобережных окских городищ в первые века н. э. Вместе с тем на этой территории нам неизвестны сосуды, у которых сочетались бы крупноячеистые отпечатки и профилированные формы (с раздутым туловом, сильно отогнутым наружу венчиком, имевшим сетчатые отпечатки на внутренней стороне). Решение вопроса о происхождении такой керамики на среднеокских поселениях еще ждет нас в будущем*.

4. Среди материалов периода поздней (финальной бронзы) Верхневолжского региона есть сетчатая керамика с отпечатками, неизвестными (или почти неизвестными) в Москворечье и на Оке. Например, своеобразные отпечатки керамики группы Сахтыша** (рис. 83, 84).

Вместе с тем следует помнить, что относительная гомогенность сетчатой керамики верховьев Москвы и Верхней Волги, а также позднедьяковской керамики может быть только кажущейся. Так, у нас сложилось впечатление, что наблюдения И. Л. Черная за рябчатыми типами более тонкие, чем у нас, и за внешним сходством в терминах в действительности может стоять разный материал. Н. А. Кренке и Н. В. Лопатиным выявлена также значительная неоднородность керамики позднедьяковского периода, хотя первоначально она воспринималась как единый массив***. И. В. Исланова вполне определённо выделила три этапа заселения формально

дьяковских городищ Верхнего Поволжья в течение I тысячелетия н. э., причем все они отличались сменой керамических наборов в пределах «периода гладкостенной посуды», прототипы которой имели аналогии на весьма удалённых территориях****.

Выводы

В качестве таковых может служить таблица 13, а также карты на рисунках 88–92, к которым необходим короткий комментарий. Составленная таблица примитивно и упрощенно отображает реальную картину. Вот почему взаимосвязи культурных традиций периода финальной бронзы в ней оказались столь однозначны, а в некоторых столбцах образовались белые пятна. Карты на рисунках 88–92 являются скорее схемами. Во всех случаях между ареалами распространения того или иного типа керамики оставлен зазор, поскольку точные границы неизвестны. То же можно сказать и об ареалах в целом — они показаны как вытянутые вдоль рек, но это условность. Условностью является и обозначение всех постдьяковских культур (мощинской, позднедьяковской, рязано-окской) одним (жёлтым) цветом. Применительно к рисунку 88 отметим, что ситуация с каширскими поселениями в эпоху финальной бронзы вообще непонятна. Доподлинно известно, что памятники типа Климентовской стоянки там есть (Колтово 7, а единичные фрагменты керамики еще и в Свиридоново I), но в какой взаимосвязи древности этого типа находятся с собственно «каширскими», неизвестно. Кроме того, непонятно, является ли штрихованная посуда каширских городищ самостоятельным культурным типом или она сосуществует с гладкостенной.

То же можно сказать о наличии «каширского горизонта» на Протопоповском, Селецком и других городищах. Вот почему на рисунке 88 этот ареал отмечен сразу двумя цветами. Такой же выход нами был найден при обозначении периода II века

до н. э. — I века н. э. (рисунок 91) — распространение нитчатой керамики на каширских памятниках есть, но устанавливается ли новая доминанта, неизвестно. На рисунке 92 ареал каширских памятников никак не отмечен, поскольку ситуация остается для нас неизвестной, хотя, вероятнее всего, в это время здесь распространяются древности мощинского или позднедьяковского круга (обозначенные жёлтым цветом). Заметим, что, скорее всего, эта таблица, как и карты, может быть уточнена коллегами уже в настоящее время.

Наиболее важным результатом проделанной работы следует считать саму идею реконструкции культурных вариантов в виде мозаики или калейдоскопа с синхронными и перемещающимися элементами. Мозаичность расположения отдельных элементов общей схемы, их перемещение в пределах схемы является, на наш взгляд, правильной объяснительной моделью.

На представленной схеме и картах особенно заметно единство различных территорий (единство керамической традиции, разумеется), а также ситуация распада этого единства. Заметны ситуации временного и, одновременно, территориального смещения отдельных элементов. В первую очередь, речь идет о нитчатой керамике, а также о крупноячеистой рябчатой традиции. Правда, между началом доминирования рогожной керамики на городецких городищах и распространением нитчатой керамики в нижнем Москворечье на нашей схеме есть разрыв в 50—100 лет. Однако, как уже говорилось, точность датировок не обладает необходимым разрешением для уточнения этого вопроса.

Отдельно стоит обратить внимание на крайне запутанную ситуацию периода финальной бронзы и перехода к РЖВ: для дьяковских памятников Оки и Москворечья известно как минимум три традиции изготовления керамики — типа Климентовской стоянки, штрихованной «каширского типа» и рябчатой с гребенчатым штампом. Однако не исключено выделение в качестве самостоятельной некой

«постбондарихинской» керамики, и не объяснено существование нитчатой с гребенчатым штампом и нитчатой с крупным стежковым отпечатком, известной в древнейшем слое Ростиславльского и Селецкого городищ.

О формах «контактов», маркерах «контактов» и «гибридных» формах

Нам пришлось затратить немало усилий, чтобы обосновать культурное отличие типов керамики. Вместе с тем, как мы ни старались, не удалось продемонстрировать (за редким исключением) абсолютную чистоту комплекса. Только Щуровское селище до настоящего времени обладает (применительно к дьяковскому периоду) искомой чистотой. На всех остальных памятниках — Белом Колодце, Сосновке IV, Мякинино I, Зарудне — присутствовала, пусть в мизерных долях, примесь керамики других типов. Картина смешения материала в комплексах городищ еще ярче. Существует ли объяснение этому смешению и насколько оно отличается от предположения об изначальном параллельном изготовлении разных типов посуды одним коллективом — вот вопрос, на который ещё предстоит ответить.

* Сетчатая керамика дьяковского времени представлена исключительно мелкоячеистой рябчатой фактурой отпечатка. Является ли это обстоятельство случайным, неизвестно.

** Любопытно, что в таком же сочетании — льяловской и сетчатой керамики — представлен и подёмный материал с предполагаемой стоянки «Полигон артучилица», который был добыт, по сообщению краеведов, со дна реки. Возможно, это еще один пример поселения такого же типа.

Для начала перечислим другие свидетельства того, что на дьяковских памятниках периодически обнаруживаются явно чужеродные в керамике элементы:

1. При раскопках Корыстовского городища В.В.Сидоровым была обнаружена в небольшом количестве керамика типа Климентовской стоянки. Она заметно выделялась на фоне общего гладкостенного контекста периода финальной бронзы (Сидоров, 2005. Стр. 22; Лопатина, 2005. Стр. 98).
2. Керамика, сходная с Климентовской стоянкой — всего несколько фрагментов, была обнаружена нами при разборе коллекции далёкого Сахтыша II (Сыроватко А. С., 2007б). На этом же памятнике, кстати, было найдено несколько нитчатых фрагментов

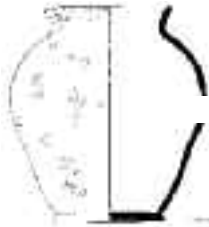
- дьяковского облика и два фрагмента с рогожным отпечатком.
3. Сходная с Климентовской керамика известна и к северу от Москвы — на Никольской стоянке (устное сообщение В. В. Сидорова).
 4. На многих дьяковских городищах, особенно по Оке и Москве-реке, встречается рогожная керамика. На Городищенском городище несколько фрагментов обнаружено во рву и в верхних прослойках вала (всего в комплексе около 1%), на Настасьинском — преимущественно в верхних слоях (около 0,5%), на Протопоповском, Коробчеевском, Городне — единичные фрагменты. На Ростиславле рогожной керамики больше — развалы сосудов компактно сосредоточены в горизонтах 8, 9 над рвом, в остальных вышележащих горизонтах находятся единичные фрагменты. В тех случаях, когда удавалось проследить стратиграфическое расположение рогожной керамики на дьяковских памятниках, она встречалась в сравнительно поздних горизонтах вместе с нитчатой керамикой.
 5. В слое «А» Дьякова городища, то есть в горизонте, которому сетчатая керамика не свойственна абсолютно, Н. А. Кренке обнаружил сильнопрофилированную сетчатую керамику «нижнемоскворецких» форм. Исследователь справедливо видел в этой керамике элемент, чуждый Дьякову городищу (*Кренке*, 1987. Стр. 127). Мы знаем и обратный пример — венчики двух подлощённых сосудов на Настасьинском городище, на котором почти нет материалов позднедьяковского облика (*Сыроватко А. С., Сидоров*, в печати).
 6. На дьяковских городищах, по крайней мере коломенской группы, нередки находки сетчатых сосудов со сквозными проколами у венчиков — чертой, свойственной городецким городищам. Так, на

некоторых памятниках Окско-Сурского междуречья на определённом этапе проколы наличествовали у всех сетчатых и рогожных сосудов (*Вихляев*, 2000. Стр. 22 и следующие). Обычны они и на других городецких поселениях (*Фоломеев*, 1994. Стр. 153). Среди поселений коломенской группы такая деталь встречена на Коробчеевском, Настасьинском, Городищенском городищах, Погосте Красно. Особенно часто проколы встречаются на Городне I.

7. В ранних слоях Селецкого городища (слои 5, 6) встречается штрихованная керамика каширского типа, орнаментированная гребенчатым штампом.
8. В предыдущем разделе мы отмечали наличие нитчатой керамики на многих дьяковских поселениях верховьев Москвы и Верхней Волги.

Собственно, число таких примеров можно умножать до бесконечности. И вот что интересно: ни в одном из перечисленных случаев нельзя говорить ни об устойчивом присутствии чужого населения в инокультурной среде, ни о метисации керамического комплекса. Скорее всего, это отражение контактов обитателей поселений с удалёнными племенами.

В этой связи нам кажется уместным рассмотреть ещё раз материал стоянки Набережная в Щурово, но уже с точки зрения ее топографии. Памятник представлен исключительно подъёмным материалом, сосредоточенным возле уреза воды. Попытки обнаружить культурный слой на террасе ни к чему не привели (правда, этот участок берега чрезвычайно плотно застроен). Но в условиях расположения самого материала нет ничего необычного — подобных «пляжных» стоянок эпохи неолита, при отсутствии долговременных поселений, на Оке известно много (*Сидоров*, 2002. Стр. 27). Напомним, что подъёмный материал стоянки Набережной содержит, помимо сетчатой дьяковской (рисунок 52) и гладкостенной керамики* (последняя напоминает керамику каширского типа),

верхневолжскую неолитическую, льяловскую (всех этапов), протоволосовскую, шагарскую, лапчатую, фатьяновскую и сетчатую эпохи бронзы**.

В самом расположении стоянки есть один нюанс — она находится в 500 метрах ниже устья Москвы-реки, на правом берегу Оки. Сама стоянка — единственный отлогий пляж с родником на фоне сравнительно крутого берега. Вероятнее всего, в древности поселение представляло собой стоянку — место остановки, пристань на пути из Москвы-реки в Оку. Это место, куда силой течения двух рек должно было выносить лодки, плывущие с верховьев обеих рек. В то же время устье Москвы-реки служило ориентиром и для тех, кто двигался по Оке. Почему мы заострили внимание на этом эпизоде? А потому что, исходя из такой трактовки памятника, следует, что в подобные путешествия отправлялись с посудой, которую и теряли в дороге. Набережная стоянка не уникальна — подобное местонахождение есть, к примеру, возле моста через Оку в городе Кашире (сообщение В. В. Сидорова). Такие памятники свидетельствуют не только о наличии связей между поселениями или группами поселений (это и так понятно), но и являются материальным отражением таких связей. Они говорят, что керамика путешествовала вместе с людьми и, оставаясь специфическим культурным типом, оседала в слоях поселений, удалённых от исходной точки.

Это самое простое (а зачем придумывать сложное?) объяснение происхождению чужеродных элементов. Никто не отрицает наличия контактов с удалёнными территориями, в первую очередь, торговых (Смирнов К. А., 1991б). Тогда почему керамика не может быть отражением таких связей? Почему примеси в керамических комплексах следует трактовать исключительно как явление метисации, «контакт с местными гончарами в результате брака» и «приспособление к местным традициям» (Лопатина, 2005. Стр. 98), если речь идет о единичных сосудах в инокультурной среде? Любопытно было бы расспросить автора этой теории о том, как он себе

* И. Л. Чернай высказал эту же точку зрения во время нашего знакомства с коллекцией в фондах Бронницкого музея

представляет процесс «смешения гончарных традиций» на пятачке размером 30 × 50 м, на котором едва ли помещалось больше 20–40 человек...

Однако из сказанного неизбежно следует, что если на поселениях фиксируются контакты со сравнительно удаленным населением, то соседние группы должны были оставить еще более значимый след. В самом деле, в чём бы ни заключались отличия между локальными группами дьяковско-городецкого населения, очевидно, что в целом они были чрезвычайно близки в культурном отношении. Наблюдения этнографов свидетельствуют, что *«состояние мира и кооперации является нормой для межгрупповых и межличностных отношений...»* (Тишков, 2003. Стр. 127). Выявленные нами культурные отличия не являлись жесткой нормой, а городища были не крепостями во враждебном окружении. Тогда почему нас должна удивлять «смешанность» в керамических комплексах, если с Ростиславля в хорошую погоду видны Кольчѣвские селища и подступы к Протопопово? А расстояние между каширскими городищами и Ростиславлем (или между Красно и Боршевой) и того меньше. В этой связи, возможно, нуждаются в переосмыслении находки в нижних слоях Ростиславля сетчатой керамики (в пределах 20%), нитчатой керамики в нижних слоях Настасьино, гладкостенной — в слоях всех коломенских городищ, сетчатой — в слоях каширских, а также факты находок крупноячеистой рябчатой керамики в горизонте 9 вала Ростиславля, под валом Городищ и в нижних его горизонтах.

Рассмотрим еще и вопрос о возможном наличии действительно гибридных форм. А. Н. Сорокин, анализируя материалы мезолитических культур, пришел к выводу, что только метисные формы изделий являются подлинными свидетельствами реально существовавших контактов (Сорокин, 2002. Стр. 137 и следующие; 2006а. Стр. 65 и следующие; 2006б). Разумеется, для железного века такая

категоричность излишня — плотность населения с конца плейстоцена успела вырасти на несколько порядков. К тому же у нас есть все основания предполагать синхронность некоторых типов керамики, бытовавших на соседних территориях, и совместное залегание артефактов не обязательно свидетельствует о турбированности слоя (несколькими разделами ранее мы вынужденно акцентировали внимание как раз на ней). Тем не менее нам известны случаи, которые можно было бы подвести под понятие смешанных форм.

Собственно, сама по себе поздняя разновидность сетчатого горшка — с раздутым туловом и отогнутым венчиком (рисунки 65, 66) — с самого начала воспринималась как гибридная — своеобразная помесь дяковского сетчатого отпечатка и позднедяковского сильнопрофилированного горшка. Может, это и так, хотя у нас сложилось впечатление, что новацией следует считать не только профилировку таких сосудов, но и сам отпечаток. Несмотря на то что есть свидетельства более раннего его появления в устье Москвы, в I тысячелетии до н. э. на этой территории он не являлся распространённым типом. Иными словами, эта разновидность сетчатой керамики в действительности является не меньшей новацией, чем чернолощёная или любая другая посуда мощинского времени. Окончательно вопрос будет прояснён после определения истоков такой керамики. Однако есть и другие примеры — сильнопрофилированные горшки с нитчатым отпечатком. Такая керамика была зафиксирована нами на Коробчеевском городище, немало таких сосудов было найдено в верхних слоях Настасьинского городища. Нам известен даже один сосуд с петлёй, или ручкой, располагавшейся на плечике. У нас сложилось впечатление, что нитчатая керамика такого типа одновременна крупноячеистой рябчатой — оба типа объединяет форма сосуда.

Исходным импульсом для такой гибридизации могла послужить как сильнопрофилированная керамика с крупно-

* Хотелось бы обойтись без фантазирования на тему войн, миграций, перемещений, ассимиляций и прочей беллетристики — это в данном случае не имеет значения.

ячеистым рябчатым отпечатком, так и некое культурное влияние шедшее из западных областей, например с верховьев Москвы. В этом случае заимствовалась только форма посуды, а идея отпечатка оставалась местной. Но при любом варианте эти гибридные формы свидетельствуют о сохранении — хотя бы в течение какого-то времени — употребления нитчатых отпечатков наряду с крупноячеистыми рябчатыми.

Развал подобного сосуда обнаружен В. Ю. Ковалем на селище Сосновка IV (рисунок 71). И это заставляет по-другому взглянуть на керамический комплекс памятника. Действительно, в данном случае с большей долей уверенности можно говорить о смешанной традиции употребления сетчатых отпечатков. При этом метисная форма свидетельствует о доминировании новой традиции и лишней раз подтверждает позднюю датировку не только профилированной посуды всего комплекса памятника, но и времени массового употребления на Оке крупноячеистых рябчатых отпечатков.

Другой пример метисации форм посуды относится к периоду перехода от бронзы к РЖВ — это встречающиеся на Средней и Верхней Москве-реке нитчатые сосуды, подобно штрихованной и рябчатой керамике, орнаментированные гребенчатым штампом. Нам известно по крайней мере два памятника — Селецкое городище и Боровский курган* (*Кренке, Лопатина, 2008. Стр. 380*), на которых была найдена подобная керамика.

Следует упомянуть и еще одно явление, которое также можно интерпретировать как метисацию — это сетчатая керамика с примесью шамота в тесте.

VI. НЕОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное сопоставление керамических коллекций основано не только на наших наблюдениях, оно стало возможным благодаря работам Б. А. Фоломеева, И. Л. Черная, В. Ю. Коваля, В. В. Сидорова и других коллег. Тем не менее

* Из работ Б. А. Фоломеева, например, следует, что городецкими племенами следует считать «носителей рогожной керамики» (*Сулержницкий, Фоломеев, 1993, С. 30*)

ВЕЩЕВЫЕ НАХОДКИ С ПОСЕЛЕНИЙ КОЛОМЕНСКОЙ ГРУППЫ

При освещении этого раздела автору пришлось испытать наибольшие трудности. С одной стороны, коллекции большинства памятников либо очень малы, либо (это касается довоенных раскопок) утрачены*. С другой стороны, существуют значительные по объёму коллекции с городищ Настасьино и Ростиславль, введённые в оборот лишь частично (*Коваль*, 2001б; *Завьялов*, 2004; *Медведь*, 2006; *Сапрыкина*, *Энговатова*, 2002; *Сапрыкина*, 2004; 2007). На этом фоне радует оперативная публикация материалов каширских поселений, причем их количество уже позволяет проводить сопоставления с материалами других регионов (*Сидоров*, *Смирнов*, 1999; *Сидоров*, 2004; 2005).

В этой ситуации мы избрали вариант «все находки, кроме Настасьино и Ростиславля», хотя, безусловно, количества этих находок для освещения темы недостаточно.

Большинство предметов хранится в Коломенском краеведческом музее, хотя небольшие коллекции есть в музеях городов Луховицы и Воскресенск. В Коломне собраны материалы из раскопок Н.П. Милонова в Городищах, М.Г. Савицкого из раскопок в Коробчесво и Городце. Местонахождение дьяковской части материалов М. В. Талицкого неизвестно, хотя отдельные находки древнерусского времени, узнаваемые по публика-

* Насколько нам известно, материалы раскопок Н. П. Милонова и М. В. Талицкого после окончания работы попали в Областной краеведческий музей в г. Истре и затерялись во время оккупации города.

циям, в Коломенском музее присутствуют. Что касается раскопок автора, то формально, по полевым описям, индивидуальных находок около 250, но большинство из них, как это обычно бывает, — многочисленные обломки керамических (сосудиков, погребушек, «рогатых кирпичей» и так далее) и костяных предметов.

При составлении таблиц и описании вещей мы в основном опирались на классификации К. А. Смирнова как наиболее удобные и известные, хотя при необходимости привлекались и разработки других авторов.

Наконечники стрел

Классификация известных нам наконечников отражена в таблице 14. С трех памятников учтено 20 экземпляров, включая заготовки и не сохранившиеся в музейных фондах предметы. Наконечники с поселений каширской группы и Ростиславля опубликованы и в первую очередь привлекаются нами в качестве аналогий, тем более что эти памятники подходят под определение «юго-восточное Подмосковье». Находки с поселений коломенской группы перечислим как находки по памятникам.

Городищи

Точное количество стрел, найденных Н. П. Милоновым во время раскопок Городищенского городища, неизвестно (*Милонов*, 1948. Стр. 75). Им упоминаются «костяные пулевидные стрелы, близкие по типам старшекаширским», в Коломенском музее не сохранившиеся. По нашим сведениям, всего было не меньше трёх наконечников, из которых сохранился один с лопаточкой на конце, учтённый К. А. Смирновым как тип 10 (рисунок 93, 3). Им же учтён и один пулевидный втульчатый наконечник — тип 1 в отделе втульчатых (*Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 29). Тип третьей стрелы можно приблизительно определить по музейным инвентарным книгам как «ромбический, черешковый, основание обломано». Пулевидные втульчатые

стрелы по аналогиям из скифских погребений К. А. Смирновым датируются VIII–III веками до н. э. Х. И. Крис и И. Л. Черная (1980. Стр. 79) используют этот тип наконечников в качестве датирующего признака IV века до н. э. Тип наконечника стрелы с лопаточкой на черешке К. А. Смирнов отнёс к ранним периодам дьяковской культуры, полагая, что он продолжает традицию неолитических наконечников (*Смирнов К. А.*, 1984. Стр. 226), на Мутёнковском городище обнаружено 2 экземпляра (*Смирнов К. А.*, 1984. Рисунок 1; *Сидоров*, 2004. Рисунки 9, 7). Н. А. Кренке подобные стрелы относит ко второй половине I тысячелетия до н. э. (*Кренке*, 1987. Рисунки 87, 88).

Стрелам с лопаточкой на черешке близки стрелы с упорами. На Ростиславльском городище найдена стрела с упорами на черешке, такими же, как и на костяных гарпунах. А. Н. Медведь отнес её к типу 10 по К. А. Смирнову («с лопаточкой на конце»), хотя, по нашему мнению, это самостоятельный тип наконечника (*Медведь*, 2006. Стр. 53). По-видимому, стрелы этого типа довольно редки. В классификациях К. А. Смирнова и Х. И. Крис они отсутствуют, но аналогии им известны в материалах Дьякова городища, где они найдены в слое V–III веков до н. э. (*Кренке*, 1987. Рисунки 15, 17, 19, 87), и на Мутёнковском городище каширской группы (*Смирнов К. А.*, 1984. Рисунок 2). Характерно, что стрелы этого типа на Дьяковом городище встречены вместе с гарпунами, имеющими такие же упоры на черешке. К. А. Смирнов считал такие стрелы синхронными стрелам с лопаточкой на черешке (1984. Стр. 226).

На Городищенском городище известны также одношипные стрелы с овальным или уплощённо-ромбическим сечением пера (рисунки 93, 4–6), К. А. Смирновым датирующиеся ранними стадиями дьяковской культуры, и одна одношипная однокрылая стрела (рисунок 93, 2), датирующаяся им же VII–VI веками до н. э. (1974. Стр. 31). Последний экземпляр интересен двумя довольно глубокими, симметрично расположенными надрезами (метка приносящего удачу оружия? попытка улучшить баллистику?). На Троицком городище известен наконеч-

ник с подобными вырезами, причем на нём, как и на экземпляре с Городищ, вырезы явно носят вторичный характер и выполнены небрежно (Крис, 1970. Стр. 148. Таблица 2, 4). Одношипные и одношипные однокрылые наконечники Х. И. Крис и И. Л. Чернай относят к IV–III векам до н. э. (Крис и другие, 1984. Стр. 133). На Дьяковом городище эти стрелы считаются наиболее характерными для IV–III веков до н. э. (Кренке, 1987. Рисунок 87). По всей видимости, одношипные однокрылые стрелы следует считать более поздними, чем одношипные без крыла на противоположной стороне. На Ростиславльском городище одношипных стрел обнаружено семь, одношипная однокрылая — одна (Медведь, 2006. Стр. 53). Из близлежащих к рассматриваемой территории памятников особенно много одношипных стрел происходит с поселений каширской группы, где они, собственно, и были впервые обнаружены (Городцов, 1933. Стр. 23, 25; Сидоров, 2002. Рисунки 22, 23). Стрелы этой формы в литературе часто именуются «каширским типом», особенно много их найдено на соседнем Мутёнковском городище при раскопках К. А. Смирнова и В. В. Сидорова — 61 экземпляр, 12 из которых — с «крылом» (Смирнов К. А., 1984. Стр. 225, 226; Сидоров, 2004. Стр. 118). Складывается ощущение, что стрелы этого типа действительно являются ярким признаком именно каширских поселений.

На Городищенском городище обнаружена костяная стрела, имеющая серповидное завершение черешка (рисунок 93, 8), — датирующий признак, позволяющий отнести ее к IV–III векам до н. э. (тип 24; смотри Смирнов К. А., 1974. Стр. 32; Крис, 1970. Стр. 156, 157). Стрела имеет отверстие, проходящее под углом к её поверхности, — аналогии подобной детали на памятниках лесной зоны нам неизвестны. Е. Е. Антипина, специально исследовавшая стрелу, считает, что отверстие — естественного происхождения, а использованная кость принадлежит крупному копытному. Это, правда, не снимает вопроса о том, выбрана ли заготовка под стрелу с отверстием намеренно или нет. Заметим, что в Настасьино, по нашим впечатлениям, наконеч-

ников стрел с расходящимися шипами на черешке (или с серповидным завершением черешка) — и железных, и костяных — довольно много, это массовый тип. Известны такие стрелы и на городецких памятниках, причём в насыпях валов (Фоломеев, 1994. Рисунки 3, 6). И если ранее они воспринимались как довольно редкие (К. А. Смирновым (1974. Стр. 32, 34) учтено два железных и четыре костяных экземпляра), то в последние годы их находят всё чаще и чаще в разных регионах, например в Тарасовке на реке Клязьме, (Зайцев, 2002. Рисунки 2, 1–3), на Верхней Волге* (Травкин, 1991. Стр. 93). Есть они в количестве двух экземпляров и на Ростиславле (Медведь, 2006. Рисунок 2, б). Особенностью таких стрел является хрупкость шипов, зачастую не сохранившихся, поэтому, по результатам раскопок, их относят к другим типам.

Стрела (5), показанная на рисунке 93, по нашему мнению, в классификации К. А. Смирнова не имеет точных аналогий (наиболее близким является тип 21). На Троицком городище подобные стрелы найдены в первом слое, относящемся к IV–III векам до н. э. (треугольно-трехгранные, уплощённые; смотри Крис 1970. Стр. 146).

Костяная двушипная стрела (рисунок 93, 7), тип 19 по К. А. Смирнову, может быть датирована временем «до рубежа н. э.», на Троицком городище подобные стрелы отнесены ко второму слою и датируются временем не позднее середины I века до н. э. (Крис, 1970. Стр. 169). Стрелы с подобной формой пера есть на Мутёнковском городище (Смирнов К. А., 1984. Стр. 226; Сидоров, 2004. Рисунки 9, 14, 18, 19).

На Городищенском городище известна одна предположительная заготовка черешковой стрелы (рисунок 93, 1), а также два роговых цилиндра (еще один — на городище Городна I), которые могут являться заготовками стрел для охоты на пушного зверя (томаров). Две такие стрелы найдены на Ростиславле (Медведь, 2006. Стр. 54), две — на Старшем Каширском городище при раскопках В. В. Сидорова (2002. Рисунки 22, 23), две — на Мутёнковском (Сидоров, 2004. Стр. 118).

* Доклад А. Д. Максимова на 7-м заседании семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» в 2002 г.

Протопоповское городище

М.В. Талицким на Протопоповском городище была найдена одна костяная стрела неизвестного типа (1936б). Из насыпи вала (шурф 5 1996 года) происходит также один обломок костяной черешковой стрелы с линзовидным сечением пера (рисунок 94, 4), а из подъёмного материала — железная двушипная стрела (рисунок 94, 1).

Палецкое (Луховицкое I) городище

В коллекции Палецкого городища, хранящейся в городе Зарайске, находится обломок стрелы ромбического сечения и удлинённых пропорций (рисунок 94, 7). Стрелы подобной формы и сечения пера известны в материалах Луговского могильника, Концегорского селища, где датируются VIII–IV веками до н. э. (Збруева, 1952. Таблицы II, IX, XIX). По типологии К.А. Смирнова, эта стрела может быть сопоставлена с типами 3, 4 (1974. Стр. 30). На Троицком городище стрелы с ланцетовидной формой пера и ромбическим сечением найдены в основном в нижних слоях, датируемых примерно IV–I веками до н. э. (Крис, 1970. Стр. 169. Таблица 10). На городище были встречены и костяные стрелы типов 1 и 21, но в настоящее время их в коллекции нет (Смирнов К.А., 1974. Стр. 30, 32). В коллекции сохранилась ещё только одна железная двушипная стрела (рисунок 94, 3).

Памятники с единичными находками стрел

Железные плоские двушипные стрелы известны ещё на двух памятниках — «Блюдечке» и Щурово (рисунки 94, 2, 5). Стрела на поселении «Блюдечко» найдена в раскопе УЛ-5-02, в заполнении оврага, засыпанного в средневековый период (Мазуров, Сыроватко А. С., 2006. Рисунок 8). Отметим, что в этом раскопе керамики железного века практически нет, стрела была как бы «вне контекста», хотя два других раскопа, на которых был обнаружен дьяковский керамический материал (II и III), располагались всего в 15–20 метрах от него. На Щуровском селище найдено две стрелы этого типа. Одна из них (2007

года) происходит из так называемого верхнего слоя — условного горизонта, нарушенного распашкой и турбированного половодьями. Вторая (2008 года) тяготеет к слою трупосожженных и, скорее всего, также переотложена. На этом памятнике, как мы уже писали выше, количество сетчатой керамики крайне невелико, и остаётся открытым вопрос о синхронности стрел керамики позднедьяковского типа. Условия находки стрелы на Палецком городище неизвестны. Соответственно, остаётся непонятным, к какому культурному горизонту отнести стрелы с поселений Палецкое, Щурово и «Блюдечко» — к дьяковскому или к позднедьяковскому. Железных двушипных стрел этого же типа довольно много на Ростиславле — восемь, это самый массовый тип стрел на памятнике. А.Н.Медведь, автор публикации, даже предположил, что тяготение этого типа к прослойке пожара является свидетельством «боевых действий в позднедьяковское время» (2006. Стр. 52, 56). Такая трактовка материала возможна, хотя период бытования стрел все же достаточно велик и захватывает, в том числе «период бытования сетчатой керамики», то есть собственно дьяковский.

Как уже упоминалось выше, со стоянки Зарудня происходит довольно редкий в дьяковской среде экземпляр двухлопастной бронзовой втульчатой стрелы со «шпорой» на втулке (рисунок 94, б), еще одна стрела этого типа найдена на Ростиславле (Медведь, 2006. Рисунок 3, в). Эти стрелы А.И.Мелюковой отнесены к VII–VI векам до н. э. (1989. Стр. 92). А.Н.Медведь оставляет открытым вопрос, «как и когда стрела попала на Ростиславль», хотя к этому следует добавить и вопрос: в каком качестве — оружия или металла? Находки скифских стрел важны не только тем, что снимают возникшую было дискуссию о том, могло ли дьяковское население подражать скифским образцам стрел, и о Заборском кладе (Лусаков, 2005. Стр. 213; 2007. Стр. 41; Медведь, 2006. Стр. 55). Эти стрелы сами по себе являются «носителями узких датировок», приходящихся на период финальной бронзы, для которого

радиоуглеродных дат мало, а имеющиеся не очень надежны.

Н. П. Милонов упоминает «миниатюрные стрелки в виде острых конусиков» с «Блюдечка», но их местонахождение и тип неизвестны (1948. Стр. 79). В таблицу мы их не включили. Не включили мы в таблицу и обломок кости из коллекции с Городецкого городища, упоминающийся в отчёте как «фрагмент наконечника стрелы», по нашему мнению, таковым не являющийся (*Савицкий*, 1986).

Грузики дьякова типа

Всего нам известно 14 экземпляров, сведения о которых приведены в таблице 15 и на рисунках 95, 96*. Упомянем также одно указание Н. П. Милонова на находку грузиков на «Блюдечке»: «...*один грибовидный, другие, чаще встречающиеся, имеют простую конусообразную форму, без гофрированных краев*» (1948. Стр. 79). Как мы уже не раз отмечали ранее, представления Н. П. Милонова о позднедьяковском характере открытого жилища на «Блюдечке», скорее всего, ошибочны, да и грузики без насечек по краю нам неизвестны.

Орнамент выявлен всего на двух фрагментированных грузиках, относящихся к ранним типам 126 и 14 (рисунки 95, 2; 96, 5) (*Смирнов К. А.*, 1971. Стр. 82).

Чрезвычайно интересным является вопрос распространения грузиков вниз по Оке до ареала городецкой культуры, но, к сожалению, Городищи не сопоставимы по площади раскопок (около 160 м²) с Палецким городищем (свыше 1200 м²), на котором найден один роговой грузик против десяти грузиков Городищ. По этой причине может оказаться случайным и то обстоятельство, что на Окских городищах — Городне I и Коробчеево I — известны только ранние типы грузиков, причём после Палецкого городища и дюны Ундрих эти памятники являются самыми крайними точками их распространения на юго-восток**. А. Л. Монгайт назвал грузик с Палецкого городища «*костяной бляхой с зазубринами по краям*» (1961. Стр. 44), видимо, сомневаясь в том, что этот предмет соответствует

* Для двух фрагментированных грузиков с Городищ тип установлен предположительно.

** Именно дюна Ундрих, где найден грузик, пока, насколько нам известно, остается самым восточным пунктом находки грузиков (Шилковский район Рязанской области). Судя по описанию, он аналогичен экземпляру с Городны — глиняный диск с точечным орнаментом и насечками по ребру (*Макаров*, 1992. С. 36).

термину «грузик». Однако подобные предметы известны в ареале дьяковской культуры, например на городищах «Круглица», Селецкое, Боршева, Настасьинское, Старшее Каширское и Корыстовское (Пимакин, 1956. Фото 40, 2; фонды Бронницкого музея, ед. А-4832; устное сообщение И. Л. Черная; Гордцов, 1933. Рисунки VII, 14; Сидоров, 2005. Рисунки 3, 1). Они довольно сильно отличаются от «классического» грузика типа 12г. Трудно сказать, является ли этот тип самостоятельным (представлен, кстати, серией) или же он пример того, как заготовка предопределила форму. Грузики дьякова типа довольно многочисленны на поселениях каширской группы и Ростиславле (Сидоров, 2002. Рисунок 21 и следующие; 2004. Стр. 122; 2005. Рисунки 3, 7), причём ростиславльская коллекция опубликована частично (Коваль, 2001). В. В. Сидоров даже предположил, что «грузики — не изобретение дьяковской культуры» (2004. Стр. 122), а их родина — каширские памятники. Любопытно, что это уже не первая попытка лишить дьяковцев права на изобретение грузика, передав его другому населению (Третьяков, 1966б. Стр. 196). Однако роговые грузики, — самые ранние, по мнению В. В. Сидорова — как типа 12г; так и рассмотренного выше в виде диска, были найдены за пределами каширской группы, в частности на Погосте Красно (рисунок 96, 8) и в Городищах (рисунок 96, 4), — оба экземпляра найдены на поверхности, в подьёмке, а также на перечисленных выше памятниках с находками роговых грузиков в виде плоских дисков. В списке этих памятников москворецкие превалируют.

«Рогатые кирпичи» и их модели

Обломки этих предметов являются многочисленной категорией находок, развалы же встречаются гораздо реже. Орнаментированным экземплярам, которые и вовсе редки, мы посвятили отдельную публикацию (Сыфватко А. С., 2003), где были учтены предметы, трактуемые как модели. Орнаментированные «кирпичи» с городищ каширской группы нами также

упоминались, позднее их опубликовал автор раскопок (Сидоров, 2004. Рисунок 12).

Основная масса находок происходит с Городищенского городища, несколько крупных частей — с Ростиславльского и один крупный фрагмент (рисунок 97, 1), из подъемного материала городища Красно.

Количество «рогатых кирпичей» на Городищенском городище подсчитать трудно. Н.П. Милоновым на плане «землянки» отмечено два (рисунок 40), местонахождение их в настоящее время неизвестно. Развал одного «кирпича» с округлёнными гранями и отверстием неправильной формы связан со слоем прокалённой глины из раскопа 3 1998 года, полностью реконструировать его форму нельзя. Какое-то количество обломков керамических изделий (не меньше четырех, в том числе один орнаментированный; рисунок 97, 2) также могло быть фрагментами «рогатых кирпичей», однако провести их подсчёт затруднительно. Ясно только, что это довольно многочисленная категория находок на памятнике.

Гораздо лучше сохранились модели «рогатых кирпичей»: более-менее достоверно известны две, и еще две — предположительно (рисунки 97, 3; 98, 1–3). А.Ф. Дубынин считал модели «рогатых кирпичей» детскими игрушками (1970. Стр. 43).

Наибольший интерес представляет многоканальная бусина, которую ранее мы уже публиковали как модель «рогатого кирпича» (рисунок 98, 1; Сыроватко А. С., 2003. Рисунок 4). Дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации является нанесённый на находку орнамент, имеющий аналогии с «рогатым кирпичом» Ростиславльского городища (Коваль, 20016. Рис. 5, 1), обломком, также интерпретированном нами как фрагмент «рогатого кирпича», с Городищ (рисунок 97, 2), и на «рогатом кирпиче», происходящем с Мамонова городища (Сыроватко А. С., 2003. Рисунок 1). Помимо бусины, на Городищенском городище известны и непосредственно модели «кирпичей» (рисунки 97, 3; 98, 2, 3). Как мы уже отмечали при описании укреплений, фрагменты «рогатых кирпи-

чей» на Городищенском городище часто находили либо в слое прокалённой глины в основании вала, либо в насыпи, похожее явление встречено и на Ростиславле.

Костяные ножи

На Городищенском городище один такой нож обнаружен Н. П. Милоновым, один — автором, а ещё два обнаруженных предмета можно рассматривать как заготовки для ножей (рисунок 99). Датировать городищенские экземпляры не представляется возможным: они найдены либо на распаханых участках слоя, либо их положение в слое неизвестно. На Ростиславльском городище найден орнаментированный нож (*Коваль*, 2001б. Рисунок 3, 3). Довольно много ножей (пять), по отношению к сохранившейся части коллекции Палецкого городища, находится в Зарайском музее.

Железные ножи

Автору известно четыре железных ножа. Первый находится в экспозиции Коломенского музея и происходит, судя по документам, из раскопок Н. П. Милонова в Городищах (рисунок 100, 3), хотя, как видно из рисунка, его принадлежность к дьяковским древностям неочевидна. Упомянем также нож с «горбатой спинкой», обнаруженный А. В. Дмитриевской на Палецком городище (рисунок 94, 4), и обломок серповидного ножа (рисунок 100, 5). Палецкое городище является малоизвестным памятником, культурная принадлежность которого не определена, хотя традиционно он относится к городецкой группе. Нож «с горбатой спинкой» с этого памятника интересен наличием уступа на вершине спинки — деталь, ранее отмеченная только для ножей Троицкого городища (*Смирнов К. А.*, 1970. Стр. 174, 175).

Серповидный нож найден на Щуровском селище (рисунок 100, 6). Ножи этого типа бытуют чрезвычайно долго. К. А. Смирнов определил их дату интервалом VI–IV века до н. э. — II–III века н. э. (1970. Стр. 174). Эта датировка ещё никем не

подвергалась сомнению. Важно отметить, что нож является первым за все годы раскопок на памятнике достоверно дьяковским предметом, то есть находкой времени сетчатой керамики.

С нашей точки зрения, это если не доказательство, то, по крайней мере, намек на то, что единичные фрагменты сетчатой керамики поздних крупноячеистых рябчатых фактур всё же несколько старше, чем основной массив позднедьяковского материала этого памятника, для которого характерен практически единственный тип ножа с выгнутой, или с округлой, спинкой. Тип ножей, заполняющих промежутки между «временем серповидных ножей» и позднедьяковскими типами, известен — это ножи «с горбатой спинкой», и они-то как раз на этом памятнике отсутствуют.

Рукояти ножей

Два экземпляра рукояток, изготовленных из кости (рога), происходят с Городищенского городища (рисунок 100, 1, 2). Грибовидная рукоять из раскопок Н. П. Милонова, судя по всему, осталась незавершённой. К. А. Смирновым такие рукояти относятся к середине I тысячелетия до н. э. (1974. Стр. 39). Городищенский экземпляр интересен наличием пояска, или бортика, на котором выполнены насечки по типу роговых грузиков 12г. По всей видимости, рукоять можно отнести примерно к этому же времени — VII–VI — IV–III века до н. э.

Вторая рукоять (рисунок 100, 2) относится к типу 5 по К. А. Смирнову и определённой даты не имеет, происходя из распаханного участка слоя. В отличие от предыдущей, недоделанной рукояти, она, напротив, носит следы интенсивного использования — скол на ней заполирован, что свидетельствует о последующем употреблении.

Среди опубликованных материалов Ростиславля известна рукоять (тип 5) простой формы, видимо, также недоделанная (Коваль, 2001б. Рисунок 2, 9). Однако самые яркие находки этой категории предметов, причём на фоне всех поселений дьякова типа, происходят с поселений каширской группы —

это и широко известные зооморфные рукояти (*Городцов*, 1933. Стр. 20. Рисунок VIII, 6; *Сидоров, Смирнов*, 1999), и костяная накладная рукоять (*Сидоров*, 2002. Стр. 34) с Каширского городища, традиционные грибовидные рукояти, а также рукояти с асимметричным навершием (*Сидоров*, 2002. Рисунки 27, 14, 15; 2004. Рисунки 8, 2, 5; 6, 1), и даже одна рукоять из олова, найденная вместе с ножом. Количество и разнообразие типов рукоятей каширской группы памятников отличается от прочих регионов; с чем это связано, остаётся непонятным.

Погремушки

Известно несколько классификаций погремушек. Для дьяковских городищ они разработаны В.А.Городцовым и К.А.Смирновым, для всех памятников лесной зоны — И.Г.Розенфельдт (*Городцов*, 1933. Стр. 16; *Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 66; *Розенфельдт И. Г.*, 1970. Стр. 56).

Большинство погремушек известно в обломках, число которых не поддаётся учёту (на рисунке 103 представлены только более-менее достоверно атрибутированные изделия). Почти все они происходят с Городищенского городища и Погоста Красно и относятся к третьему типу. С Протопоповского городища происходит экземпляр с заострённым концом (рисунок 103, 4) — тип II, вариант 2, по И. Г. Розенфельдт, а с Городищ – бочонковидный.

На Ростиславльском (*Коваль*, 2001б. Рисунок 3, 16) и Мутёнковском (*Сидоров*, 2002. Рисунок 27, 4) городищах были обнаружены целые экземпляры погремушек, относящихся к типу бочонковидных, по терминологии В. А. Городцова и К.А.Смирнова.

Миниатюрные сосуды

Так же как и погремушки, миниатюрные сосуды в большинстве своем фрагментированы, подсчитать их точное количество невозможно, к тому же часть венчиков таких сосудов может быть отнесена к теглям. В таблице 16 учтено 23 экземпляра, ещё

одиннадцать обломков в равной степени могут относиться к погремущкам, тиглям, колоколовидным подвескам и так далее.

При учете сосудиков нами была применена классификация И. Г. Розенфельдт (1974. Стр. 134 и следующие). Большинство предметов было отнесено к типу 3 — рюмкообразным, с толстым или тонким поддоном (рисунок 101), хотя в коллекциях представлены все типы. Один сосудик (рисунок 101, 7), по нашему мнению, имел вытянутую, в виде ванночки, форму. В таблице 16 он обозначен как светильник.

Как мы уже отмечали выше, часть сосудиков Городищенского городища связана со слоем прокалённой глины, причём два экземпляра хотя и происходят из разных участков, чрезвычайно схожи (рисунки 101, 1–2). Сосудик (2), показанный на рисунке 95, 2, найден в слое 8 насыпи вала.

На днище сосудика, найденного на городище Красно, есть отпечаток, похожий на крест (рисунок 101, 6). Крестообразные знаки также есть на сосудике из Троицкого городища (Розенфельдт И. Г., 1971. Рисунки 11, 33).

Тигли

К. А. Смирнов в своё время ввёл классификацию этих предметов, выделив два типа — тигли, или сосуды с длинной керамической ручкой, и льячки — глиняные ложки с рукояткой в виде втулки (1974. Стр. 67). Совсем недавно Е. Ю. Тавлинцева высказала мысль о том, что обе категории предметов являются тиглями, но тигли с втульчатыми рукоятками предназначены для лёгких свинцово-оловянистых сплавов и относятся к позднедьяковскому времени, в которое изделия из таких сплавов получают распространение*.

Тигли с толстыми сплошными ручками представлены двумя экземплярами. Тигель с Городищенского городища происходит из верхних угольных прослоек насыпи вала, в слое располагался вертикально, ручкой вниз (рисунок 102, 1, несколько обломков рукояти подклеить не удалось). Это не единственный случай находки тигля в насыпи вала, подобный

* Доклад Е. Ю. Тавлинцевой на заседании семинара «Археология Подмосковья» в феврале 2007 г.

факт отмечен в Ростиславле. По радиоуглеродным датам тигель из городищ может быть отнесён к концу I тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия н. э.

Тигель с городища Городна I найден в культурном слое, приблизительно он может быть отнесён ко второй половине I тысячелетия до н. э., скорее всего, он древнее I века до н. э. Экземпляр интересен тем, что ёмкость для металла у него несколько смещена вбок относительно рукоятки (рисунок 102, 3).

В нижних слоях насыпи вала городища Коробчеево I найден фрагмент пережжённого тигля с каплями металла (*Савицкий*, 1992).

Любопытно, что тигли с втульчатыми рукоятками, а также литейные формы для изделий из легких сплавов найдены только на тех единичных поселениях, где представлен материал позднедьяковского времени — Протопоповском, Щуровском и Ростиславле, на других дьяковских памятниках таких находок нет, и это, видимо, подтверждает идею Е. Ю. Тавлинцевой о разной датировке данных типов находок (2001; Доклады Е. Ю. Тавлинцевой на заседаниях семинара «Археология Подмосковья» в декабре 2003 года и в феврале 2007 года).

Орнаментированные плитки и подвески

Эта категория предметов традиционно связывается с культом (*Смирнов К. А.*, 1974. Стр. 66; *Кренке*, 1989. Стр. 81).

На Протопоповском городище найдена одна орнаментированная подвеска — лунница (рисунок 103, 1), на городище Красно одна плитка неопределённой формы с отверстием для подвешивания (рисунок 103, 8).

На Городищенском городище известно два подобных предмета: один пирамидальной формы (рисунок 103, 6), происходящий из слоя пахотного перекопа, и еще один микроскопический обломок с прочерченным и точечным орнаментом — из слоя 10 насыпи вала (рисунок 103, 4).

Любопытно, что до сих пор не найдено ни антропоморфных статуэток, ни орнаментированных табличек классического вида, без отверстий.

Бусы

Большинство найденных бус керамические. К. А. Смирнов выделяет два основных типа керамических бус — одноканальные и многоканальные (1974. Стр. 57).

Одноканальные самых простых форм: шаровидная (Городищи; рисунок 104, 2), коническая (Городищи; рисунок 104, 6), уплощённая («таблетки» и дисковидные — Городищи; рисунки 104, 1, 4, 5), цилиндрическая (Протопопово; рисунок 104, 9), а также орнаментированная, в форме бочонка (Красно; рисунок 104, 3) — все по одному экземпляру. Впрочем, бусина с Протопоповского городища, довольно крупная, может относиться к категории грузиков.

Костяная бусина дисковидной формы найдена в слое 10 насыпи вала Городищенского городища (рисунок 104, 1).

Каменная (известняковая) бусина (пока только одна), происходит из распаханного участка слоя Городищ (рисунок 104, 4).

Многоканальные бусины также не образуют серий (за единственным исключением) и известны в единичных экземплярах, большая их часть орнаментирована точками. Все известные нам многоканальные бусины найдены в Городищах.

Коническая двухканальная бусина (рисунок 104, 8) — подъёмный материал.

Умбовидная многоканальная бусина — из перекопа (рисунок 104, 11). Этой бусине можно назвать полную аналогию на Палецком городище (рисунок 111, 3).

Трапециевидная бусина происходит из слоя 10 насыпи вала (рисунок 104, 7).

Фрагмент многоканальной бусины найден в слое 8 насыпи, датированный временем около рубежа н. э. (рисунок 104, 10).

Колоколовидные керамические подвески

На Городищенском городище одна подвеска происходит из слоя тлена (рисунок 103, 2), вторая, сходная по типу, но орнаментированная, — из слоя «под прокалом» городища Городна I

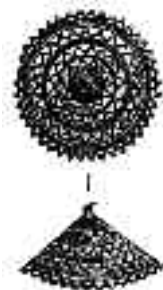
(рисунок 103, 3). Колоколовидные керамические подвески К. А. Смирнов относил к ранним периодам дьяковской культуры (1974. Стр. 58).

Металлические украшения и детали костюма

В этой категории находок разрыв между публикуемыми памятниками и коллекциями Настасьино и Ростиславля особенно велик — в первую очередь из-за широкого использования в последние годы металлодетекторов. На фоне этих памятников наша коллекция представлена единичными вещами.

Ременная нашивная бляшка с Городищенского городища (рисунок 102, 2) идентична бляшке с городища Топорок, отнесённой П. Н. Третьяковым к раннепьяноборскому времени (1941. Стр. 28). Б. Б. Агеевым подобные бляшки (тип 6) датируются первыми веками н. э. (1992. Стр. 43). Близкие предметы найдены на Мутёнковском городище (Сидоров, 2004. Рисунки 6, 9, 10).

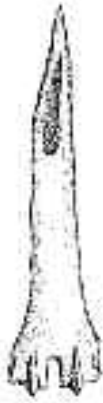
Щиток конической серьги (или умбоновидной подвески) обнаружен на Городищенском городище, на пашне (рисунок 102, 4). Сводку находок этой категории предметов опубликовала И. А. Сапрыкина (2007), ею же была предложена типология. Городищенский экземпляр не соответствует ни одному типу, хотя, вероятно, это результат слишком дробной типологии. Очевидно, что это коническая серьга с дужкой в центре щитка, с зигзагообразными линиями по краю и в центре щитка, близкая типам 2–4 по И. А. Сапрыкиной, и датирующаяся этим же временем — II веком до н. э. — II веком н. э. (2007. Стр. 38).

Иглы, проколки, булавки

Точное количество костяных проколки и булавок неизвестно, поскольку авторы довоенных раскопок не только не вели их подсчёта, но и зачастую относили к ним рыбы кости.

К. А. Смирнов, разработавший классификацию этой категории предметов, справедливо заметил, что грань между шильями, проколками и булавками весьма условна (1974. Стр. 44) и

без трассологического анализа разделение этих категорий невозможно. В. В. Сидоров, напротив, отмечал типологические различия проколов и булавок (2004. Стр. 116).

На Протопоповском городище одна костяная игла найдена во время раскопок М. В. Талицкого, тип её неизвестен (*Талицкий*, 1936б). Из слоя Коробчеевского могильника, расположенного на периферии Коробчеевского городища, происходит девять предметов, которые М. Г. Савицкий считал проколками дьяковского времени, однако по крайней мере часть из них является отходами косторезного производства. Одна проколка изготовлена путем заточки грифельной кости, еще у одной рукоятью служит естественное завершение кости (тип 6 по К. А. Смирнову), все прочие представляют собой обломки костей с подправленными остриями (рисунки 105, 1, 11–15).

На Городищенском городище также известна серия фрагментов проколов или игл — всего чуть больше десяти экземпляров (рисунки 105, 2–10). В одном случае заточена кость, в остальных обработка более тщательная, часть фрагментов имеет отверстия (рисунки 105, 6–8, 9). С Ростиславльского городища происходит одна железная булавка со спиральным навершием (*Коваль*, 2001б. Рисунки 2, 6). К. А. Смирнов считал подобные булавки характерными для Волго-Окского междуречья и относил их ко времени до рубежа н. э. (1974. Стр. 45). Прототипом таких булавок вполне могли послужить скифские бронзовые булавки (*Петренко*, 1978. Стр. 18. Таблицы 13–18). Находки же костяных проколов на всех соседних памятниках носят массовый характер (*Сидоров*, 2004. Стр. 116; *Коваль*, 2001б. Рисунки 10–16).

Каменные изделия

Большая часть находок кремневых изделий не может быть достоверно связана с дьяковским временем.

Три своеобразных макролита происходят с городищ Красно и Городищи (рисунки 106, 1–3) и типологически чрез-

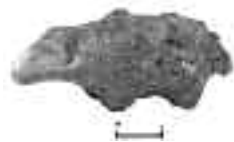
вычайно близки. Их характерным признаком является неровно оббитая рабочая часть (или даже забитая), а также следы ударов на противоположных концах. Внешне они схожи с рубящими орудиями мустьерского времени, хотя отсутствие патины и порода кремня позволяют исключить их ранний возраст. По назначению эти предметы могут быть чем-то вроде зубила, и, скорее всего, относятся к эпохе раннего железа. Из двух макролитов Городищ один (рисунок 106, 1) найден на поверхности площадки, на месте спланированной насыпи вала, второй (рисунок 106, 2) — на склоне городища. На Погосте Красно подобный предмет также найден в подъёмке, однако никаких следов поселения предшествующих эпох на памятнике не встречено (рисунок 106, 3). Насколько мы можем судить по публикациям, серия типологически чрезвычайно близких предметов происходит с Мутёнковского городища (Сидоров, 2004. Стр. 122). На Городищенском городище найдена серия отщепов, в том числе со следами использования (рисунок 107). В одном случае удалось установить связь одного из них со слоем погребённой почвы, которая содержит в себе сетчатую керамику типа Климентовской стоянки (рисунок 107, 6).

На селище Колычево II М. В. Талицким найдено два макролита в заполнении «очажной ямы» вместе с сетчатой керамикой (рисунки 106, 4, 5). Памятник по современной терминологии вполне может относиться к эпохе финальной бронзы, хотя тип сетчатой керамики, на нём обнаруженной, остаётся нам неизвестным.

На селище Берхино-2 найден утюжок — гладилка (рисунок 113, 3), который, по аналогиям на Дьяковом городище, может быть датирован I–II веками н. э. (Кренке, 1987. Рисунки 88, 23).

Единичные находки

Зооморфная фигурка (рисунок 103, 8), найденная на Протопоповском городище, неоднократно публиковалась (Сыроватко А. С., 1997б. Рисунок 1, 4; 1998). На фигурке выяв-

лены отпечатки пальцев подростка возраста 8–12 лет (*Сыроватко А. С., Елистратов, 2002*).

На том же Протопоповском городище в насыпи вала найдены упоминавшиеся в главе «Укрепления» две обработанные кости левого бедра человека (рисунок 108, 1, 2; *Сыроватко А. С., Козловская, 2004*). Когда эти находки публиковались, нам не были известны аналогии в дьяковской среде, хотя в других культурах их довольно много (*Медникова, 2004*). Теперь же они появились. Диафиз бедра человека был найден В. В. Сидоровым на Мутёнковском городище, причём условия находки также наводят на мысль о строительной жертве (*Сидоров, 2004. Стр. 109*). Кроме того, известны примеры так называемых закладных или строительных жертв, с использованием других частей тела людей и животных: на Бабушкинском городище использовался фрагмент обработанного человеческого черепа (*Башенькин, Васенина, 2006. Стр. 71*), на Пеньковском городище — трубчатая кость (видовая принадлежность не определена) (*Травкин, 1991. Стр. 93* и следующие), в Мутёнках — тушки зайцев, черепа собак, медвежьих лапы с когтями (*Сидоров, 2004. Стр. 109*). Не исключено, что следы подобного обряда встречены в Настасьино: в насыпи вала, в слое прокала, оказался конский череп с позвонками. Отметим и ещё одну аналогию Протопоповским костям — чрезвычайно сходная по характеру залощённости и следов использования трубчатая кость (фрагмент) с Селецкого городища, найденная И. Л. Чернаем (рисунок 108а, 3; Фонды Бронницкого музея, единица хранения А-4978).

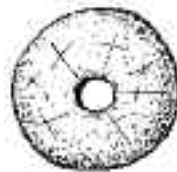
Из единичных находок отметим также тёрочник, найденный краеведами на селище Маришкино и хранящийся в фондах Воскресенского народного музея.

Как видно из приведённого перечня находок, их количество чрезвычайно мало для того, чтобы делать выводы. Остаётся надеяться, что будущие публикации материалов Настасьинского и Ростиславльского городищ в корне изменят эту ситуацию.

Вещевая коллекция Палецкого городища и проблема «признаков городецкой культуры»

Городище формально относится к территории, вынесенной в заголовок настоящей работы. В то же время памятник в литературе традиционно относился к городецким, как и близлежащие к нему городища (Луховицкое II, серия городищ у Перевитеска, Алпатьево и другие). Вот почему мы посчитали необходимым вернуться к дяковской части его коллекции, сопоставив её с достоверно дяковскими поселениями. История изучения городища и сохранившаяся часть материала, включая находки позднедяковского времени, публиковались ранее (*Сыроватко А. С.*, 2001а).

Выше уже упоминалась часть находок, которую нельзя было обойти вниманием, — наконечники стрел, грузик дякова типа и железные ножи. Но самую крупную серию находок в коллекции Палецкого городища составляют грузики различных типов и материала изготовления. Пирамидальные грузила (от сети?) представлены шестью экземплярами, причём только одно из них фрагментировано (рисунок 109). На некоторых экземплярах в верхней части, над ушком, видны чёткие отпечатки кручёной нити, один предмет имеет дополнительное отверстие малого диаметра (рисунок 109, 1). Н. В. Трубникова считала подобные находки отражением южного влияния (1950. Стр. 127). Однако подобные грузила известны и на соседних дяковских памятниках — на Ростиславльском и Настасьинском городищах (*Коваль*, 1999б; *Энговатова*, 2001). Цилиндрических известняковых грузиков (пряслиц?) семь, некоторые из них изготовлены очень аккуратно (рисунки 110, 1–3, 6). Керамических грузиков — десять, в том числе два блоковидных (рисунки 110, 4, 7–10; 111, 5, 7). Два грузика орнаментированы — на одном орнамент в виде крестообразных знаков процарапан после обжига (рисунок 110, 4), второй экземпляр орнаментирован по сырой глине точками (рисунок 110, 7). Цилиндрические и блоковидные грузики А. П. Смирновым, Н. В. Трубниковой были определены как один из при-

знаков городецкой культуры в её рязанском варианте (Смирнов А. П., 1952. Стр. 46; Трубникова, 1953). Заметим, что известняковые грузики известны и в юго-восточной части дьяковской культуры, хотя и в небольшом количестве — на Ростиславльском городище их обнаружено не менее трёх, ещё несколько экземпляров керамические, причём один из них — блоковидный (Коваль, 1999б. Таблица 21, № 151; 2000. Стр. 27. Рисунок 2, 12). Керамический грузик цилиндрической формы найден на Протопоповском городище (рисунок 104, 9). На Настасьинском городище найдена серия обломков грузиков из известняка, но форма их совершенно неопределима (Энгеловатова, 2001). На остальных дьяковских городищах юго-восточного Подмосковья подобные предметы пока не обнаружены.

Из костяных предметов интересна пряжка с неподвижным язычком (рисунок 113, 2). Аналогий в дьяковском мире ей известно множество, следует только отметить, что исследователи по-разному датировали эти предметы. Так, по мнению Х. И. Крис, костяные и роговые пряжки относятся ко времени около III века до н. э. — середины I века до н. э.; согласно А. Ф. Дубынину, они находились в употреблении до II–III веков н. э. (Крис, 1970. Стр. 169; Дубынин, 1970. Стр. 29). К. А. Смирнов, напротив, удревнял время бытования костяных пряжек до VII–III веков до н. э. (Смирнов, 1974. Стр. 46). Н. А. Кренке относит их к последним векам до н. э., что, учитывая распространение таких пряжек в пьяноборской культуре, вполне оправдано (Кренке, 1987. Рисунок 88; Агеев, 1992. Стр. 43). Помимо пряжки, костяные изделия представлены скребками или ножами — всего четыре экземпляра (рисунки 112, 1, 3–5), долотовидным орудием (рисунок 112, 2) и обломками проколов (рисунки 113, 3, 4).

Из предметов мелкой глиняной пластики в коллекции есть две многоканальные бусины — разделители с орнаментом (рисунки 111, 1, 3) и две колоколовидные бусины (рисунки 111, 2, 7), а также фрагменты миниатюрных сосудиков (рисунки 111, 4, 6). Колоколовидные бусины сходны с бусами из

Городищ, а керамическая умбоновидная многоканальная бусина, как уже отмечалось, в материалах Городищ имеет прямую аналогию (рисунок 104, 11).

Как видно, обилие грузиков и грузил, с одной стороны, является заметным отличительным признаком памятника, с другой в самих находках нет ничего удивительного, и на дьяковских поселениях, по крайней мере Оки и нижней Москвы-реки, подобные предметы есть. Кроме того, вряд ли стоит выделять отличительные признаки по сохранившейся части коллекции, имевшей непростую судьбу. Возможно, что цилиндрические и блоковидные грузики являются работающим признаком городецких памятников, но тезис этот нуждается в дополнительной аргументации, получить которую можно путём новых раскопок многочисленных городищ правобережья Оки. Возможно также, что он справедлив только для периода рогожной керамики, а не для всей истории поселений, расположенных на городецкой территории.

Многое могла бы рассказать керамика памятника, но нам неизвестно, сохранилась ли эта часть коллекции А. В. Дмитриевской. Подъёмный керамический материал собирался также в течение нескольких лет сотрудниками Луховицкого музея (памятник разрушается грабительскими ямами), и небольшая серия фрагментов в фондах музея есть. Выборку с поверхности памятника нельзя считать репрезентативной, но любопытно, что в ней также нет ничего экстраординарного (таблица 12). На памятнике найдена сетчатая керамика всех типов фактур — с нитчатыми (рисунок 50), рябчатými мелкочаеистыми и крупночаеистыми отпечатками (последние в том числе нанесены на отогнутые наружу венчики с двух сторон; смотри: *Монгайт*, 1961. Рисунок 14а, вверху слева). Нитчатая керамика в сборах несколько преобладает, а рогожная представлена только четырьмя фрагментами. Видимо, на этом памятнике происходили те же культурно-исторические процессы, что и на поселениях коломенской группы.

Памятник, вероятно, не стоит относить к городецкой культурной традиции, по крайней мере на всем протяжении его

существования, — такой вывод можно сделать на основании материалов, имеющихся в нашем распоряжении (а они могут неадекватно этот памятник характеризовать). Однако немало важно и другое: оказывается, в нашем распоряжении нет надёжных признаков, позволяющих отличить дьяковскую культурную традицию от городецкой. Сравнение керамических комплексов продемонстрировало, что и на дьяковских, и на городецких поселениях не было непрерывной линии развития одной традиции керамического производства. Но даже если считать городецкими только горизонты слоя с доминирующей рогожной керамикой (а не памятники в целом), то в чём отличие их вещевого комплекса от синхронных горизонтов окских дьяковских поселений, непонятно. Любопытно, что попытка выделить «каширскую культуру», предпринятая В. В. Сидоровым, дала, на наш взгляд, похожий результат (2006а). Керамика памятников каширской группы обладает яркими отличительными чертами, а остальные сферы материальной жизни — вещевой инвентарь, домостроительство и так далее — нет (*Лопатина*, 2006. Стр. 90–91).

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проведение палинологических исследований на дьяковских поселениях в последнее десятилетие стало обычным явлением. В результате накопился материал, нуждающийся в интерпретации уже не по отдельным эпизодам, а на уровне регионов и групп памятников.

Первый опыт палинологических работ на памятниках железного века связан с самим Дьяковым городищем. Эта работа была начата В. С. Гуновой (*Гунова и другие*, 1996), хотя на соседних, городецких памятниках он был апробирован ещё раньше (*Фолэмеев*, 1992). Затем последовали исследования городищ коломенской группы — Протопоповского, Городищенского (*Сыроватко А. С., Спиридонова*, 2002), Настасьинского (*Алёшинская, Спиридонова*, 2002), а также географически близких памятников и геологических разрезов (*Массалитина и другие*, 2000; *Спиридонова, Алёшинская*, 2004). Появились и первые обобщения результатов применения метода (*Алёшинская, Спиридонова*, 2003; *Спиридонова, Алёшинская*, 2004), хотя эти исследования не содержали исторических реконструкций.

Применительно к коломенским городищам палинология первоначально воспринималась нами как один из методов изучения укреплений городищ. Наш опыт работы на

Протопоповском и Городищенском городищах показал, что палинология может дать очень ценные наблюдения о характере формирования прослоек в валах (*Сыроватко А. С., Стирридонова, 2002*). Так, на Протопоповском городище были зафиксированы моменты, когда между отложениями прослоек суглинка выявлялся временной промежуток визуально не читаемый. С помощью этого же метода можно было интерпретировать происхождение гумусированных прослоек как перемещённый слой (взятый с площадки и уложенный в вал), как смыв слоя или как слой, образовавшийся на самом валу, — во всех этих случаях визуально прослойки выглядели одинаково. С учётом того, что валы дяковских и городецких городищ содержат археологический материал, а в прослойках находятся комплексы, редко встречаемые на площадках, перечисленные моменты оказываются чрезвычайно важными для понимания стратиграфии вала. Применительно к исследованию укреплений палинология выступила в качестве метода, перепроверяющего выделение комплексов находок из насыпей. Что же касается климатических и палеоландшафтных реконструкций, то первоначально, особенно с учётом специфики отбираемых колонок, они только способствовали накоплению материала по изменению природных процессов и отходили на второй план.

Данные, поставляемые палинологией, нуждаются в критическом анализе, как и любой другой источник (споро-пыльцевые диаграммы приведены на рисунках 114–118). «Сомнения пользователя» наиболее последовательно изложены А. Н. Сорокиным, и ко многим его замечаниям стоит прислушаться (*Сорокин, 2006б*. Стр. 69 и следующие). Мы, со своей стороны, можем указать ещё на одно «узкое» место — на отсутствие точных датировок фиксируемых перемен. Сама по себе палинологическая шкала, построение которой началось до появления радиоуглеродного метода, с точки зрения хронологии весьма приближительна, а радиоуглеродные даты уточняли её, не сообщая желаемой точности. Ведь если для объектов и арте-

фактов разброс датировок, особенно с учётом применения калибровки, велик, то и отслеживать климатические изменения в пределах одного столетия довольно проблематично.

Однако для эпохи железного века, в особенности для рассматриваемого региона, палинологические данные являются, на наш взгляд, важным и интересным источником. Во-первых, надёжность метода значительно возрастает, когда палинологическая колонка отбирается из толщи, накопление которой происходит с экстремальной скоростью, — и это признаётся критиками метода (*Сорокин, 2006б. Стр. 73*). Формирование палинологической шкалы для дьяковских памятников было осуществлено В. С. Гуновой и Е. А. Спиридоновой на основании материалов Дьякова, Протопоповского и Городищенского городищ, позднее добавились также Воротыньск и Настасьино. Мы уже останавливались выше на том, что культурный слой Дьякова городища по мощности сам по себе аномален, — нам неизвестны другие поселения дьякова типа с таким мощным слоем. Повторим ещё раз, что аномалия эта нуждается в объяснении, поскольку от неё зависит и корректность всех прочих построений относительно этого памятника (да и всей культуры). Однако применительно к палинологии здесь соблюдается главное условие — быстрота осадконакоплений, сохраняющая пыльцу в слое. Что же касается Протопоповского и Городищенского городищ, то при использовании палинологии на этих памятниках попутно выяснилось, что подсыпки насыпей сохраняют не только комплексы артефактов, в равной степени они также сохраняют и споро-пыльцевые комплексы. Колонки, полученные по прослойкам из валов, не столь дробны, как хотелось бы, но, обладая условием «экстремального осадконакопления», надёжны.

По этой причине сомнения в корректности метода возможны, но только в отношении колонок, взятых с жилых площадок, обладающих сравнительно тонким слоем, как в Настасьино (мы не раз обращали внимание на возможность перемещения артефактов в жилом слое площадок, в том числе

и этого памятника, то же можно сказать и о пыльце). Но даже в этих случаях возможна перепроверка выводов, поскольку эталоны уже существуют — на Дьяковом и Протопоповском городищах.

Что же касается точности датировок радиоуглеродным методом, то и это не упрёк палинологии. Ведь, если поставить задачу увязать изменения в пыльцевых спектрах с изменениями в материальной культуре, окажется, что основания для датировок в археологии и палинологии едины. Улучшение качества дат автоматически изменит картину к лучшему и в археологии, и в палинологии.

Что, собственно, удалось установить благодаря споропыльцевому методу?

Общая климатическая история региона выглядит следующим образом.

Периодом климатических перемен следует считать интервал 2600–2500 л. н. или середину VII – середину VI веков до н. э. (вероятно, ближе к нижнему пределу этого отрезка). На это время приходится максимум похолодания, распространение темнохвойной тайги. Однако и археологические источники считают это время переломным. Применительно к памятникам коломенской группы где-то в это время завершается период господства древностей типа Климентовской стоянки с нитчатой керамической традицией и распространяется керамика с рябчатыми отпечатками и орнаментацией гребенчатым штампом. Происхождение этой керамики большинство исследователей связывает с более северными районами, в частности с Верхневолжским регионом. Трудно сказать, есть ли преемственность между этой керамикой, как и Климентовской, относимой обычно к финальной бронзе, с керамикой дьяковского времени. Однако с этого момента нитчатая керамика изготавливается только в более южных землях, на городецких городищах Оки. Именно в это время происходит наиболее активное освоение площадок городищ, переход с более низких, по отношению к уровню воды, поселений на края высо-

ких террас* (или новую традицию — селиться высоко — приносят с севера?). Любопытно, что в это время отмечено прекращение существования Климентовской стоянки как стационарного поселения (*Фоломеев и другие*, 1988. Стр. 187).

Последующий период характеризуется медленным потеплением климата при сравнительно высоком уровне воды в реках и озёрах. Процесс постепенного потепления и уменьшения влажности продолжался до следующего перелома, приходящегося на интервал 2200–2100 л. н. или середину III–II веков до н. э. Это был период климатической нестабильности, когда значительные потепления сменялись сильными похолоданиями и наоборот, что приводило к существенным изменениям растительности и ландшафтов. В конце этого периода наступает потепление, уровень которого значительно превысил потепление периода V–III веков до н. э., тёплый период продолжался как минимум до рубежа эр.

И снова период климатической нестабильности совпадает с периодом изменений в материальной культуре. На поселениях коломенской группы опять распространяется нитчатая керамика, которая, видимо, происходит с городецких городищ Оки. Примерно на это же время приходится и смена нитчатой керамики на городецких городищах ещё более южной, рогожной керамикой. Похожие по своему значению изменения происходят и в других регионах дьяковской культуры. Нитчатая керамика доминирует в комплексах коломенских городищ весь тёплый период, который Е. А. Спиридонова считает временем максимального увеличения пахотного клина и наибольшего воздействия человека на природную среду.

Последующий период, от первых веков н. э., палинологически пока изучен плохо. Известно только, что это время нового похолодания. Меняется и облик материальной культуры — распространяются древности позднедьяковского круга, на коломенских городищах появляется сильнопрофилированная керамика с крупноячеистым рябчатым отпечатком.

* На похолодание климата как на причину перехода населения на высокие участки рельефа обратил внимание Б. А. Фоломеев (Фоломеев, 1992. С. 82). Возможно, именно поднятием уровня рек можно объяснить факты нахождения сетчатой керамики на пляже возле уреза воды (ул. Набережная) или даже ниже современного уровня реки («Полигон артучилища»)

В целом же складывается ощущение, что на коломенских поселениях поочерёдно сменяли друг друга условно «южные» и «северные» традиции и эти колебания совпадали с потеплениями и похолоданиями. Возникает вопрос, не являются ли климатические изменения причинами периодических смен традиций в материальной культуре? Вряд ли сейчас возможно дать на него однозначный ответ. Прежде всего потому, что мы не располагаем точными датировками и климатических, и культурных перемен. Кроме того, влияние климата могло быть опосредованным: так, например, перемены климата могли изменить образ жизни в III–II веках до н. э. не дьяковского населения и даже не носителей рогожной керамики, а, к примеру, каких-то степных популяций. Пожалуй, в настоящее время целесообразно ограничиться только констатацией совпадений климатических и культурных трансформаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог рассмотрению материальной культуры поселений коломенской группы, заметим, что любая интерпретация материала не может являться ни одновариантной, ни окончательной. Мы не исключаем возможности иной трактовки, хотя представляется, что имеющиеся данные интерпретированы нами верно. Нашу работу сильно осложняет минимальное количество вещевого материала, отсутствие публикаций раскопок последних лет. Этим объясняется наше, возможно, несколько преувеличенное внимание к керамике. Во многих случаях даже термин «культурные традиции» заменён нами на «керамические традиции», а распространение культур или культурных типов — на распространение керамики. В то же время керамика как источник обладает, на наш взгляд, значительным потенциалом.

Каковы же основные выводы?

1. В истории развития керамики на поселениях коломенской группы выделяется несколько периодов, смена которых означала существенные перемены в керамическом наборе, происходившие в сравнительно короткие сроки. Это период финальной бронзы, продолжавшийся до VII–VI веков до н. э.; мелкочаеистой рябчатой керамики, интервал которого прихо-

дится примерно на V–II века до н. э.; период нитчатой керамики, выпадающий на II век до н. э. — II–III века н. э.; период сильнопрофилированной керамики с крупночешуйстым рябчатым отпечатком II–III веков н. э. или позднее и, наконец, позднедьяковское время, наступающее в III–IV веках н. э. Возможно также, что появление мелкочешуйстой рябчатой керамики с гребенчатым штампом в период до V века до н. э. могло быть самостоятельным явлением. Простое перечисление периодов наглядно демонстрирует, что перемены совпадают с основными периодами в истории дьяковской культуры, определёнными К. А. Смирновым и Н. А. Кренке (*Смирнов К. А.*, 1994. Стр. 89 и следующие; *Кренке*, 1987. Рисунки 86–90. Стр. 125–130).

2. Перемены в керамическом комплексе были не единственными. Так, период II–I веков до н. э. является не только «временем начала доминирования нитчатой керамики», но и «временем массовой перестройки укреплений». Вряд ли это совпадение случайно, особенно с учётом того, что нитчатая керамика обнаруживает южное, городецкое происхождение.

Анализ ювелирных технологий привел И. А. Сапрыкину к выводу об изменениях в организации ювелирного комплекса дьяковской культуры, приходящихся на II–I века до н. э. — I–II века н. э. (*Сапрыкина*, 2007. Стр. 180). Это явление также совпадает с переменами в системе оборонительных сооружений и керамическом комплексе. И. А. Сапрыкина видит южные, причерноморские параллели в новых технологиях, а их приход связывает с наступлением общих изменений в дьяковской среде и возможным усилением военной опасности, исходившей из степных районов* (*Сапрыкина*, 2007. Стр. 181). Наши материалы позволяют судить об этом более определённо: мы видим отчётливые признаки (не только керамику, но и строительную технологию) материальной культуры поселений, расположенных в городецком ареале, относящиеся ко времени «до массового появления рогожной керамики». Южное, или городецкое, направление связей, судя по появлению в слоях этого времени рогожной керамики, сохраняется. И, наконец,

* М. Г. Гусаков также предположил, что крупные изменения в жизни дьяковского населения могут быть связаны со значительными подвижками населения, происходившими в III–II веках до н. э. в южных областях (*Гусаков*, 2007. С. 43). Правда, он полагал, что исходный импульс исходил с милоградской территории и с левобережья Днепра. Но почему, учитывая масштаб событий, эти же процессы не могли происходить в верховьях Дона и на Средней Волге?

нельзя не отметить, что резкие перемены в жизни одних поселений совпали с прекращением или затуханием жизни на других, — имеется в виду каширская группа памятников (*Сидоров, 2006а. Стр. 13; Лопатина, 2006. Стр. 91*).

3. Мы не можем сопоставить другие керамические периоды со столь же яркими переменами в других сферах материальной культуры в первую очередь из-за нехватки фактического материала. Хотя, например, появление городищ, укрепленных одним рвом без вала, является, похоже, распространенным явлением эпохи финальной бронзы, в которую на рассматриваемой территории доминируют древности типа Климентовской стоянки. Однако представляется, что эти смены периодов, фиксируемые по керамике, по аналогии с переменами II века до н. э. могли быть не менее значимыми.

Выводы, сделанные на основании анализа керамического материала, носят более частный характер:

1. Основные типы керамики в первую очередь выделяются по способу обработки поверхности, и на рассматриваемой территории это наиболее работающий признак. На других территориях дяковской и городецкой культур, где керамический материал внешне выглядит более однородным, необходим, видимо, более тонкий анализ всех составляющих — рецептур теста, морфологии посуды и так далее. Но на Средней Оке способ обработки поверхности пока остаётся наиболее ярким признаком.

2. Типы керамики на разных локальных территориях и в разные периоды являлись доминирующими в комплексах. Внешне это выглядит именно как преобладание. Затратив немало усилий на то, чтобы установить степень их культурной обособленности, мы пришли к выводу, что тип керамики, преобладающий на данной территории в конкретный период, может претендовать на роль некоего культурного маркера. Облику керамики, определяющемуся или по способу обработки поверхности, или по типам отпечатка, возможно, в железном веке придавалось особое значение, и за типом керамики

может скрываться собственно «культурный тип» в том значении термина, которое придавал ему Л.С.Клейн. Такими яркими «культурными маркерами» являлась керамика типа Климентовской стоянки, сетчатая с гребенчатым штампом, рогожная, нитчатая, рябчатая разных типов, гладкостенная каширского типа и, наконец, керамика позднедьяковского периода. На разных территориях и в разное время перечисленные типы керамики служили визитными карточками групп памятников или хронологических отрезков.

3. В случае если наш подход к керамическому материалу, суммированный в предыдущем абзаце, верен, керамика может быть превращена в инструмент, использование которого позволит фиксировать более общие и глобальные процессы, происходившие в лесной зоне, чётче отслеживать контакты внутри дьяковского ареала, обозначить направление связей, отмечать перемещение населения (при условии, что керамика соответствует группе населения) одним словом, выходить на реконструкцию конкретных исторических событий, что раньше для «дьяковской археологии» представлялось почти невозможным. Керамика ярче, чем вещевой инвентарь, очерчивает локальные группировки населения, отмечая практически этнографические различия.

Отдельный вывод можно сделать о сущности понятия «локальный вариант». Наши наблюдения показывают, что локального варианта как такового не существует, — нет непрерывной линии развития территории с неизменными границами. Соседние группы памятников могли иметь существенные различия в материальной культуре, но в результате каких-то процессов они нивелировались. В то же время резкие перемены, ставящие под сомнение преемственность в развитии, могли затрагивать одни локальные группы и не касаться других. История территориально обособленных групп памятников, возможно, была совершенно разной, никак не повторяя историю дьяковской метрополии, которой, похоже, не существовало, — рассмотренная нами группа памятников, как и соседняя,

на протяжении всего железного века испытывала воздействие культурных импульсов с юго-востока, а не с северо-запада. Нам показалось, что размывается не только понятие «локальный вариант», но и «культура», по крайней мере применительно к группам памятников в дьяковско-городецком пограничье. Вряд ли стоит искать границу между дьяковской и городецкой культурами, уместнее определить границу между группами поселений с рогожной и нитчатой керамикой, а также понять, какую же, собственно, территорию в каждый отдельный исторический период занимали поселения с рогожной керамикой. При этом совсем необязательно, чтобы дистанция между рогожной и сетчатой керамикой в древности была большей, чем между сетчатой и гладкостенной каширского типа или рогожной и гладкостенной бассейна Суры. Степень различия между ближайшими дьяковскими и городецкими памятниками такая же, как у дьяковских или городецких поселений из разных локальных вариантов. Такой подход может привести к дроблению археологических культур на самостоятельные группы памятников. Да и пример в виде «каширской культуры» уже есть* (Сидоров, 2006а).

* Городецкая культура в таком случае, территориально сократится до сравнительно небольшой территории правобережья Средней Оки, а хронологически останется в пределах не более чем III в. до н. э. — первых вв. н. э.

South-East Moscow Region during the Iron Age: local variants of D'yakovo culture.

The object of the monographic study is a complex of Iron Age sites in south-eastern part of Moscow Region. The territory corresponds to the lower Moskva river, middle Oka, within the limits of Moscow region. The main part of the sites is concentrated near Kolomna town (Kolomna group), but at the same time the results obtained from Kashira sites' excavations and a group of sites in middle and upper Moskva river are also used as a comparative model.

History of investigations of D'yakovo sites in South-East Moscow Region.

Iron Age fortified hillforts were first mentioned in the first half of the XIXth century by Zorian Hodakovsky and Konstantin Kalaidovich. They were the first to discover hillforts in Russia and also the first who started discussion about nature and function of them which is now still continued. Hodakovsky considered hillforts to be the remnants of pagan Slavic sanctuaries, while Kalaidovich insisted that these are fortified settlements. The excavations of Kolomna group sites were done during Soviet time: N.P. Milonov, studying the middle-age Kolomna, did a test-pit at Gorodischi hillfort in 1935. M.V. Talitsky was the first to examine the region in details, in 1936 he made a test-pit at Proto-

popovo hillfort. Since that time until the 90th of the XXth century there were no investigations of Iron Age sites, the only exclusion was episodic work done by M.G. Savicky and R.L. Rosenfeldt. In 1996-1998 the excavations were done by the author at the following sites: Gorodischi, Protopopovo, Gorodna 1, Berkhino 2, Pogost Krasno. In 1999-2000 Nastas'ino hillfort was investigated by A.V. Engovatova. Since 1993 until nowadays V.Yu. Koval' have lead investigations at Rostislavl' hillfort. In 2001-2007 V.V. Sidorov did excavations at several hillforts of Kashira group. As a result, South-East Moscow Region has become one of the best-investigated area of D'yakovo culture expansion.

Topography and the system of dwellings' disposition.

This chapter is devoted to the sites' disposition and description of topography peculiarities. Two basic consistent patterns are distinguished: hillforts and dwelling sites attendant to them are associated with high and abrupt river banks and there are practically none of them at small rivers and their tributaries. Hillforts' localization in special concentrated areas depends on the river banks relief, so the lacunas between groups of hillforts is defined by the nature itself. At

the same time the author does not exclude that primordial disintegration could define a kind of cultural disintegration. As for microrstructure – hillfort and the surrounding group of dwelling sites – such a system can be partially reconstructed for one site only – Gorodischi hillfort near Kolomna. The reason is obvious – high urbanization of the territory and not so detailed tests.

Kolomna group fortifications.

Analyzing the structure of fortifications, the author deals with one of the main problems of Russian science – military function of ramparts. He accepts the idea that ramparts and ditches' construction was primarily intended on defense.

Kolomna group fortifications were investigated by means of test-pits, trenches and in one case – Nastas'ino hillfort - all the surface was excavated. During these investigations there were collected lot of species for palinological and radiocarbon analyses. At the majority of hillforts there are found fortifications with the only rampart and one ditch, though there is one case of combination of 2 ramparts with a ditch between them (Korobcheevo 1). For the Final Bronze period (end of the IInd-beginning of the I st millennium BC) there are known some cases of one small ditch without a rampart (Gorodischi, Nastas'ino).

The ramparts possess the following structure peculiarities. The majority of them consist of mainland loam, however, there is a

great number of artifacts – pottery pieces and individual artefacts. Palinological results permit to say that the use of redeposited cultural layer in the rampart body was rare, the artefacts fill in the rampart due to some other reasons (ritual deeds are not excluded). In the rampart body of clay are often found layers of buried clay and charcoal, what found analogies in Gorodetskaya culture as well as at Scythian and Sarmatian sites. The origin of these layers remains uncertain (neither 'technological' nor 'ritual' hypothesis are not excluded). In any case, these layers in the rampart body give a combination of stratified material and radiocarbon data, what makes possible to use them for chronological schemes. This fact is more than useful as such stratified layers on living spaces of hillforts are rare, moreover, there are no inhumations and household pits. In such layers of the ramparts palinological spectra are preserved much better. Palinological data received from such layers of ramparts (many times reconstructed) are more reliable than those received from cultural deposits of living space. Moreover, palinological method made it possible to define in the ramparts peculiar rejuvenations and "paleo surfaces" with high precisement, what made possible to reconstruct the process of rampart building and filling of the ditches.

Radiocarbon datations show that the most intensive period of fortification building was between II-I centuries BC – I-II centuries AD.

Dwellings of Kolomna group sites.

The main type of dwellings during the Iron Age on the territory of Central Russia was an above-ground house, the remnants of which are in the form of trenches with small pits rest from piles. The dwellings themselves could be either “long houses” or rather small of one- or three chambers. For many years after Gorodtsov’s excavations in 1920s subterranean dwellings (semi subterranean dwellings) were considered typical for D’yakovo culture, but analysis of this materials done by the author led to the conclusion that it was a mistake of methodology used at that time

D’yakovo culture pottery on the sites of Kolomna group.

D’yakovo culture pottery is divided into 2 major groups – textile pottery and smooth-wall pottery. At the beginning of this chapter is presented methodology of classification of pottery types and their chronological attribution. Textile pottery is the main aspect of investigation. Collections of Nastas’ino and Rostislavl’ sites proved that neither raw material components nor (the majority of cases) pottery forms are typological criteria. Textile imprint is the most informative aspect of investigation relating to D’yakovo pottery. In his definitions of imprint types the author uses Gorodtsov’s terminology, who divided it into “thread” and “cell” pottery. The last one is divided into big- and small cell imprints. Textile

pottery chronological scheme for Moskva river basin is the following:

Early period: Final Bronze - middle of the 1st millennium BC. During this period “thread” type of pottery (Klimentovskaya site type) dominated.

V-III centuries BC – period when “small cell” imprint dominated.

II century BC (may be III century BC) – first centuries AD – period of fortifications rebuilding; “thread” imprint dominates.

Final stage of textile pottery existence - appearance of “big cell” imprint texture and profiled pot types in the I-II centuries AD.

Another aspect of investigation included the degree of cultural dissimilarity of the described pottery types. It was performed in two ways: the materials of Kolomna group sites were compared with neighborhood territories. Collections of small dwelling sites were analyzed looking for those which functioned during a definitely short time period. Such interpretations are the only possible as cultural deposits of hill-forts’ living space possess such characteristics which do not permit to improve the quality of material (nowadays):

- high degree of deposits’ perturbation due to high percent of organic material – reed concentrations, wood remnants, a lot of dung, underground animals’ activity, etc.

- lack of “closed” complexes, as there are no graves with tools as well as household pits, cellars - otherwords, main sources of complexes which are key for the sci-

entists who study ancient Russian and middle time pottery.

The conclusion of the author is the following: different types of surface manufacturing are rather isolated both chronologically as territorially

Next stage of investigation is change of pottery complexes of Kolomna group sites in comparison with neighbor hillforts — Gorodetskaya culture (middle Oka), Kashira and Moscow group sites. The comparison showed that all the groups had specific pottery types which differed in the main type of surface manufacturing, and difference between these groups are rather evident. This made it possible to conclude that type of pot manufacturing in general and type of textile imprint in particular can be a mark for cultural groups in similar environment. This data made it possible to reconstruct ethnic and social processes inside D'yakovo and Gorodetskaya cultures; as previously all textile imprints were treated as one complex without ranging into culturally significant types.

For the Final Bronze time a unique phenomenon is wide extension of “Klimentovskaya site” type materials. Sites of this type are known in Oka river basin near Ryazan', at Kolomna group sites (“Bludechko”, Gorodishchi, Gorodna II), at upper and middle Moskva river (“Chortov gorodok”, Borscheva, “Hram Tserery” in Tsaritsyno); and even at Kashira group sites (Koltovo), which belong to another tradition with smooth-wall

pottery similar to “bondarihinskaya”.

During D'yakovo times (VI–V centuries BC) the tradition of “thread” imprint pottery was used at the sites of Gorodetskaya culture while at Kolomna group sites “small cell” imprint dominated just the same as in Moskva river basin, at Kashira group sites smooth-wall pottery of a particular “kashira” (def. by V.V. Sidorov) type is used.

At Gorodetskaya culture sites “thread” imprint type is changed by “wafe” imprint (“rogozhnaya”), but the time of this change is not dated precisely. It is possible that it fits the period IV–II centuries BC. Later, at Kolomna group sites “cell” imprint is changed for the “thread” one. This happens about II century BC and this time became a very important period. “Thread” imprint comes from Gorodetskaya culture of Oka, where it is replaced at this or previous time by “wafe” imprint (“rogozhnaya”). Along with “thread” imprint extension there starts all over fortifications' reconstruction with the use of ‘buried ramparts’ method (what was previously used only at Scythian and Gorodetskaya culture hillforts). “Thread” imprint now dominates at Rostislavl' site (which was previously attributed to Kashira group type) and appears at Kashira group sites. In the basin of upper Moskva river at this time smooth-wall pottery is used, it replaces textile pottery. In middle Moskva river basin “big cell” imprint is used.

First centuries AD brought new changes — they were marked by the extension of “high-

ly profiled” pottery with “big cell” imprint. It is not known from where came this tradition – usually it is attributed to Late D'yakovo tradition, but this type of pottery exists at the same time on the territory of Gorotetskaya culture. The appearance of Late D'yakovo time artifacts at Kolomna group sites happens later than at Gorodetskaya culture sites, Kashira and Moskva river sites. The use of textile pottery continues in II and III centuries AD. There are only three Late D'yakovo sites and they are concentrated at the bank of Oka river: Protopopovo, Shchurovo, Ust'-Matyra 1. The rest of the territory seems to lack them.

This scheme of pottery complexes' evolution fixes situations of different territories' unity (a unique pottery tradition) as well as situations of these traditions' disintegration. There are also recorded situations of both temporary and territorial switch of definite elements. First of all, we mean “thread” imprint and “big cell” tradition. The situation is viewed as a mosaic with synchronic and switched elements. “Mosaic” position of definite elements in these scheme, change of their places inside this scheme, according to A.S. Syrovatko, is the only right explanation model.

Main results of D'yakovo sites' pottery study (inside South-East Moscow Region) are the following:

1. The comparative analysis performed showed both unique phenomena which happened on the vast territories (but com-

ing from definite places) and cultural disintegration of some groups of sites at definite time periods. Such disintegration (not less than similarity) is one more argument to the idea that pottery types mark cultural types which indicate cultural traditions.

2. Studying of local territories in the context indicates on discrete territorial differences (“horizontal”). However, local groups of sites do not always possess unique characteristics, we mention situations when great number of local groups are united by common characteristics of material culture (and sometimes it was vice versa). In fact, groups of sites in the basins of Oka and Moskva rivers are unique only due to the nature conditions, and primarily, - differences at this or that part of the river bank. This fact presupposes a kind of territorial disintegration what can fix obvious cultural differences or even preserve them. At the same time it is not a non-overcoming border for innovations' intrusion when cultural tendencies are really strong.

3. Local variants possess also discrete characteristics of another kind – chronological (“vertical”). Chronological stages on a particular territory divide and show rather radical changes (change of pottery complexes, intensive fortifications' building, change of links directions) which happened at definitely short periods of time. It is highly possible that these changes mark definite historical events (or phenomena). Earlier they distinguished only one period

of this kind – change of “textile” (D'yakovo) tradition by Moschinskaya (Late D'yakovo). However, we can observe such changes during D'yakovo period as well. As far as we can judge, these changes, the distance between “wafe” (“rogozhnaya”) and “thread”, “cell” and “thread”, “textile” and Late D'yakovo pottery is equal. These means that changes of Early D'yakovo period are not less significant.

Artifacts of Kolomna group sites.

In this chapter we describe categories of things from this territory excluding Nastas'ino and Rostislavl' hillforts. Materials of these sites, excavated on large territories, will be published in another issue.

Palinological aspect.

This chapter includes data about climate and landscape changes around the hillforts in the I millennium BC. These data are rather episodal nowadays and climatic changes' datations are not so precise, but the author mentions coincides of climatic changes with significant changes in material culture of D'yakovo hillforts (Kolomna group) inhabitants.

After a comparatively warm period during the Bronze Age (2600-2500 years ago) there comes a cold period. During this time starts intensive inhabitation of high landscape zones (organizing living spaces). Besides, at Kolomna group sites a northern (upper Moskva river) tradition of textile

pottery is spread instead of southern (middle Oka) tradition. Further is registered a slight warmness of the climate.

A new significant change occurs in the III-II centuries BC. This is a period of climatic non-stability, which ended with a significant warmness and which continued till the change of millennia. During this time changes in material culture are registered – distribution of “south” tradition pottery, intensive fortifications' building, change of orientation in jewelry production on the centres at the Black Sea coastline. Palinological data show that this was the time of maximum soil ploughing.

First centuries AD marked a new cold period. At this time classical D'yakovo culture transforms into Late D'yakovo.

The author doesn't insist on a direct link between changes in material culture and climatic changes because of lack of knowledge on this problem, though they are described.

Conclusion

This chapter is a compilation of conclusions from all the rest chapters. The main are: definition of pottery types on the basis of surface manufacturing types; link between pottery characteristics' changes (change of imprints' types and pot forms) with definite chronological stages; coincidence of changes in different spheres of material culture; coincidence of these changes with climatic changes.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А., 1989. Основы археологии. М.

Агеев Б. Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Алешковский М. Х., 1970. Отчёт об археологических раскопках в г. Коломне в 1969 г.: Успенский собор, Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря // Архив ИА РАН. р-1. № 4232.

Алешковский М. Х., 1971. Отчёт об археологических раскопках 1970 г. в Коломне: Успенский собор XVII в., Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря XVIII в. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4386.

Алешинская А. С., Стиридонова Е. А., 2002. Изменения природной среды и влияние на нее человека в окрестностях г. Коломны в железном веке и средневековье (по данным палинологического анализа) // КСИА. Вып. 213. М.

Алешинская А. С., Стиридонова Е. А., 2003. Изменение природной среды в бассейне р. Оки в железном веке // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень.

Антитина Е. Е., Вишневский В. И., Козловская М. В. Погребение на позднедьяковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 4. Т. II. 2001.

Археологическая карта России: Московская область. Часть 4. М., 1997.

Бадер О. Н., 1950. Древние городища на верхней Волге // МИА. № 13.

Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб.

Башенькин А. Н., 1996. «Домик мёртвых» Куреваниха XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 2006. Культовые постройки городища у д. Бабушкино // Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

- Бирюков И. Е.*, 1993. Городище Перехвальское II // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань.
- Бирюков И. Е.*, 1998. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж.
- Богоявленский С. К.*, 1947. Материалы к археологической карте Московского края // МИА. № 7.
- Буйнов Ю. В.*, 2006. К вопросу об исторических судьбах племён бондарихинской культуры // РА. № 2. М.
- Вихляев В. И.*, 2000. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск.
- Вишневский В. И.*, 1998. Кикинское городище // ТАС. Вып. 3.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровальская М. В.*, 2004. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.
- Вишневский В. И.*, 2007. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (V–I вв. до н. э.): по материалам раскопок Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Т. 2. Тверь.
- Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровальская М. В.*, 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2.
- Гендуне Ю. Г.* Городище Топорок. Тверь, 1906.
- Гоняный М. И., Кренке Н. А.*, 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // СА. № 3.
- Городцов В. А.*, 1900. Отчёт об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 году // Древности. Т. XVII. М.
- Городцов В. А.*, 1910. Бытовая археология. М.
- Городцов В. А.*, 1926. Болотное Огубское городище // Труды ГИМ. Вып. 1.
- Городцов В. А.*, 1928. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах // Тр. Археолого-этнографического музея 1-го МГУ. Вып. 4. М.

- Городцов В. А.*, 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 85.
- Горюнова Е. И.*, 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94.
- Горюнова Е. И.*, 1970. К вопросу о так называемой «дьяковской культуре» // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Tallinn.
- Гунова В. С., Кирьянова Н. А., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спиридонова Е. А.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.
- Гусаков М. Г.*, 2001. Днепровские городища-святилища лесной полосы (опыт археoaстрономии) // Практика и теория археологических исследований. М.
- Гусаков М. Г.*, 2004. Классификация городищ дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Вып. 1. М.
- Гусаков М. Г.*, 2005. Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений древних обществ. Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Архив ИА РАН, Р-2. №№ 2726-2727. М.
- Гусаков М. Г.*, 2007. Хронология дьяковской культуры // ТАС. Вып. 6. Том. II. Тверь.
- Дубынин А. Ф., Розенфельдт И. Г.*, 1970. Постройки Троицкого городища // МИА. № 156.
- Дьмова А. М.*, 1997. Коломенский краеведческий музей: страницы истории (1930-е гг.)// Материалы к энциклопедии «Коломенский край». Вып. 3. ч. 1. Коломна.
- Завьялов В. И.*, 2004. Археометаллографическое исследование железных предметов дьяковской культуры из коллекции Ростиславльского городища // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Зайцев В. В.*, Селище Тарасовка 2 в Пушкинском районе Московской области // Археологическое изучение Подмосковья. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Том. 1. М. 2002.
- Захарова Е. С.*, 1984. Отчёт о разведках по р. Коломенка в пределах Коломенского р-на в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10151.
- Збруева А. В.*, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30. М.

- Иванчин-Писарев Н. Д.*, 1843. Прогулки по древнему Коломенскому уезду. М.
- Иванчин-Писарев Н. Д.*, 1845. Ещё несколько воспоминаний о Коломенском пути и о самом городе. М.
- Ильинская В. А.*, 1957. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл // СА. Т. XXVII. М.
- Калайдович К. Ф.*, 1823. Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.
- Коваль В. Ю.*, 1993а. Отчёт об археологических разведках в Озерском и Луховицком районе Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 17732.
- Коваль В. Ю.*, 1993б. Археологические исследования Ростиславльского стана. // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.
- Коваль В. Ю.*, 1994. Разведки в Озёрском и Луховицком районах Московской обл. // АО. 1993. М.
- Коваль В. Ю.*, 1997а. Охранные раскопки на городище Ростиславль. // АО 1996 г.
- Коваль В. Ю.*, 1997б. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. ТНИАРЦ, вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю.*, 1997в. Первые поселения эпохи бронзы в Коломенском Поочье // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 2. Коломна.
- Коваль В. Ю.*, 1999а. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. ТНИАРЦ, вып. 3. Тверь.
- Коваль В. Ю.*, 1999б. Отчёт за 1998 год // Архив ИА.
- Коваль В. Ю.*, 2000. Новые данные о Ростиславльском городище эпохи раннего железного века // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории г. Москвы. Вып. 10. Ч. 3.
- Коваль В. Ю.*, 2001а. Поселение в устье Осётра близ Коломны // КСИА. Вып. 212. М.
- Коваль В. Ю.*, 2001б. Ростиславльское городище раннего железного века // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.

- Коваль В. Ю.*, 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. 2004. № 1.
- Коваль В. Ю.*, 2007а. Памятники эпохи поздней бронзы в Коломенском Поочье // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.
- Коваль В. Ю.*, 2007б. Отчёт об охранных археологических раскопках Мякининского комплекса памятников в Красногорском районе Московской области в 2006 году // Архив ИА РАН. Р 1.
- Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.*, 2001. Некоторые спорные вопросы изучения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тысячелетии н. э. // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.
- Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
- Кренке Н. А.* Вал Дьякова городища // КСИА. Вып. 186. 1986.
- Кренке Н. А.*, 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Канд. дисс. // Архив ИА РАН. Р 2. 2392.
- Кренке Н. А., Нефедова Е. С.*, 1994. Краткая биография К. Я. Виноградова // Макариевские чтения: материалы II научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария. Вып. II. Ч. II. Можайск.
- Кренке Н. А.*, 1995а. Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции // Макариевские чтения: материалы III Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария. Вып. III. Ч. I. Можайск.
- Кренке Н. А.*, 1995б. «Чертов Городок» — селище железного века в окрестностях села Коломенское // РА. № 1.
- Кренке Н. А.*, 2004а. Дьяково городище: методы исследования (по материалам раскопок 1981–1987 гг.) // Восточная Европа в Средневековье. М.
- Кренке Н. А.*, 2004б. Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки (Московская и Смоленская области) // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Том. 1. М.
- Кренке Н. А.*, 2004в. Среднее течение Москвы-реки в раннем железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Том. 1. М.

- Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.*, 2006. Хронология городищ «Дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2.
- Кренке Н. А.*, 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1. М.
- Кренке Н. А., Лопатина О. А.*, 2008. Городище Боровский курган // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.
- Крис Х. И.*, 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // МИА. № 156.
- Крис Х. И., Чернай И. Л.*, 1980. Городища Дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. Вып. 162. М.
- Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П.*, 1984. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Куза А. В.*, 1985. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Леонтьев А. Е., Сидоров В. В., Исланова И. В.*, 1986. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.
- Леонтьев А. Е.*, 1994. Дьяковские и мерянские поселения озёр Неро и Плещеево (системы расселения) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.
- Леонтьев А. Е., Сидоров В. В., Исланова И. В.*, 1986. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. М.
- Лопатина О. А.*, 2002. Некоторые особенности технологии керамического производства у населения городища дьяковской культуры Настасьино // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Лопатина О. А., Сидоров В. В.*, 2003. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза.
- Лопатина О. А.*, 2005. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // РА. № 3. М.
- Лопатина О. А.*, 2006. Керамика Старшего Каширского городища и ее культурно-хронологический контекст // Каширский край. Археология. Вып. II. Кашира.

- Ляпушкин И. И.*, 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА. № 104. Л.
- Мазуров А. Б.*, 1998. Основные итоги археологического изучения Коломны // РА. № 1.
- Мазуров А. Б., Черкасов В. В.*, 2002. Лепная и раннекруговая керамика г. Коломны: (к вопросу о раннем славянском поселении) // Проблемы истории Московского края: тезисы докладов региональной научной конференции, посвящённой 855-летию Москвы и Подмосковья. М.
- Мазуров А. Б., Сыроватко А. С.*, 2004. Михаил Георгиевич Савицкий // Исторические чтения КГПИ. Вып. 3. Коломна.
- Мазуров А. Б.*, 2004. Отчёт об охранных археологических исследованиях в г. Коломне в полевом сезоне 2001 года // Архив ИА РАН. Р-1.
- Мазуров А. Б., Сыроватко А. С.*, 2006. Дьяковское поселение «Блюдечко» в кремле г. Коломны // Вестник КГПИ. Вып. 1. 2006. Коломна.
- Массалитина Г. А., Болдин И. В., Модин И. Н., Спиридонова Е. А.*, 2000. Поселенческий комплекс в окрестностях села Воротыньск Перемышльского района Калужской области // Тр. регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 1. Калуга.
- Макаров М. М.*, 1992. Раскопки на дуне «Ундрих» близ с. Борок Шиловского района Рязанской области в 1979 году // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 1. Рязань.
- Медведь А. Н.*, 2006. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М.
- Медникова М. Б.*, 2000. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. № 3.
- Медникова М. Б.*, 2004. Феномен искусственно обработанных бедренных костей человека: археологические артефакты // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3.
- Милонов Н. П.*, 1935. Отчёт об археологических раскопках на территории Коломенского кремля и в пригороде Коломны с. Городищи летом 1935 г. // Архив ИИМК. Ф. 2 Оп. 1.

Милонов Н. П., 1937. Отчёт об археологических раскопках Ростиславльского городища в 1937 г. и о раскопках Коломенского кремля и обследовании памятников в окрестностях Коломны в 1935 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1.

Милонов Н. П., 1948. Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко-археологический сборник НИИМКР. М.

Мионов В. Г., 1971. О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородецких памятников // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов.

Мионов В. Г., 1995. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.

Моруженко А. А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1. М.

Очерки экологии Подмосковья / под ред. В. И. Зубова. М. 1998.

Перерва Е. В., 2005. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. № 3.

Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии V–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д 4–5. М.

Пимакин Л. И., 1956. Отчёт об археологических разведках и раскопках в Раменском районе Московской области. 1956 // Архив ИА РАН. Р-1. № 1396.

Пимакин Л. И., 1957. Отчёт об археологических раскопках городища «Круглица» в Раменском районе Московской области. 1957 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2144.

Покровский М. М., 1996. Военное дело у римлян во времена Цезаря // Цезарь. Записки о галльской войне. СПб.

Пряхин А. Д., 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.

Пузикова А. И., 1969. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. М.

Пузикова А. И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.

- Раппопорт П. А.*, 1967. О типологии древнерусских поселений // КСИА. Вып. 110.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1960. Отчёт об обследовании археологических памятников на территории Московской области с целью выяснения их сохранности на лето 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1962. Археологические разведки в Московской области в 1960 г. // КСИА. Вып. 90. М.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1964. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960–1963 гг. // КСИА. Вып. 102.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1970. Отчёт об археологической разведке в Московской области в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4321.
- Розенфельдт Р. Л.*, К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156., 1970.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1974. Отчёт об обследовании состояния археологических памятников Московской обл. в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5596.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1975. Отчёт об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5876.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1977. Отчёт об обследовании состояния памятников Московской обл. и о работе разведочного отряда Мещерской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6679.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1978. Отчёт об обследовании состояния археологических памятников Московской обл. в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 7358.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1979. Отчёт об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7862.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1980. Отчёт об обследовании состояния археологических памятников Московской обл. в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8116.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1985. Отчёт об археологических разведках на территории Московской обл. в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11829.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1986. Отчёт об археологических разведках на территории Московской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11831.

- Розенфельдт Р. Л.*, 1988. Материалы к археологической карте Московской области // Архив Отдела археологических сводов и карт ИА РАН.
- Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.*, 1973. Список археологических памятников Московской области. М.
- Розенфельдт И. Г.*, 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Розенфельдт И. Г.*, 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Саблин М. А.*, 1879. Список курганов Московской губернии // ИОЛЕАиЭ. Т. XXXV. Ч. 1. Вып 1–3. М.
- Савицкий М. Г.*, 1982(а). Отчёт о результатах обследования Коробчеевского городища и других археологических памятников в Коломенском р-не Московской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8641.
- Савицкий М. Г.*, 1982(б). Отчёт об обследовании Старо-Голутвина монастыря в 1982 г. // Фонды ККМ.
- Савицкий М. Г.*, 1983. Отчёт об охранных раскопках периферийной части Коробчеевского городища в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10127.
- Савицкий М. Г.*, 1984. Отчёт об охранных раскопках древнего поселения и могильника в периферийной части Коробчеевского городища в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10423.
- Савицкий М. Г.*, 1986. Отчёт о разведочных раскопках на городище Старый Городец Коломенского р-на в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11687.
- Савицкий М. Г.*, 1989(а). Отчёт об археологических наблюдениях и раскопках в Коломенском кремле в сезон 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13522.
- Савицкий М. Г.*, 1989 (б). О происхождении угорской субстратной гидронимии бассейна р. Оки //СФУ. № 4.
- Савицкий М. Г.*, 1990. Отчёт об археологических исследованиях на территории Коломенского Кремля и его посада в сезон 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 15380–15381.
- Савицкий М. Г.*, 1992. Отчёт об охранных археологических исследованиях Коробчеевского городища Коломенского района Московской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17097.

- Савицкий М. Г.*, 1993. О происхождении географического названия «Москва» // СФУ. № 2.
- Савицкий М. Г.*, 1994. О происхождении географических названий «Москва», «Коломна» и «Кремль». Коломна.
- Сапфрыкина И. А., Энговатова А. В.*, 2002. Химический анализ цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Сапфрыкина И. А.*, 2004. Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры из городища Настасьино // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.
- Сапфрыкина И. А.*, 2007. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки // Канд. дисс. Архив ИА РАН. Р-2.
- Сарапулкина Т. В., Бирюков И. Е.*, 2006. Керамика городецкой культуры Сырского городища // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Селезнев А. Б.*, 2002. Новое городище раннежелезного века в г. Зарайске (по материалам работ Зарайской экспедиции в 1999 г.) // Зарайск. Проблемы духовного и культурного развития. Т. 2. Зарайск – М.
- Сизов В. И.*, 1897. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX АС, Т. II.
- Сидоров В. В.*, 1989. Отчёт Подмосковной экспедиции ИА АН СССР о раскопках на стоянке Ловцы 1 и разведках в Ярославской и Московской областях в 1988 г. // Архив ИА РАН.
- Сидоров В. В., Смирнов К. А.*, 1999. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. № 1. М.
- Сидоров В. В.*, 2002. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Археология. Кашира.
- Сидоров В. В.*, 2004. Мутёнковское городище // Археология Подмосковья. Вып. 1. М.
- Сидоров В. В.*, 2005. Корыстовское городище // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.
- Сидоров В. В.*, 2006а. Каширская культура // Каширский край. Вып. 2. Археология. Кашира.
- Сидоров В. В.*, 2006б. Колтово 7 — комплекс эпохи бронзы // Каширский край. Вып. 2. Археология. Кашира.

- Синюк А. Т., Березуцкий В. Д.*, 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век). Воронеж.
- Смелов О. В., Смелова С. С., Суслова Е. Г.*, 2001. Остепнённые участки левого берега р. Оки у с. Коробчеево // Вестник МГУ. География. № 6. М.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА. № 28.
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В.*, 1965. Городецкая культура. САИ. Вып. Д-1-14. М.
- Смирнов К. А.*, 1970. Железные изделия Троицкого городища // МИА. № 156.
- Смирнов К. А.*, 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К. А.*, 1981. О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Turku.
- Смирнов К. А.*, 1982. Предисловие редактора к монографии И. Г. Розенфельдт «Древности западной части Волго-Окского междуречья». М.
- Смирнов К. А.*, 1983. Сетчатая керамика в Восточной Европе // Congressus quartus internationalis fenno-ugristarum. Pars V. Budapest.
- Смирнов К. А.*, 1984. Костяные наконечники стрел с Мутёнковского городища // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Смирнов К. А.*, 1986. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186.
- Смирнов К. А.*, 1991а. Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Доктор. дисс. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2489.
- Смирнов К. А.*, 1991б. К вопросу о связях племён городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. № 4.
- Смирнов К. А.*, 1991в. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и Средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Смирнов К. А.*, 1992. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // РА. № 1.
- Смирнов К. А.*, 1994а. Эволюция укреплений на поселениях Верхней Волги в эпоху раннего железа // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола.

- Смирнов К. А.*, 1994б. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 2.
- Сорокин А. Н.*, 2002. Мезолит Жиздринского полесья. М.
- Сорокин А. Н.*, 2006а. Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.
- Сорокин А. Н.*, 2006б. Проблемы мезолитоведения. М.
- Стиридонова Е. А., Сыроватко А. С.*, 2003. Применение палинологического метода для реконструкции укреплений и окружающих ландшафтов Протопоповского городища // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень.
- Стиридонова Е. А., Алешинская А. С.*, 2004. Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н. э. по II тысячелетие н. э. // РА. № 3.
- Спицын А. А.*, 1903. Городища дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
- Станкевич И. Л., Вишневский В. И.*, 1987. Городище дьяковской культуры Кубринское 1 // КСИА. Вып. 194.
- Степанов П. Д.*, 1973. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. Вып. 136. М.
- Судаков В. В., Челяпов В. П.*, 1998. Вячеслав Иванович Зубков (1921–1994 гг.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань.
- Сулержицкий Л. Д., Фоломеев Б. А.*, 1993. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Сыроватко А. С.*, 1994. Новые данные о Коробчеевском археологическом комплексе // АО за 1993 г. М.
- Сыроватко А. С.*, 1997. Раскопки на дьяковских городищах г. Коломны // АО за 1996 г. М.
- Сыроватко А. С.*, 1997б. Новые данные о Протопоповском городище // Материалы к энциклопедии «Коломенский край». Вып. 2. Коломна.
- Сыроватко А. С.*, 1998а. Отчёт о раскопках в Коломенском и Луховицком районах Московской области в 1998 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21984.

- Сыроватко А. С.*, 1998б. Некоторые итоги изучения городища Красно // Материалы для энциклопедии «Коломенский край». Вып. 4. Коломна.
- Сыроватко А. С.*, 1999(а). Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья (Предварительное обобщение) // РА. № 2.
- Сыроватко А. С.*, 1999(б). Раскопки на дьяковских поселениях Коломенского района // АО — 1997. М.
- Сыроватко А. С.*, 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки // РА. № 4.
- Сыроватко А. С.*, 2001а. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // КСИА. Вып. 212. М.
- Сыроватко А. С.*, 2001б. Дьяковская культура юго-восточного Подмосковья. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М.
- Сыроватко А. С.*, 2001в. История изучения поселений эпохи раннего железа юго-восточного Подмосковья // Краеведческие записки. Сборник научных трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна.
- Сыроватко А. С.*, 2001г. О позднедьяковских памятниках в устье р. Москвы // Краеведческие записки. Сборник научных трудов Коломенского краеведческого музея. Коломна.
- Сыроватко А. С., Елистратов А. Я.*, 2002. Об опыте определения отпечатков пальцев на дьяковской керамике и мелкой пластике // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Сыроватко А. С., Стиридонова Е. А.*, 2002. Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Сыроватко А. С.*, 2003. Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. № 2. М.
- Сыроватко А. С., Козловская М. В.*, 2004. Обработанные бедренные кости человека с Протопоповского городища дьяковской культуры // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.
- Сыроватко А. С.*, 2005а. Сетчатая керамика селища Щурово и ее археологический контекст // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна.

- Сыроватко А. С.*, 2005б. Сетчатая керамика селищ Сосновка IV, Мякинино I и ее археологический контекст // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М.
- Сыроватко А. С.*, 2005в. Реконструкция погребальных сооружений Шуровского могильника // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.
- Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С.*, 2006а. Жилые постройки дьяковской культуры: традиционный взгляд и новые данные // Исторические чтения КГПИ. Вып. 4. Коломна.
- Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С.*, 2006б. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск. 3. М.
- Сыроватко А. С.*, 2006. Некоторые особенности дьяковского керамического комплекса городища Ростиславль // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск. 3. М.
- Сыроватко А. С.*, 2007а. Сетчатая керамика дьяковских поселений г. Зарайска // ТАС. Вып. 6. Т. 2. Тверь.
- Сыроватко А. С.*, 2007б. Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д. А. Крайнова) // ТАС. Вып. 6. Т. 2. Тверь.
- Сыроватко А. С.*, 2007в. Новые памятники неолита — железного века в Коломенском крае // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Коломна.
- Сыроватко Н. А., Сыроватко А. С.*, в печати. К вопросу об облике построек городищ Кузнечики и Щербинское // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 5. М.
- Тавлицева Е. Ю.*, 2001. Литейные формы для изготовления слитков с территории Москвы и Подмосковья // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь.
- Талицкий М. В.*, 1936а. Полевой дневник // Фонды ККМ № 386; Архив ИА РАН. Ф. 9 № 11.
- Талицкий М. В.*, 1936б. Древние поселения Коломенского района. // Фонды ККМ № 387; Архив ИА РАН Ф. 9 № 11.
- Талицкий М. В.*, 1936в. Отчёт за 1936 год // Архив ИИМК. Ф. 22 Оп. 1 Д. 339.

- Талицкий М. В.*, 1941. Коломенский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–36 гг. Краткие Отчёты и сведения. М.; Л.
- Талицкий М. В.*, 1948. Керамика Протопоповского городища // САТХ.
- Тишков В. А.*, 2003. Реквием по этносу. М.
- Травкин П. Н.*, 1991. К истории строительных обрядов в раннем Средневековье // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород.
- Третьяков П. Н.*, 1941. К истории племён Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА. № 5. М.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.*, 1963. Древние городища Смоленщины. М., Л.
- Третьяков П. Н.*, 1966а. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., Л.
- Третьяков П. Н.*, 1966б. О ранних и поздних городищах дьякова типа // Pronksiajst varase feodalismini. Tallin.
- Трубникова Н. В.*, 1950. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // КСИИМК. Вып. XXXIV.
- Трубникова Н. В.*, 1953. Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. Вып. 22.
- Фоломеев Б. А.*, 1975. Тюков городок // СА. № 1.
- Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман А. Ю.*, 1988. Климентовская стоянка // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. Труды ГИМ. Вып. 68. М.
- Фоломеев Б. А.*, 1992. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 1. Рязань.
- Фоломеев Б. А.*, 1993. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань.
- Фоломеев Б. А.*, 1994. Шишкинское городище // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85.
- Фоломеев Б. А.*, 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань.
- Формозов А. А.*, 1988. Следопыты земли московской. М.
- Формозов А. А.*, 1998. Русские археологи и политические репрессии // РА. № 3.

- Ходаковский З. Я.*, 1837. Историческая система Ходаковского // РИС Т. 1 Кн. 1–3. М.
- Ходаковский З. Я.*, 1844. Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Доленга-Ходаковского из Москвы 13-го липца 1822 года // РИС. Кн. 3.
- Черкасов В. В.*, 2004. Лепная и раннекруговая керамика г. Коломны (по материалам раскопок в 1991–2002 гг.). К вопросу о раннем славянском поселении // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 5. М.
- Черкасов В. В.*, 2006. Исследования в Коломне // АО-2005. М.
- Черкасов В. В.*, 2008. Отчёт за 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Черкасов В. В.*, 2008б. Раскопки средневекового селища Цемгигант // Археология Подмосковья. Вып. 4. М.
- Чернай И. Л.*, 1981. Выработка текстиля у племён дьяковской культуры // СА. 1981. № 4. М.
- Чернай И. Л.*, 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола.
- Чернай И. Л.*, 2002. Текстиль и керамика как совокупность древних технологий // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Т. 1. Археология. Тула
- Шевченко А. А.*, 2007. Укрепления городища скифского времени Россошки I на Среднем Дону // РА. № 3. М.
- Шмидт Е. А.*, 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Племена днепро-двинской культуры (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.
- Энговатова А. В.*, 1990. Отчёт о разведочных работах в Московской обл., охранных работах в Можайске // Архив ИА РАН. Р-1. № 15564.
- Энговатова А. В.*, 1993. Отчёт о работах в 1993 г. // Архив ИА РАН.
- Энговатова А. В.*, 2000. Отчёт о раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23340.
- Энговатова А. В.*, 2001. Отчёт об охранных раскопках городища Настасьино в Коломенском районе Московской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р 1. № 233472001.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2004. Отчёт об охранных археологических раскопках на селище Мякинино–1 и разведках в Красногорском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Энговатова А. В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.

Энговатова А. В., Сапрыкина И. А., 2004. Поселение Настасьино. Методика полевых работ на памятнике. Стратиграфия и планиграфия // Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2004. Отчёт об охранных археологических раскопках на селище Мякинино–1 и разведках в Красногорском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р1.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2006. Отчёт об охранных археологических раскопках в Красногорском и Дмитровском районах Московской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Энговатова А. В., Сапрыкина И. А., 2005. Хронология раннего периода Москов-рецкой группы памятников дяковской культуры по данным радиоуглеродного анализа // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья. М.

Юшко А. А., 1970. Отчёт о работе второго разведочного отряда Московской экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4215.

Юшко А. А., 1972. Отчёт о раскопках городища у с. Степаново Сычевского р-на Смоленской обл., у д. Макаровка Тульской обл. и обследовании памятников в бассейне р. Пахры и её притока Десны в Московской обл. в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5077.

Юшко А. А., 1977. Отчёт о работе разведочного Подмосковского отряда в 1977г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6249.

Юшко А. А., 1980. Отчёт о работах в Московской области. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9081.

Юшко А. А., 1991. Московская земля XI–XIV вв. М.

Янишевский Б. Е., 1998. Изучение валов и погребённых под ними почв на городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмосковье // ТАС. Вып. 3.

Aspelin J. R., 1878. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Vol. 3.

Список сокращений

АКР — Археологическая карта России: Московская область. Часть 4. М. 1997

АО — Археологические открытия. М.

АП —

Ул. Б. Запрудная,	+	?	+
г. Коломна.			

Археология Подмосковья

АС — Археологический съезд

ГИМ — Государственный Исторический музей

ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

ИОЛЕАиЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Императорском университете

КГПИ — Коломенский государственный педагогический институт

ККМ — Коломенский краеведческий музей

КСИА — Краткое сообщение о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.

КСИМК — Краткое сообщение о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

НИИ МКР — Научно-исследовательский институт музейно-краеведческой работы

ПЭ — Подмосковная экспедиция

РА — Российская Археология. М.

РИС — Русский исторический сборник

СА — Советская Археология. М.

СФУ — Советское финно-угроведение

ТАС — Тверской археологический сборник. Тверь.

ТНИАРЦ — Тверской научно-исследовательский археологический и реставрационный центр. Тверь

ТАБЛИЦЫ

32	застроено	-	-	-	Че
----	-----------	---	---	---	----

№	Памятник	дыяковские	позднедыяковские	славянские	Вскрытая площадь, м ²	Сохранность	укрепленных	жилищах	вещном комплексе	Исследователь, год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
					поселения города Коломны					
1	Городище, городище	+	?	+	210	удовлетворительная	+	+	+	Ходаковский З.Я. Калайдович К.Ф. Виноградов К.Я., 1935 Милонов Н.П., 1935 Розенфельдт Р.Л. 1960 Сыроватко А.С. 1996-98
2	Городище, селище	+	-	+	15	разрушено	-	-	-	Арциховский А.В., 1920-е Мазуров А.Б., 1995
3	«Блюдечко», поселение	+	+	+	около 400	застроено	-	+	+	Милонов Н.П., 1935-36 Савицкий М.Г. 1990 Мазуров А.Б. 1995 Сыроватко А.С., 2002
4	ул. Олений Вражек, селище (?)	+	?	+	не вскрывалось	застроено	-	-	-	Савицкий М.Г., 1980-е гг.
5	Старо-Голутвин монастырь, городище (?)	-	-	+	?	застроено	-	-	-	Алешковский М.Х., 1969-70 Савицкий М.Г., 1982 Розенфельдт Р.Л. 1985
6	ул. Набережная, стоянка	+	-	-	нет	застроена	-	-	+	Сыроватко А.С., 2001г.
7	Протопопово, городище	+	+	+	22	кладбище	+	+	+	Талицкий М.В. 1936 Розенфельдт Р.Л. 1960 Сыроватко А.С. 1996
8	Колычево - III, селище	-	+	-	-	застроено	-	-	-	Талицкий М.В. 1936 Юшко А.А., 1977
9	ул. Б. Запрудная	+	?	+	32	застроено	-	-	-	Черкасов В.В., 2005
10	ц. Троицы-на-Репне	+	?	+	?	застроено	-	-	-	?

Таблица 1, продолжение

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	«Полигон Артучилища»	?	-	+	-	затоплено р. Москвой?	-	-	-	М.Г. Савицкий, 1980-е гг.
КОЛОМЕНСКИЙ РАЙОН										
12	Колычево I, селище	-	+	-	-	распахано	-	-	-	Талицкий М.В., 1936 Юшко А.А., 1977
13	Колычево II, селище	+	-	-	3	распахано	-	+	+	Талицкий М.В., 1936
14	Акатьево I, селище	-	+	+	-	застроено	-	-	-	Талицкий М.В., 1936 Юшко А.А., 1977
15	Акатьево II, селище	-	+	+	-	застроено	-	-	-	Талицкий М.В., 1936 Юшко А.А., 1977
16	Щурово, селище	+	+	-	свыше 900	удовле- творительно	-	+	+	Розенфельдт Р.Л., 1986 КовальВ.Ю., 1993
17	Коробчеево I городище	+	+	+	около 15	разрушено кладбищем	+	+	+	Талицкий М.В., 1936 Розенфельдт Р.Л., 1960, 77, 86 Савицкий М.Г., 1982-84, 92 Сыроватко А.С., 1993
18	Коробчеево II городище	+	?	?	-	разрушено	+	-	-	Талицкий М.В., 1936
19	Коробчеево, мес- тонахождение 1*	-	+	?	-	разрушено (?)	-	-	-	Талицкий М.В., 1936
20	Коробчеево, мес- тонахождение 3*	-	+	?	-	разрушено (?)	-	+	-	Талицкий М.В., 1936
21	Коробчеево, могильник и селище	+	?	+	200	разрушено	-	?	+	Талицкий М.В., 1936 Розенфельдт Р.Л., 1960, 77, 86 Савицкий М.Г. 1982-84
22	Троицкие Озерки, селище	+	?	?	-	?	-	-	-	Талицкий М.В. 1936 Савицкий М.Г.
23	Маливо, местонахождение	+	-	+	14	застроено	-	-	-	Самошин С.И., 1990 Савицкий М.Г., 1990 Калайдович К.Ф.
24	Городец, городище (?)	+	?	+	16	разрушено кладбищем	+	-	+	Зубков В.И., 1949 Розенфельдт Р.Л., 1961 Савицкий М.Г. 1986
25	Северское, селище	+	+	+	9	застроено	-	-	-	Юшко А.А. 1972, 80 Савицкий М.Г. Сыроватко А.С. 1997
26	Мячково (Настасыно) городище	+	?	+	1500	хорошая	+	+	+	Талицкий М.В., 1936 Розенфельдт Р.Л., 1960, 74 Юшко А.А., 1970 Энговатова А.В., 1989, 93, 99

Таблица 1, продолжение

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
27	Настасьино II, селище	+	?	+		распахано	-	-	+	Энговатова А.В., 1989, 99
28	Настасьино, селище	+	?	+		распахано	-	-	+	Энговатова А.В., 1989, 99
29	Юшково I, городище	-	?	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Талицкий М.В. 1936 Розенфельдт Р.Л., 1960, 80
30	Юшково II, городище	-	?	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Розенфельдт Р.Л., 1960, 80
31	Федосьино I, городище	-	+, (?)	+	2, (?)	удовлетворительная	-	-	-	Саблин М.А. Гужов В.И., 1940-е гг. Розенфельдт Р.Л., 1979, 80, 86
32	Федосьино II, городище	-	+, (?)	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Саблин М.А. Гужов В.И., 40-е гг. Розенфельдт Р.Л., 1979, 80, 86
33	Конев Бор, местонахождение	-	+, (?)	-	-	распахано	-	-	-	Сыроватко А.С., 1997
34	Лысцево, местонахождение	+	-	+	317	хорошая	-	-	-	Сыроватко А.С., 2001, 2005
35	Цемгигант 2, местонахождение	+	-, (?)	+	200	хорошая	-	-	-	Жданов А.Н., 2001, Черкасов В.В., 2006
36	Молитвино, местонахождение	+	-	+	3	застроено	-	-	-	Гужов А.И., 1940-е Розенфельдт Р.Л. Сыроватко, 2001
37	Зарудня, стоянка	+	-	-	18	распахано	-	-	+	Сыроватко А.С., 2006 Талицкий М.В., 1936
38	Погост Красно (Городено), городище	+	?	+	около 10	разрушено кладбищем	+	-	+	Юшко А.А., 1970, 72 Розенфельдт Р.Л., 1979, 80, 86 Савицкий М.Г. Сыроватко А.С., 1997, 98
ВОСКРЕСЕНСКИЙ РАЙОН										
39	Погост Красно (Городено), селище	+	?	+	-, (?)	разрушено	-	-	-	Талицкий М.В., 1936 Розенфельдт Р.Л., 1979, 80, 86 Юшко А.А., 1970, 72 Сыроватко А.С., 1997, 98
40	Маришкино, селище	-	+	+	-	удовлетворительная	-	-	+	сборы краеведов
41	Городище (устье р. Отры), селище	+	+	+	-	разрушено кладбище	-	-	-	Розенфельдт Р.Л. 1977
42	Городище II (устье р. Отры), селище	+	?	?	-	удовлетворительная	-	-	-	сборы краеведов

Таблица 1, продолжение

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
43	Петровское, селище	?	+	-	-	удовлетворительная	-	-	-	Розенфельдт Р.Л., 1986
44	Константиново, селище	-	+	+	-	распахано	-	-	-	сборы краеведов
ЛУХОВИЦКИЙ РАЙОН										
45	Усть-Матырка I, селище	-	+	-	около 44	удовлетворительная	-	-	+	Коваль В.Ю. 1993 Сыроватко А.С. 2005, 08
46	Городна I (Городня), городище	+	?	+	20	удовлетворительная	+	+	+	Калайдович К.Ф. Розенфельдт Р.Л., 1970 Коваль В.Ю. 1991 Сыроватко А.С., 1998
47	Городна II, селище	+	?	+	-	разрушено	-	-	+	Розенфельдт Р.Л. 1970 Коваль В.Ю., 1993, 97
48	Берхино I, селище	-	+	+	-	удовлетворительно	-	-	-	Коваль В.Ю., 1993
49	Берхино II, селище	+	-	+	9	распахано	-	-	+	Коваль В.Ю., 1993 Сыроватко А.С., 1998
ОЗЕРСКИЙ РАЙОН										
50	Бебихово I, городище	?	+	?	-, (?)	удовлетворительная	?	-	-	Розенфельдт Р.Л., 1975 Коваль В.Ю., 1993
51	Бебихово IV, селище	+	+	-	2	удовлетворительная	-	?	-	Коваль В.Ю., 1993
52	Ростиславль, городище	+	+	+	282	удовлетворительная	?	-	+	Бочарников С.И., 1880-е Талицкий М.В., 1936 Миловнов Н.П., 1937 Юшко А.А., 1970 Розенфельдт Р.Л., 1975 Коваль В.Ю., 1991-99
53	Ростиславль, селище I	+	-	+	216	распахано	-	?	-	Талицкий М.В., 1936 Коваль В.Ю., 1991-93, 98-99
54	Ростиславль, селище III	+	?	+	90	распахано	-	-	-	Коваль В.Ю., 1991, 96-97
55	Озёры, местонахождение	+	-	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Сидоров В.В., 1988
56	Первая Каменка, селище	+	?	-	зачистка обнажений	удовлетворительная	-	?	-	Воронин К., 1988 Сидоров В.В., 1988
57	Сосновка, местонахождение I	-	+	-	-	неизвестно	-	-	+	опубликовано: Аспелин, 1878

Таблица 1, окончание

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
58	Сосновка, местонахождение 2	-	+	-	?	застроено	-	-	-	Талицкий М.В., 1936
59	Сосновка II, селище	+	-	+	-	застроено	-	-	-	Коваль В.Ю., 1991
60	Сосновка III, селище	+	-	-	4	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1991, 97
61	Сосновка IV, селище	+	-	+	310	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1991, 97
62	Сосновка VII, селище	+	-	+		удовлетворительная	-	-	-	Камакин А.В.
63	Свиридоново I селище	+, (?)	-	+	8	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1991, 92, 97
64	Смедово I, селище	+	?	-	-	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1992
65	Смедово III, селище	+	-	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1992
66	Свиридоново II, селище	+	-	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Коваль В.Ю., 1992
СТУПИНСКИЙ РАЙОН										
67	Щербинино, селище	-	-	+	-	удовлетворительная	-	-	-	Розенфельдт РЛ, 1977г.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты культурного слоя коломенских городищ

Номер	Памятник, образец	Абсолютный возраст	Калибровка Calib, вер. 3.0	Калибровка Calib, вер. 5.0
ГИН-9404	Коробчеево I, бревно из насыпи вала	2170 ± 40	349(193)164 BC	355–288 BC 233–169 BC
ГИН- 9405	Коробчеево I, прослойка угля под насыпью	3100 ± 120 гг. до н. э.	1505 (1392, 1332, 1329) 1204 1139–1135 BC	1501–1208 BC 1199–1196 BC
ГИН- 9406	Протопопово, слой насыпи вала	2090 ± 70	190 (90, 67) 1 BC 11–2 BC	201–37 BC 30–21 BC
ГИН- 9407	Городищи, слой насыпи вала	2100 ± 100	338 (102) BC – 12 AD 209 BC – 3 AD	350–304 BC 226–226 BC
ГИН- 9408	Городищи, слой насыпи вала	1980 ± 100	59 BC – (26, 42, 53) 130 AD	146–141 BC 111 BC – 130 AD
ГИН- 9409	Городищи, слой заполнения рва	1860 ± 40	118 (141) 231 AD	88 – 102 AD 122–215 AD
ГИН-9426	Городищи, основание насыпи вала	2150 ± 40	199 (181) 112 BC 210–151 BC 160–133 BC	351–299 BC 227–223 BC
ГИН-9426a	Городищи, раскоп 3 (1998 г), слой угля под прокалённой глиной	2060 ± 40	103 (45) 1 BC 10–3 BC	117–38 BC 27–24 BC
ГИН-9427	Городищи, врезка 2 (1996 г)	1950 ± 40	18 (72) 116 AD 338–353 BC	3–85 AD 110–115 AD
ГИН-9427a	Городищи, раскоп 2 (1998 г), слой угля под прокалённой глиной	2250 ± 40	381 (365, 275, 264) 204 BC	293–230 BC 218–213 BC
ГИН-12721a	Щурово, курган 1	1500 ± 20		552–592 AD
ГИН-12721b	Щурово, курган 1	1490 ± 40		561–600 AD
ГИН-13292	Щурово, курган 3	1460 ± 40		575–639 AD
ГИН-12721c	Городна I, мыс городища, слой угля и прокалённой глины	2040 ± 25		97BC – 4 AD 15–15 AD
ГИН- 13293	Городна I, мыс городища, основание слоя	2580 ± 60		814–748 BC 687–666 BC 643–591 BC 578–563 BC
ГИН-13540	Городна 1, насыпь вала	2360 ± 50		512–388 BC
ГИН-13541	Городна 1	2180 ± 70		362–268 BC 265–169 BC
ГИН-13542	Городна 1	2070 ± 40		163–130 BC 119–42 BC
ГИН-13542a	Щурово, раскоп 3	910±90		
ИГАН-3175	Ростиславль, почва вала	3850±140		
ИГАН- 3177	Ростиславль, насыпь вала,	2690±70		

Таблица 3. Керамика поселений коломенской группы

Памятник	Сетчатая				Гладкостенная всех типов (%)	Неопре- деленная (%)	ВСЕГО: (%)
	неопре- деленная (%)	нитчатая (%)	рябчатая (%)	рогожная (%)			
Городищи, 1996–1998	89 (2,6)	650 (19,2)	1345 (34,6)	43 (1,2)	639 (18,8)	618 (18,2)	3384 (100)
Протопопово, 1996	—	103 (16,4)	148 (23,8)	2	303 (48,6)	59 (9,6)	621 (100)
Коробчеево I, 1992	14 (7)	80 (40,2)	27 (12)	1	56 (28)	21	199 (100)
Настасьино, 1993	—	86 (23)	94 (25,2)	—	130 (34,7)	63 (17,1)	373 (100)
Погост Красно, 1997	6	80	22	—	22	33	163
Городна 1, 1970, 1998	61 (4,6)	147 (11,2)	674 (51,3)	7 (0,5)	108 (8,3)	317 (24,1)	1314 (100)
Берхино II, 1998	20	31	72	1	2	107	233 (100)
ул. Набережная, 2001–2002	—	2 (эпохи бронзы)	6	—	4	—	12
Щурово, 2001–2007	—	—	30	—	—	—	30
Лысцево, 2005	—	1–(?)	—	—	—	—	1
ул. Б. Запрудная, Блюдечко, 1995	—	—	5	—	—	—	—
Цемгигант 2, 2006	5	40	138	2	22–(?)	—	208
	—	—	—	—	1–(?)	—	1

Таблица 4. Состав керамики из насыпей валов городищ Протопоповское и Городищи

Памятник, объекты	Сетчатая				Гладкостенная всех типов (%)	Неопределенная (%)	ВСЕГО: (%)
	Неопределенная (%)	Текстильная (%)	Ложно-текстильная (%)	Рогожная (%)			
Городищи, ров, верхняя часть вала	6 (1,5)	94 (24,3)	70 (18,1)	9 (2,3)	135 (34,9)	72 (18,6)	386 (100)
Городищи, нижняя часть вала	3 (0,7)	51 (13,1)	181 (46,5)	2	84 (21,5)	68 (17,5)	389 (100)
Протопопово, шурф 5, (1996 г.)	4 (3)	42 (33)	16 (12,5)	1	45 (35,4)	19 (14,5)	127 (100)

Таблица 5. Процентный состав керамики в культурном слое раскопа V городища Ростиславль.

Год	Гладкостенная				Нитчатая				Рябчатая всех типов			
	слой 1а	слой 1б	слой 2	слой 3	слой 1а	слой 1б	слой 2	слой 3	слой 1а	слой 1б	слой 2	слой 3
1998	53	69,1	—	—	2	0,2	—	—	34,7	29,5	—	—
1999	39	18	53	25	6,3	9,6	31,6	32,1	40,2	64,8	5,1	2,8
2000	34,7	43,2	65,9	менее 1	11,2	7,6	около 0,8	менее 1	32,7	23,9	менее 1	—
2001	57,5	63,6	около 70	—	8,3	менее 1	12,3	—	19,6	23	0,9	—
2002	58,1	57,7	около 80	—	6,3	12,5	11,4	—	25,4	25	14,3	—
2003	62,3	62,4	85	—	8,8	6	8	—	19	15	20	—

Таблица 6. Керамика из вала городища Ростиславль

Объект, горизонт	Сетчатая*					Гладкостенная всех типов	Штрихованная	Неопределенная	ВСЕГО (%):
	неопределенная	нитчатая	рябчатая мелкоячеистая	рябчатая крупноячеистая	рогожная				
Раскоп 4 (2005–2006 гг.)									
Горизонты 1–5	3	32 (31,3%)	8 (7,8%)	2	1	48 (47,05%)		8 (7,8%)	102 (100)
Горизонт 6, ров	1	5				5		1	
Горизонт 7, ров	2	73 (43,7%)	13 (7,7%)	7	4	67 (40,1%)		1	167 (100)
Горизонт 7, вал	1	25	8			28		10	
Горизонт 8, вал	3	56 (34,1%)	41 (25%)	–	–	56 (34,1%)		8	164 (100)
Горизонт 9, вал	5	218 (37,2%)	118 (20,1%)	13 (2,2%)	1	205 (34,9%)		36	586 (100)
Горизонт 8–9, ров	1	318 (45,6%)	40 (5,7%)	1	120 (17,2%)	182 (26,1)		34 (100%)	696
Дно рва	–	5	5	–	–	10		–	20
Горизонт 10, 2006 г.	–	5	4	3	–	44		18	74
Горизонт 10а	4	81 (23%)**	66 (15,2%)**	–	–	198 (54%)		24 (6,5%)	368 (100)
Горизонт 10б	–	10 (16,6%)	4	–	–	40 (66,6%)	3	3	60 (100)
Раскоп 5, участок «И» (2006 г.)									
Горизонт А	7	31 (17%)	32 (18%)	14–(?) (7,6%)	6	89 (47%)	5	–	184 (100)
Горизонт Б	2	–	4	–	–	14 (66,6%)	–	1	21 (100)
Горизонт В	–	2	4	–	1	38 (73%)	6 (11,5%)	1	52 (100)
Горизонт В2	–	5**	15	–	–	26	–	–	46
Горизонт Г	–	19 (9,8%)	–	10–(?)	–	140 (72,9%)	23 (11,9%)	–	192 (100)
Горизонт Д 1	–	7 (10,6%)	1	–	–	47 (71%)	11 (16,6%)	–	66 (100)
Горизонт Д2	–	17 (8,7%)	4	–	–	172 (88,65%)	1	–	194 (100)
Горизонт Д3	–	11 (7,1%)**	4	–	–	–	133 (86,3%)	6 (3,9 (?))	153 (100)
слой под насыпью надматерик	–	1**	–	1–(?)	–	19	16	–	37

* в горизонтах 8–9 во рву зафиксировано 5 фр. штрихованной керамики

** керамика ранних типов периода финальной бронзы

Таблица 7. Состав теста* нитчатой керамики Ростиславля

Слой	Тип теста	100% фрагментов	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004-05
1	2.14	6.4%	66	83	162	88	149	54	210
	2.11						8%		ок. 2%
	2.10								7.6%
	2.8	93%	93%	86.7%	70.3%	92%	60.4%	40%	45.7%
	2.7				МЕНЕЕ 1%		24.1%	51%	35.7%
	2.6								6.1%
	2.5				7.4%				
	2.8/2.14			10.8%					
2	2.8		2	155	125	95	26	28	146
	2.7			80%	100%	100%	ок. 100%	менее 1%	47.9%
	2.5			10%				ок. 100%	21.9%
	2.4								
	2.8/2.14			10%					4.7%
	2.8/2.14								

Таблица 8. Состав теста* рябчатой керамики Ростиславля

Слой	Тип теста	100% фрагментов	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004-05
1	2.8	94%	1064	573	380	208	480	126	661
	2.7			96.8%	89.7%	93.7%	85.8%	22%	62.7%
	2.6						11.6%	67.4%	33.2%
	2.5	3%	3 фр.	3 фр.		4 фр.		4 фр.	2%
	2.4	1 фр.	6 фр.	6 фр.	4.2%				3 фр.
	2.3					9 фр.		1 фр.	1 фр.
	2.9			2 фр.					
	2.10	2.5%							2 фр.
	2.14	3 фр.					6 фр.	5 фр.	
	2.12				7.6%		2 фр.		
	2.7/2.14							2 фр.	
2	2.8/2.14			7 фр.					
	2.8	ок. 83%	262	27	7 фр.	16 фр.	33	43	214
	2.7			27 фр.	7 фр.	16 фр.	32 фр.	2 фр.	33.6%
	2.5						1 фр.	91%	27.1%
	2.4	ок. 14%							5.6%
	2.10								15.4%
	2.11								ок. 9%
	2.12								4 фр.
	2.13	4 фр.							7.4%
	2.14	3 фр.						2 фр.	

Таблица 9. Состав теста* гладкостенной керамики Ростиславля

Слой		1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004-05
1	Тип теста	100% фрагментов						
	2.14	1291	292	452	552	1077	375	1247
	2.13	4.4%			1 фр.	5.3%	2.6%	4.2%
	2.12			2 фр.	1 фр.	2.7		
	2.11	5 фр.			2 фр.			9 фр.
	2.10			1.5%		2.2%		9 фр.
	2.9	8 фр.						20 фр.
	2.8							4 фр.
	2.7	80.3%	81.1%	83.6%	58.3%	11.1%	16%	27.9%
	2.6	3%		4 фр.	2%	36.2%	63.7%	37.9%
	2.5	ок. 2%		3.9%	ок. 1.5%	9 фр.		11 фр.
	2.4	ок. 1%	3%	3%	4 фр.	ок. 2%	1 фр.	3.2%
	2.3	18.3%	2 фр.	4 фр.		1.6%	1 фр.	2.7%
	2.1	6.8%	11.6%	3%	36%	35%	15.4%	27.1%
	2.3/2.13	10 фр.		3 фр.	1.6%	1.6%		
	2.7/2.14						2 фр.	
	2.8/2.14						ок. 1%	
2	Тип теста	100% фрагментов						
	2.7/2.14	614	159	311	302	121	140	445
	2.14			11.8%	7.2%	16.5%	6.4%	4.7%
	2.13			2 фр.	1 фр.			4 фр.
	2.12							1 фр.
	2.10							2.6%
	2.8	87.4%	83.6%	81.6%	67.8%	55.3%	35%	21.7%
	2.7	4.3%	3.1%		ок. 5%	16.5	55%	53%
	2.6				4 фр.			
	2.5	2.9%	11.3%	2.2%	ок. 4%	6.6%		10%
	2.4	4.5%			ок. 3%			2.6%
	2.3			2 фр.	9.6%		3.5%	2.6%
	2.1	4 фр.	2%	ок. 1%				5 фр.
1.1			1.9%					

* типы теста по В.Ю. Ковалю

Таблица 10. Керамика городища Городна I

Объект	Сетчатая				Гладкостенная всех типов	Неопределенная	ВСЕГО (%):
	неопределенная	нитчатая	рябчатая	рогожная			
шурф 3							
пласт 1	11	26 (17,4%)	40 (26,8%)	7	65 (43,6%)		149 (100)
пласт 2	6	36 (20,6%)	73 (41,9%)	3	7 (4%)	49 (28,1%)	174 (100)
пласт 3	8	20 (6,9%)	188 (65%)	5	11 (3,8%)	57 (19,7%)	289 (100)
пласт 4	14	44 (11,8%)	208 (56,2%)		11 (2,9%)	93 (25,1%)	370 (100)
пласт 4 (под прокалом)	3	11 (8%)	72 (61,5%)		10 (8,5%)	21 (17,9%)	117 (100)
шурф 2	5	4	27		—	10	46

Таблица 11. Распределение сетчатой керамики поселения «Блюдечко» по типам

Объект	Сетчатая				Гладкостенная всех типов	Неопределенная	ВСЕГО:
	неопределенная	нитчатая	рябчатая	рогожная			
УЛ-II-95, кв. 5, пл.б, слой над очагом	40	11	1	2		22	76
УЛ-II-95, большой овраг	34	3	-	-	-	?	37
УЛ-II-95, малый овраг	18	17	-	3	-	?	38
УЛ-III-95, все объекты	53	9	1	-	1 - (?)	?	57
Всего	138	40	2	5	1	22	208

Таблица 12. Дьяковская керамика некоторых поселений, соседних с Коломенской группой.

Памятник, год раскопок	Сетчатая*				Штрихованная	Гладкостенная	ВСЕГО
	неопределенная	нитчатая	рябчатая	рогожая			
Белый Колодец, 1998	1	–	115	–	2	–	118
Белый Колодец, 2000	–	–	34	1	–	–	35
Белый Колодец, 2001	3	1	178	–	1	–	183
Зарайское городище	1	4	–	–	–	24 (развал)	29
Сосновка IV, селище**	–	77(развал)	203	–	–	4 – (?)	284
Палецкое (Луховицкое I), городище	3	34	23	4	–	?	64

* Данные на 2006 год.

Таблица 13

века	Городецкие Рязанщины	Коломенская группа	Ростиславль	Каширская группа	Средняя Москва-река	Верхняя Москва-река
VII						
VI						
V						
IV						
III						
II	■	▨	▩	▧	▧	▧
I до н. э.	■	▩	▩	▩	▧	▧
I н. э.	■	▩	▩	▩	▧	▧
II	■	▩	▩	▩	▧	▧
2-я пол. III	■	▩	▩	▩	▧	▧
1-я пол. III	■	▩	▩	▩	▧	▧
IV	▧	▧	▧	▧	▧	▧
V	▧	▧	▧	▧	▧	▧
VI	▧	▧	▧	▧	▧	▧
2-я пол. VII	■	▧	▧	▧	▧	▧
1-я пол. VII	■	▧	▧	▧	▧	▧
VIII	■	▧	▧	▧	▧	▧

- древности типа Климентовской стоянки
- ▧ рябчатая керамика с гребенчатым штампом
- ▩ нитчатая
- ||||| культуры позднедьяковского времени
- рогожная керамика
- ▧ гладкостенная Каширского типа
- ▧ крапчатая сетка
- ▧ крупночешуйчатая рябчатая
- ▧ мелкочешуйчатая рябчатая

Таблица 14. Наконечники стрел Коломенских городищ
(тип наконечников определен по К. А. Смирнову)

	Костяные									Железные черешковые	Бронзовая втульчатая двулопастная шпорцевая
	втульчатые		черешковые								
									неопределимый		
Памятник	1	3	10	14	16	19	21	24		1	
Протопопово									1+1(?)	1	
Городищи	1		1	2	1	1	1	1	заготовка +1(?)		
«Блюдечко»										1	
Щурово										1	
Палецкое	1	1 - (?)					1			1	
Зарудня											1

Таблица 15. Грузики дьякова типа городищ коломенской группы
(тип грузиков определен по К. А. Смирнову)

Памятник	1	2	5a	7	9	12a	12б	12г	14
Погост Красно								1	
Коробчеево 1							1		
Городищи	3		1	1	1		1+1*(?)	1	1
Палецкое								1	
Городна 1						1*			

* орнаментированные экземпляры

Таблица 16. Миниатюрные сосудики коломенских городищ
(по классификации И. Г. Розенфельдт)

памятник	слабопрофилированные					профилированные		неопределимый
	тип 1	тип 2	тип 3		тип 4	тип 5		
			подтип 1	подтип 2		подтип 1	подтип 2	
Протопоново	-	-	-	-	-	-	-	1+1*
Погост Красно	1	-	-	-	-	-	-	-
Городищи	1 (?)	-	3	1	-	1	-	11-(?) светильник - (?)
Городна 1	-	-	2-(?)	-	-	-	-	1

* орнаментированные экземпляры

Рисунки

Рис. 1. Рис. 1. Поселения железного века Коломенской группы
а, б, в — городища; г, д, е — селища; ж, з — местонахождения керамики.
а, г, ж — памятники с сетчатой керамикой (дьяковские); б, д, з — с лепной гладко-
стенной керамикой; в, е — с сетчатой и лепной гладкостенной керамикой.
Номера памятников соответствуют таблице 1.

Рис. 2. Дзяковские поселения в историческом центре г. Коломны. Номера памятников соответствуют таблице 1.

Рис. 3. План городища Коробчеево I (Талицкий М. В., 1936 г. Выкопировка из оригинала, хранящегося в ККМ).

Рис. 4. Вид на Коробчевское городище с моста через р. Оку.

Рис. 5. Коробчево I. Вид на внутренний вал и ров городища с гребня внешнего вала.

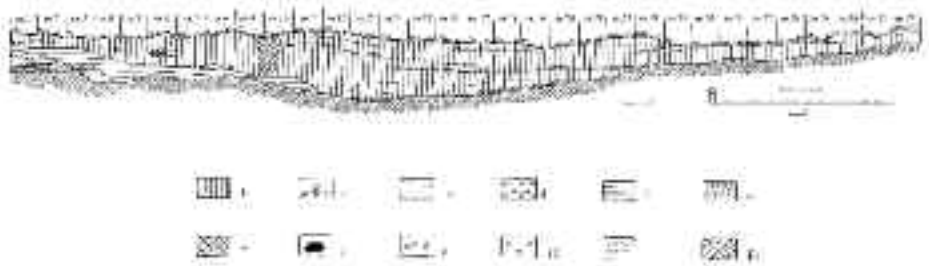

Рис. 6. Разрез укреплений городища Коробчево I (М. Г. Савицкий, 1992 г).
 1 – тёмно-серый культурный слой; 2 – дёрн; 3 – песок; 4 – мергель; 5 – жёлтовато-коричневый культурный слой; 6 – светло-коричневый культурный слой и более светлая подстилающая почва; 7 – перекопы; 8 – горелое дерево; 9 – древесный тлен; 10 – уголь; 11 – зола, пепел; 12 – материк.

Рис. 7. Городище Коробчево I, 1992 г.
 Заполнение рва, рейка стоит на уступе материка – плитчатом известняке.

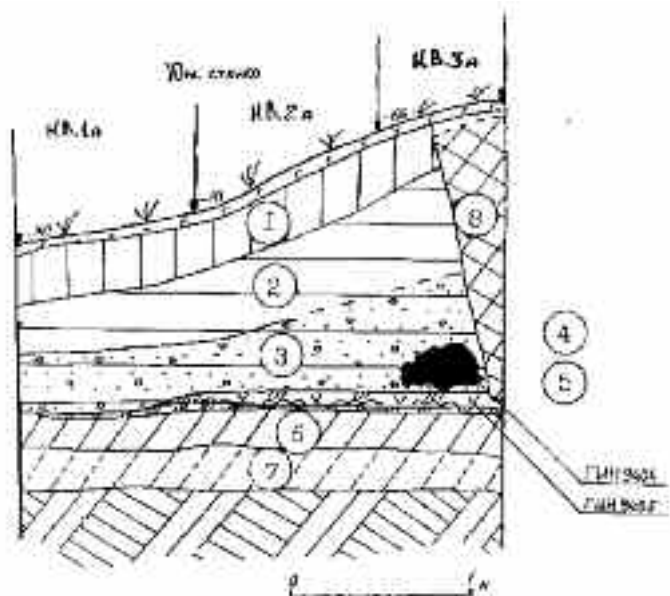

Рис. 8. Городище Коробчево I, стратиграфия шурфа – врезки в кв. 1. А – профиль южной стенки, Б – фото северной стенки.

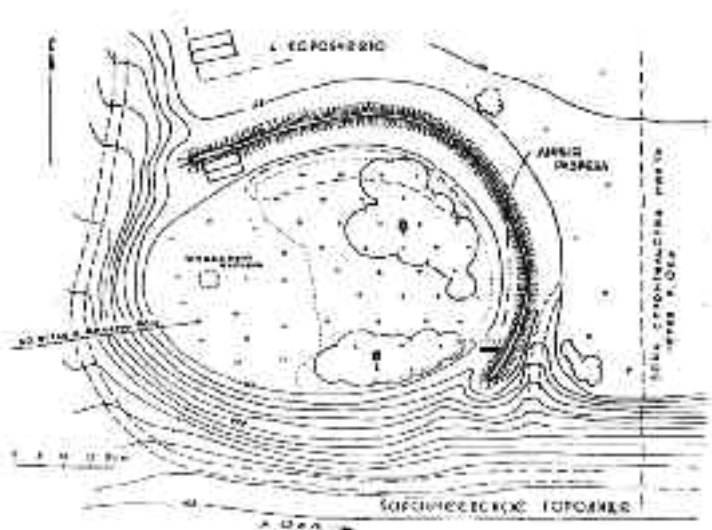

Рис. 9. План Коробчеево I (Розенфельдт Р. Л., 1986 г.).
Пунктиром отмечена линия разреза укреплений и шурф-врезка 1992 г.

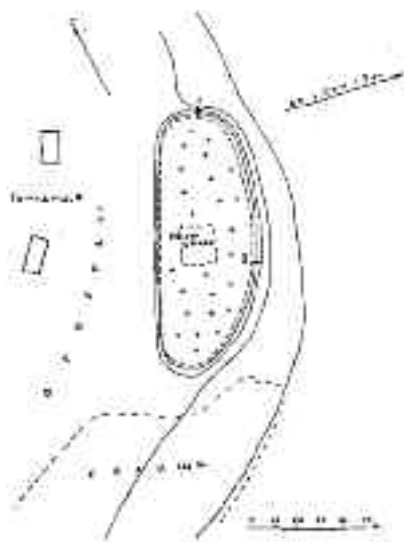

Рис. 10. Городище
в с. Городец
(Розенфельдт Р. Л., 1986 г.).
Римскими цифрами
обозначены траншеи
М. Г. Савицкого.

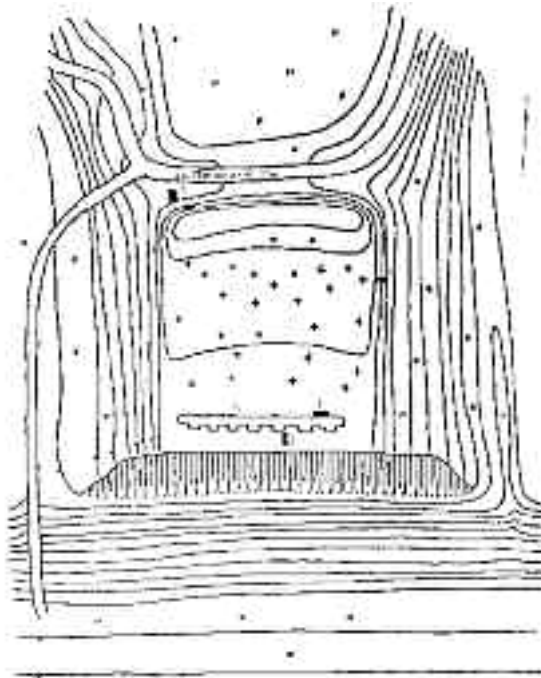

Рис. 11. План Протопоповского городища (Розенфельдт Р. Л.).
1–5 – шурфы 1996 г, 6 – окопы военного времени.

Рис. 12. Протопоповское городище ранней весной, вид с запада.

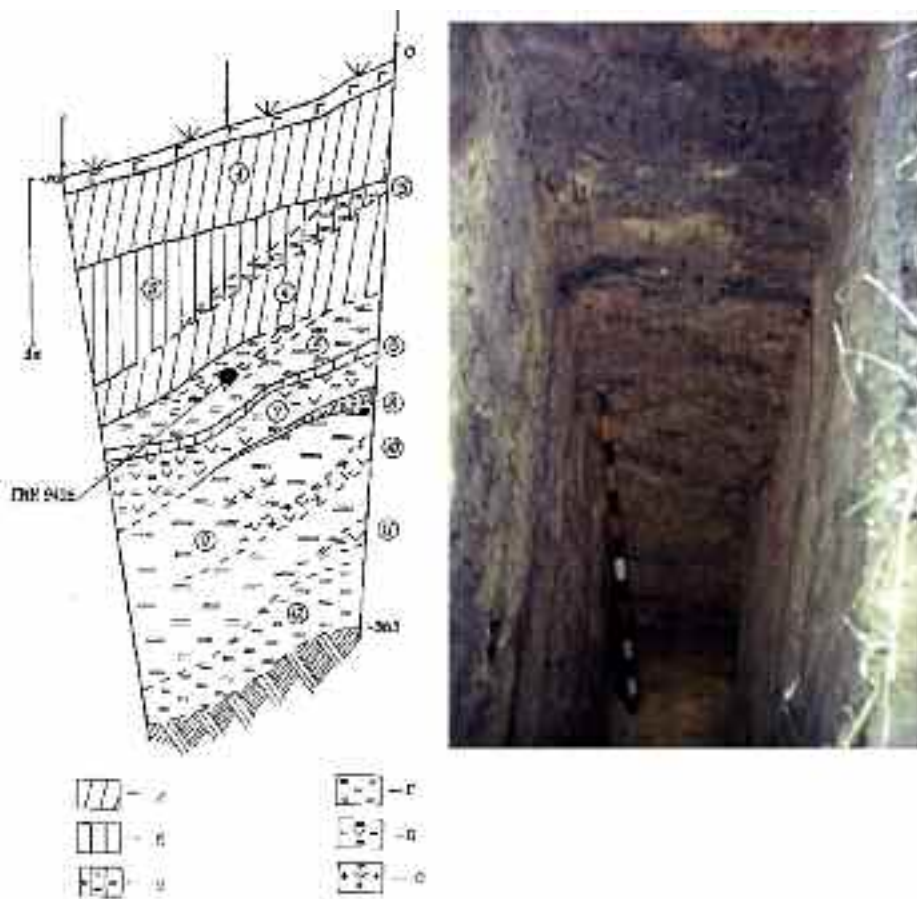
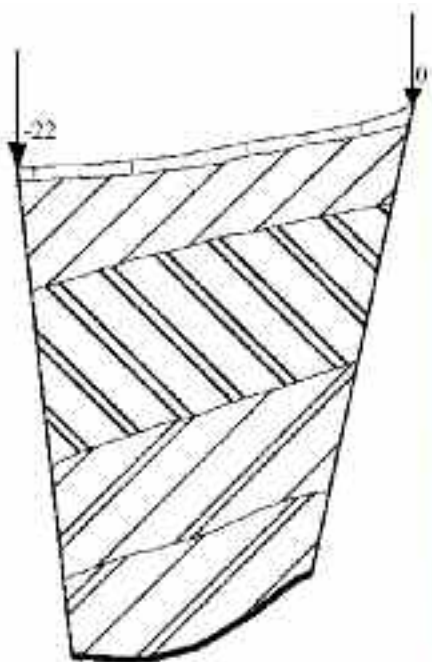

Рис. 13. Вид на шурф 5 с СЗ и профиль ЮВ стенки.
a – тёмно-серый гумусированный суглинок; *б* – серый слой с примесью жёлтого материкового суглинка; *в, з* – слои жёлтого суглинка; *д* – слой суглинка с включениями угля; *е* – включения прокалённой глины и угля в слоях жёлтого суглинка.

0 20см

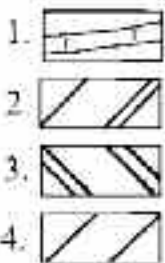

Рис. 14. Профиль восточной стенки шурфа 4 и фото нижних прослоек этой же стенки.

1 – дерн;

2 – жёлтый материковый суглинок с включениями культурного слоя;

3 – переотложенный материковый суглинок;

4 – тёмно-серый гумусированный суглинок.

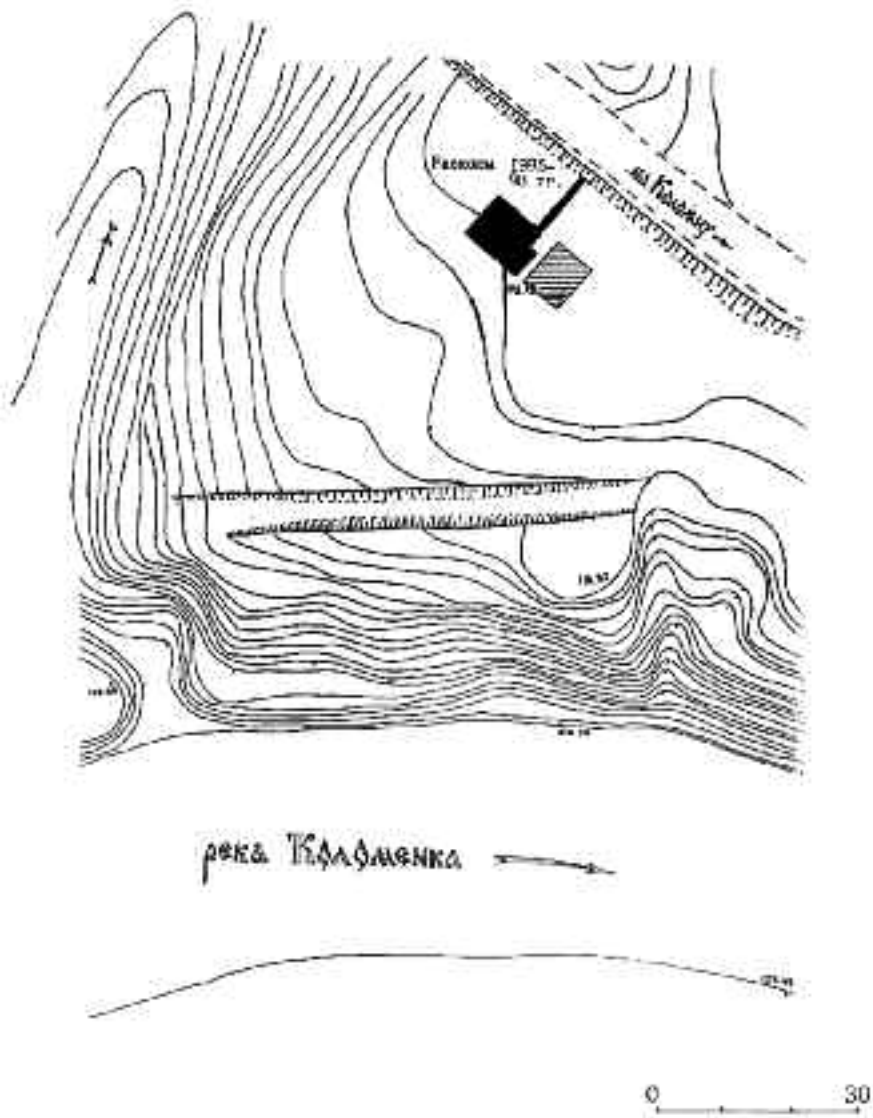

Рис. 15. Городище в с. Городищи, современная съёмка.

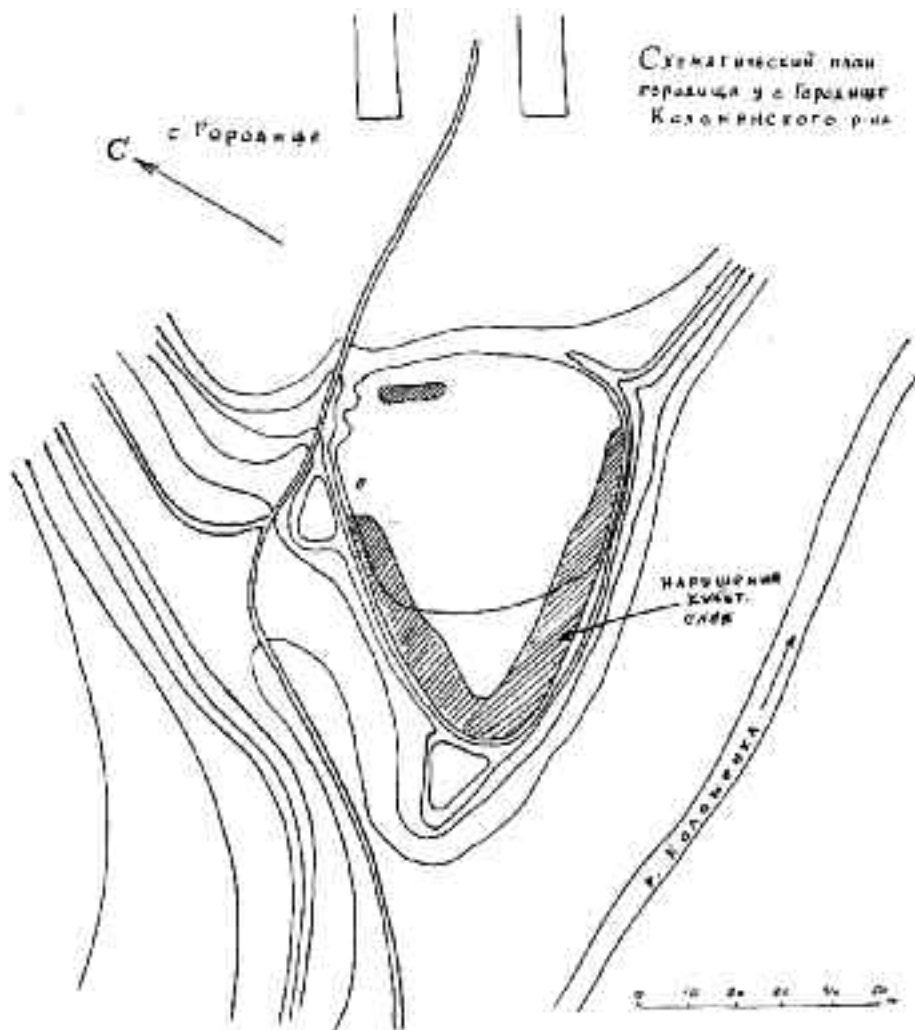

Рис. 16. План Городищенского городища (Розенфельдт Р. Л., съёмка 1960-х гг.).

Рис. 17. Горищенское городище, вид с юго-запада.

Рис. 18. Горищенское городище в 1930-е гг., фото Н. П. Милонова (?).

Рис. 19. Городищенское городище.
 Схема расположения столбовых ям
 в насыпи вала. Заштрихованы ямы
 в материке, не заштрихованы столбы,
 не достигавшие материка.

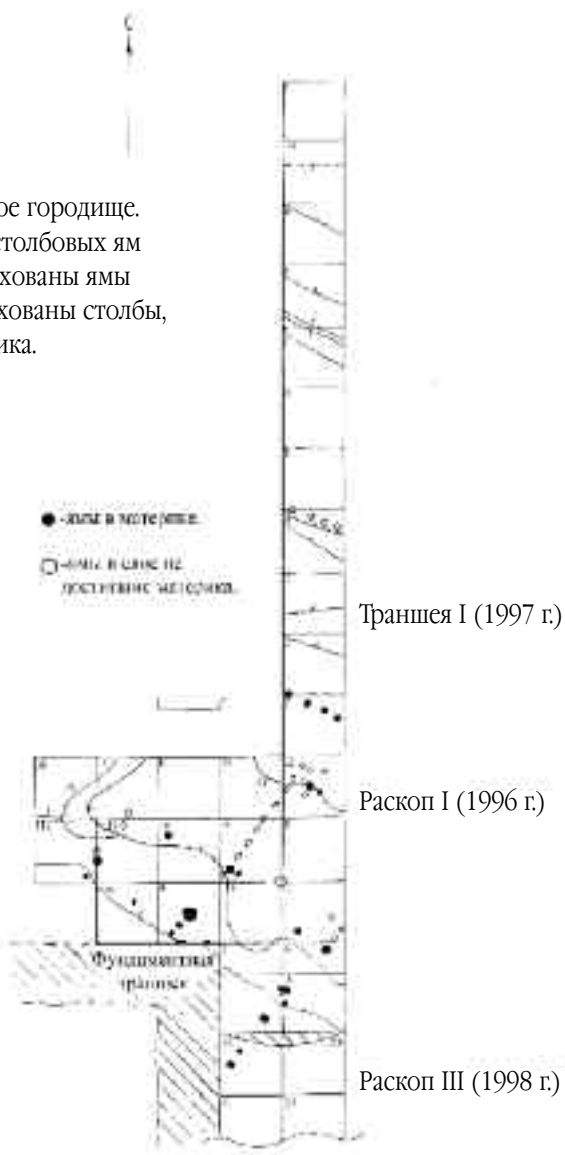

Рис. 20. Городищенское городище. Профиль восточной стенки раскопов 1996–98 гг.

а – мусорный слой, перекопы; *б* – тёмно-серый слой; *в* – серый слой; *г* – жёлтый суглинок с включениями угля, серого слоя, керамики; *д* – прокалённая глина; *е* – уголь; *ж* – серый слой с включениями угля; *з, и* – перемес из прокалённой глины, угля и серого слоя.

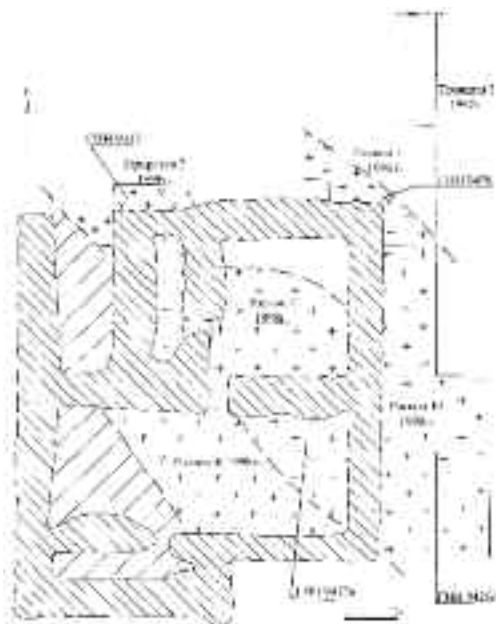

Рис. 21. Городищенское городище. Схема распространения основных слоёв в раскопах 1996-98 гг.

а – перекопы фундаментной траншеи;
б – тёмно-серый суглинок со следами расщипки;
в – торфообразный слой органического тлена;
г – прокалённая глина с подстилающим углем.

Рис. 22. Городищи. Слой прокалённой глины на склоне древнейшего рва, кв. 4 раскопа (1996 г.).

Рис. 23. Городищи, слой прокалённой глины в основании вала поверх погребенной почвы. Раскоп 1 (1998 г.).

Рис. 24. Городищи. Слой прокалённой глины в основании вала поверх погребённой почвы. Раскоп 3 (1998 г.).

Рис. 25. Городищи. Слой прокалённой глины в основании вала.
Раскоп 1 (1996 г.)

Рис. 26. Городищи. Нижняя часть заполнения позднейшего рва.
Траншея 1 (1997 г.), восточная стенка, кв. 10.

Рис. 27. Городищенское городище. Разрез придонной части насыпи вала, раскоп 1 (1996 г.), кв. 12.

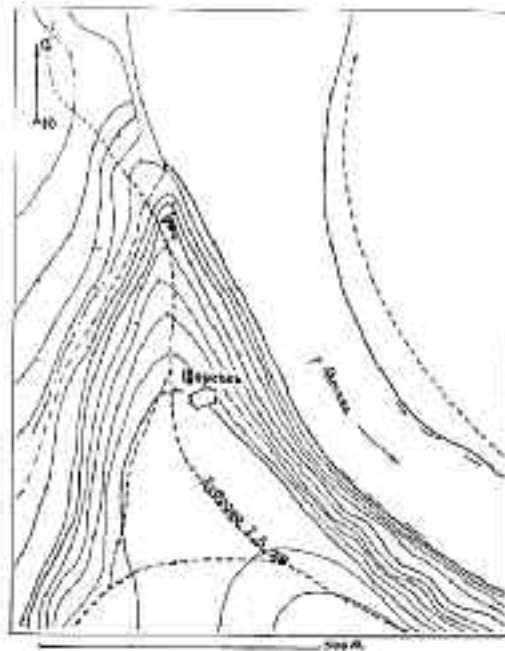

Рис. 28. Городище Погост Красно, современная съёмка.

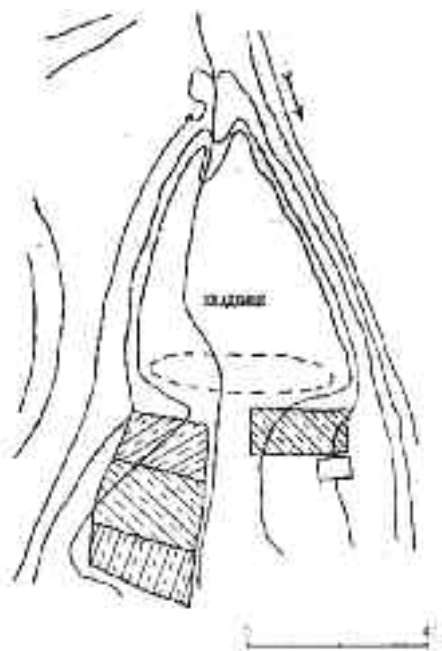

Рис. 29. Городище Погост Красно (Талицкий М. В., 1936 г.).

Рис. 30. Площадка городища Погост Красно, вид с церкви.

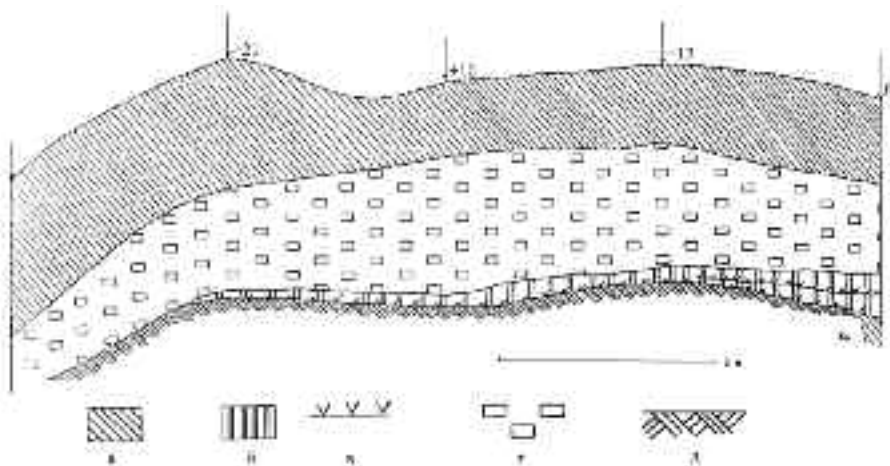

Рис. 31. Городище Погост Красно. Профиль южной стенки шурфа 1 (1997 г).
а – тёмно-серый культурный слой; *б* – бурый культурный слой; *в* – углистая прослойка; *г* – жёлтый известняк; *д* – материк.

Рис. 32. Городище Городня I, вид с востока.

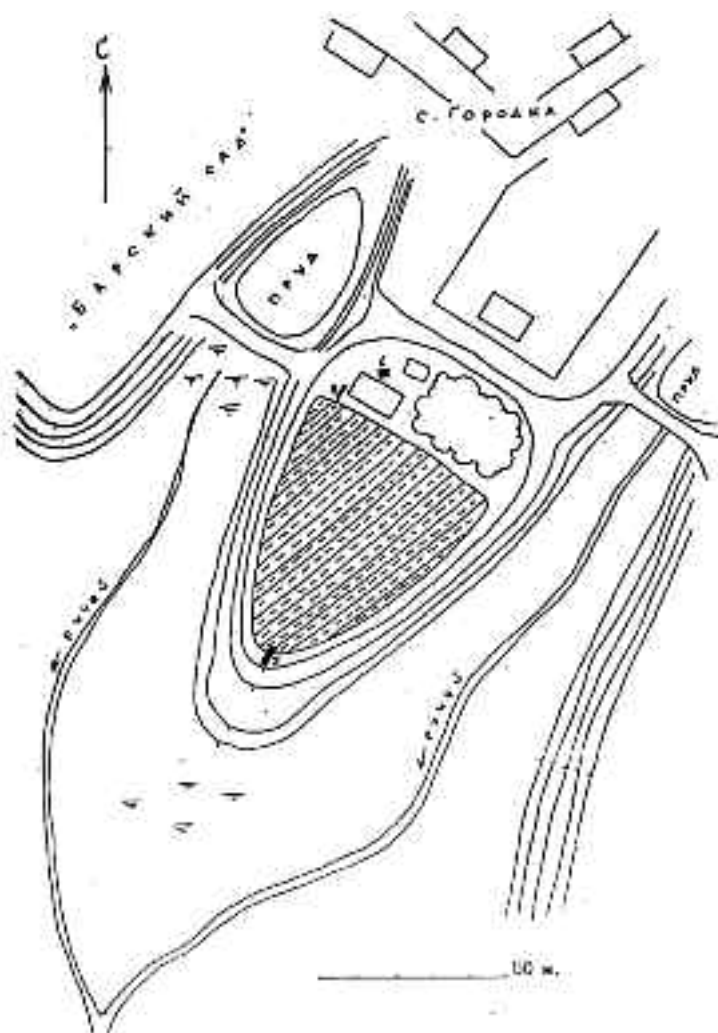

Рис. 33. Городище Городна I (Розенфельдт Р. Л.).
Цифрами обозначены шурфы 1998 г.

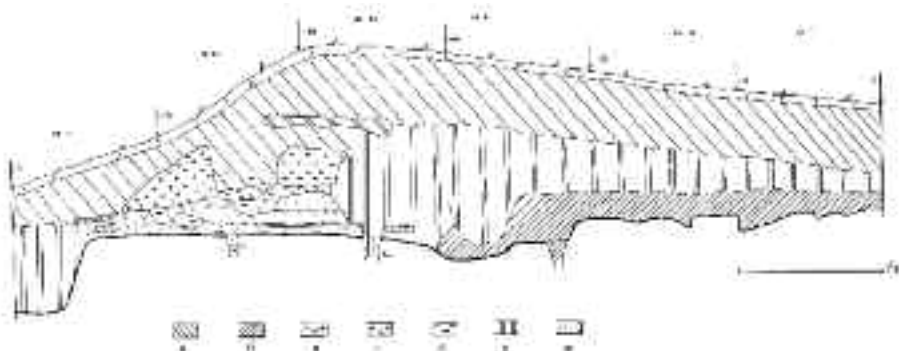

Рис. 34. Городище Городна I. Профиль северо-западной стенки шурфа 3 (1998 г). *a* – серый гумусированный суглинок со следами распашки; *б* – тёмно-серый гумусированный суглинок; *в* – прокалённая глина; *г* – уголь; *д* – органический тлен; *е* – серый гумусированный суглинок; *ж* – светлая супесь.

Рис. 35. Городище Городна I. Слой прокалённой глины в шурфе 3 и нижние отложения.

Рис. 36. Городище Городна I. Нижние отложения в СВ и СЗ стенках шурфа 2 со скоплениями угля и прокалённой глины.

Рис. 37. Городище Ростиславль. Раскоп 4 (2006 г.), разрез вала. Изгиб прослойки в нижней части фотографии трактован как проход к валу, заполнение прохода — в правой части фотографии. Фото автора.

Рис. 38. Городище Ростиславль, придонные отложения рва. Ракоп 4 (2006 г.). Фото автора.

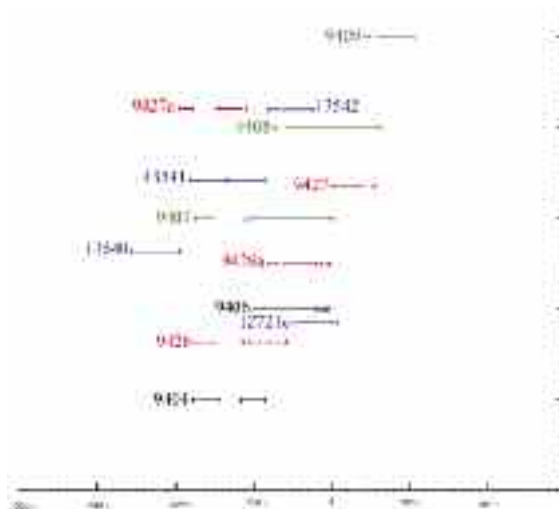

Рис. 39. Радиоуглеродные даты укреплений городищ юго-восточного Подмосковья. Чёрным цветом обозначены даты с Протопоповского и Коробчевеевского городищ, красным – даты из основного вала Городищенского городища, зелёным – из верхних прослоек и рва Городищенского городища, синим – из вала городища Городна I.

Рис. 40. Городищенское городище (Милонов Н. П., выкопировка плана «землянки»). Масштаб и ориентировка неизвестны.

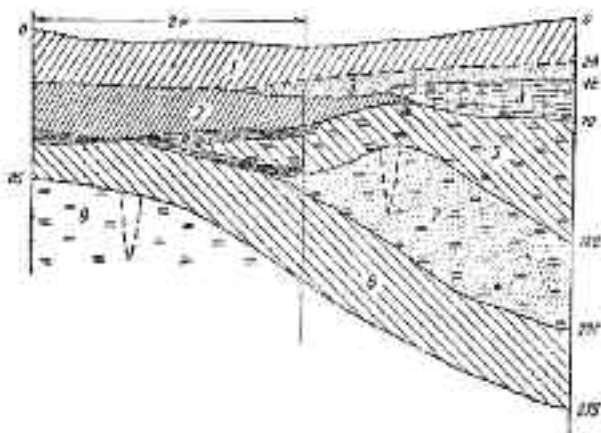

Рис. 41. Протопопово, профиль раскопа (Талицкий М. В., 1936 г.).

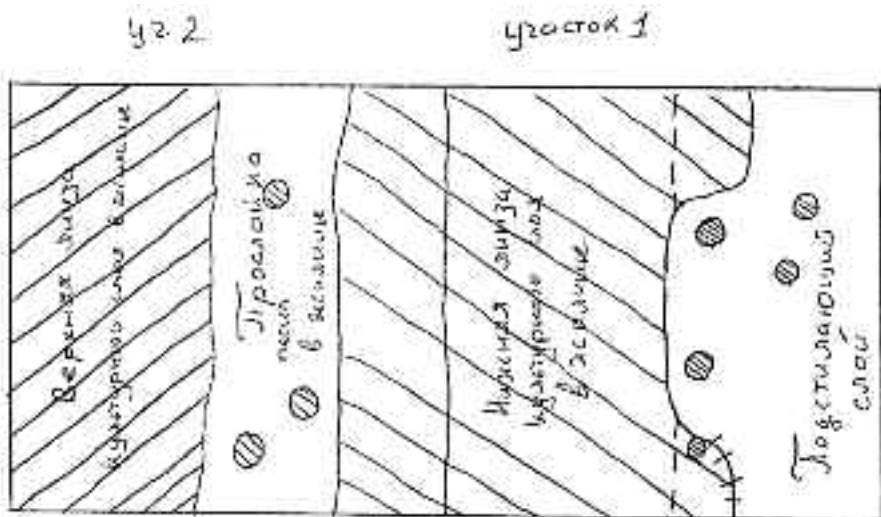

Рис. 42. Протопопово, план раскопа (1936 г.). Выкопировка оригинального рисунка из архива Талицкого – Введенской, хранящегося в ККМ (ориентировка неизвестна).

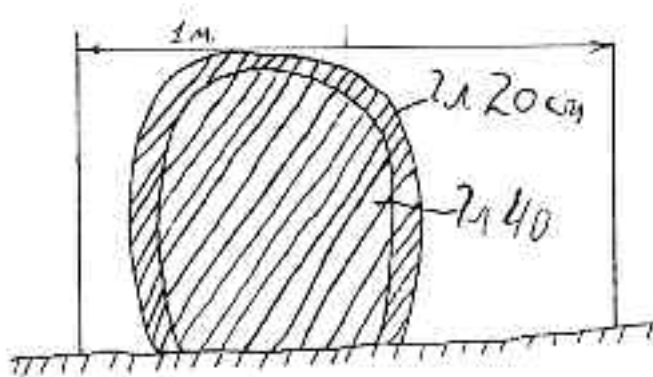

Рис. 43. Селище Колычёво II, план «жилища» (вверху – юг?). Выкопировка оригинального рисунка из архива Талицкого – Введенской, хранящегося в ККМ.

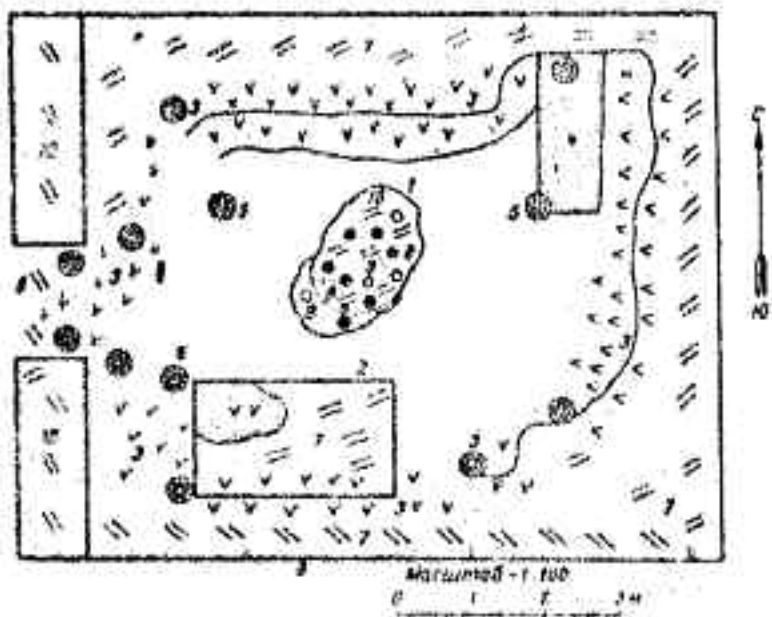

Рис. 44. «Блодечко». План «жилища» (Милонов Н. П., 1948 г.).

Рис. 45. Протопоповское городище. Керамика с «нитчатым» отпечатком.

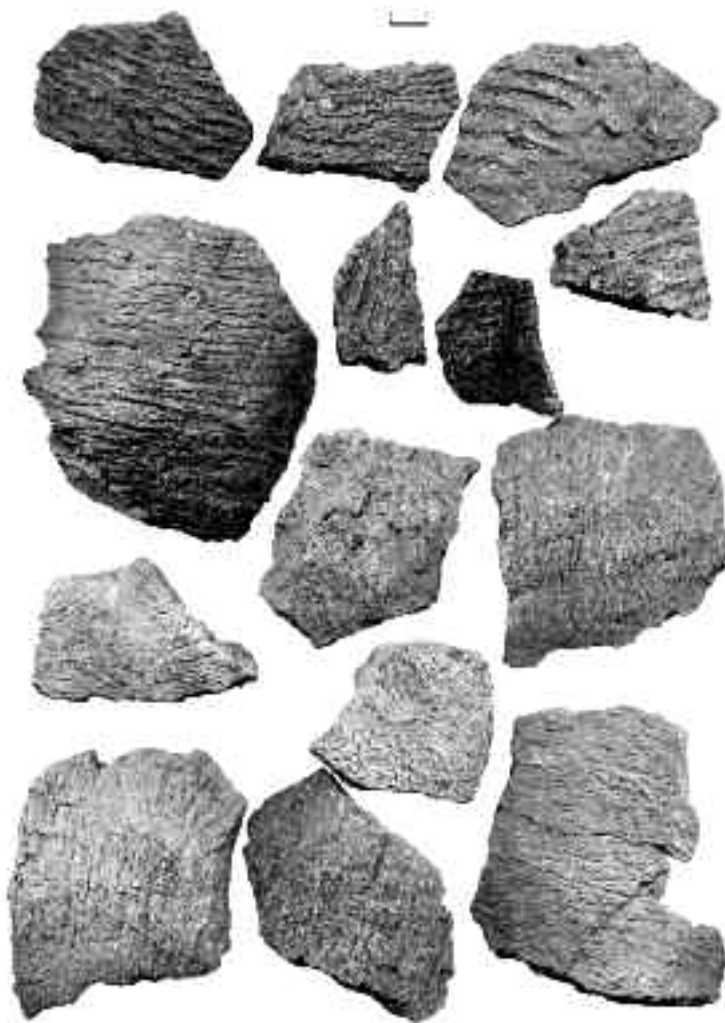

Рис. 46. Городище Коробчеево I, придонные отложения рва. Керамика с «нитчатым» отпечатком.

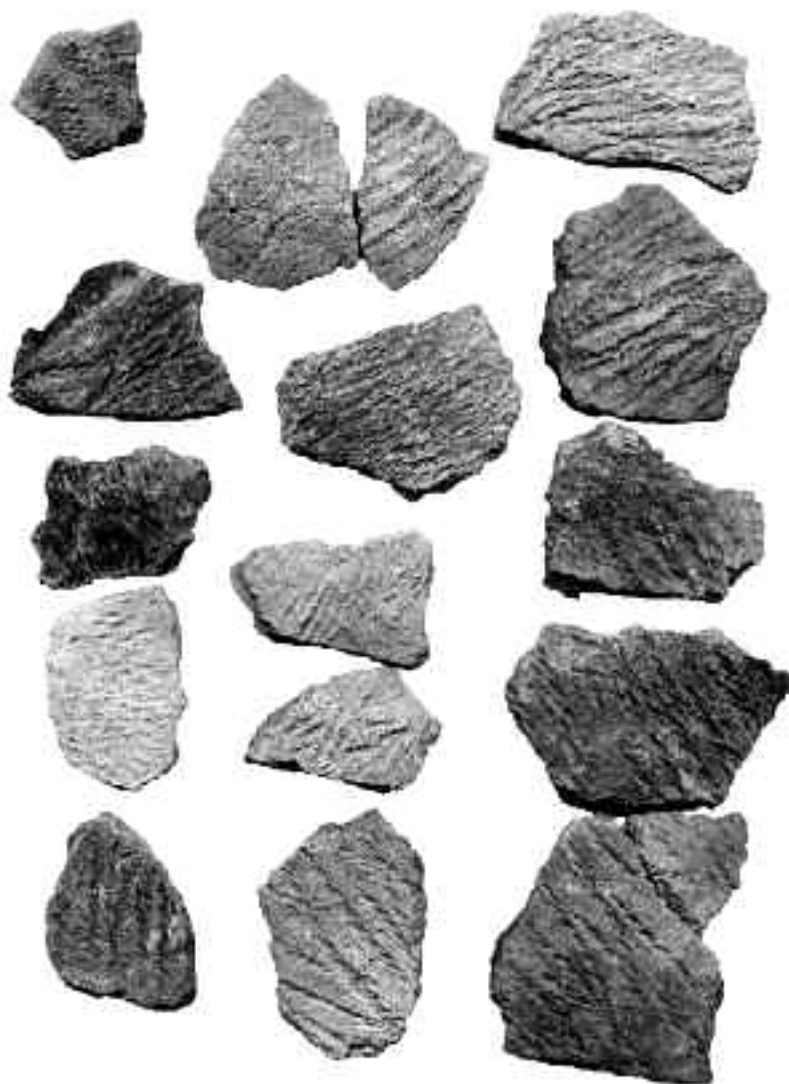

Рис. 47. Городище Городищи, насыпь вала, траншея 1 (1997 г.)
Керамика с «нитчатым» отпечатком.

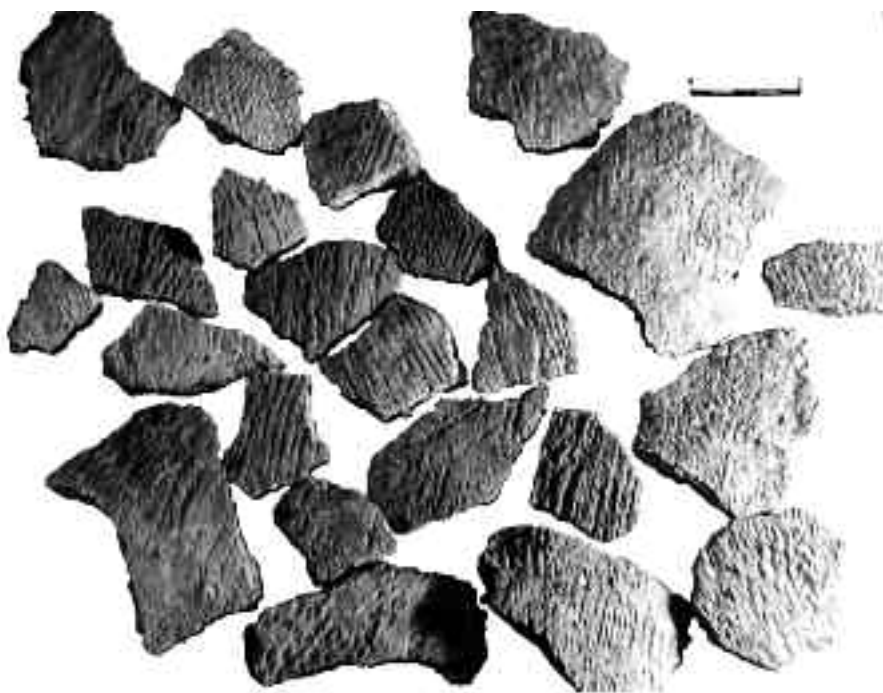

Рис. 48. Городище Ростиславль, раскоп 4. Насыпь вала, горизонты 8–9. Керамика с «нитчатым» отпечатком.

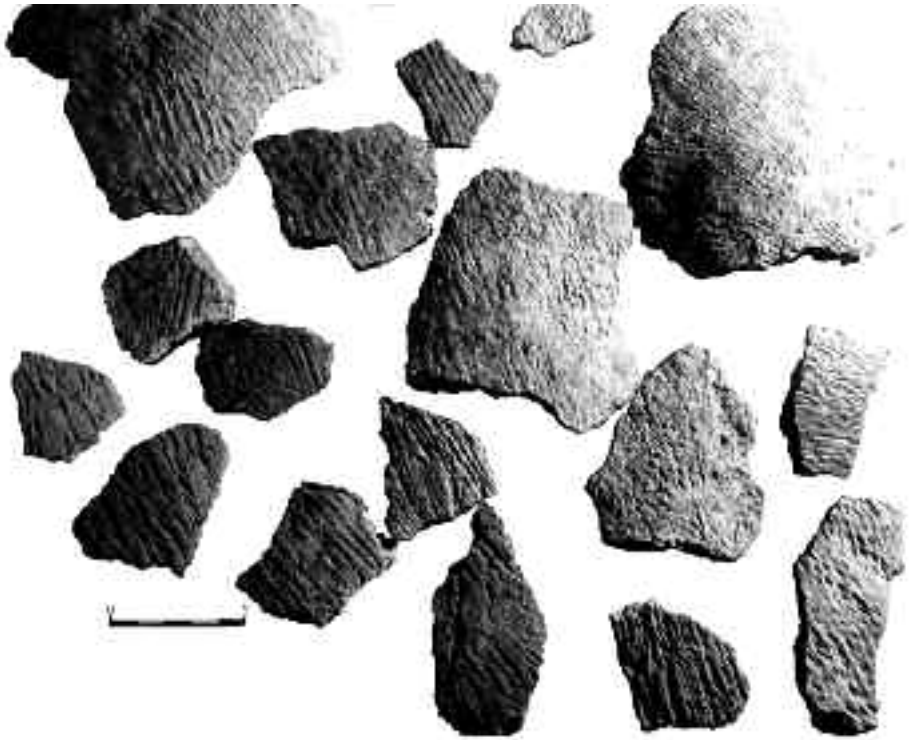

Рис. 49. Городище Ростиславль, раскоп 4. Насыпь вала, горизонты 8–9. Керамика с «нитчатым» отпечатком.

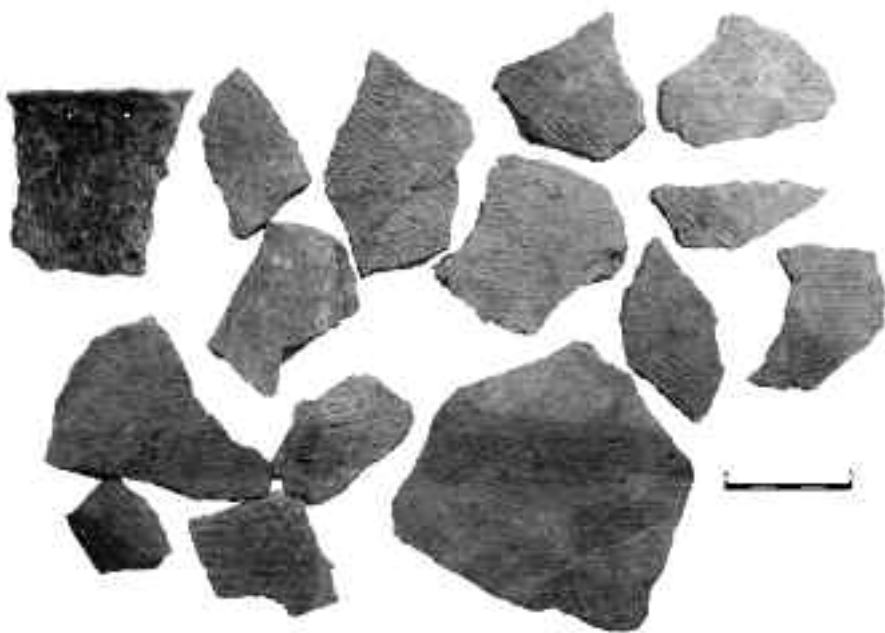

Рис. 50. Палецкое городище, сборы сотрудников Луховицкого музея. Керамика с «нитчатым» отпечатком.

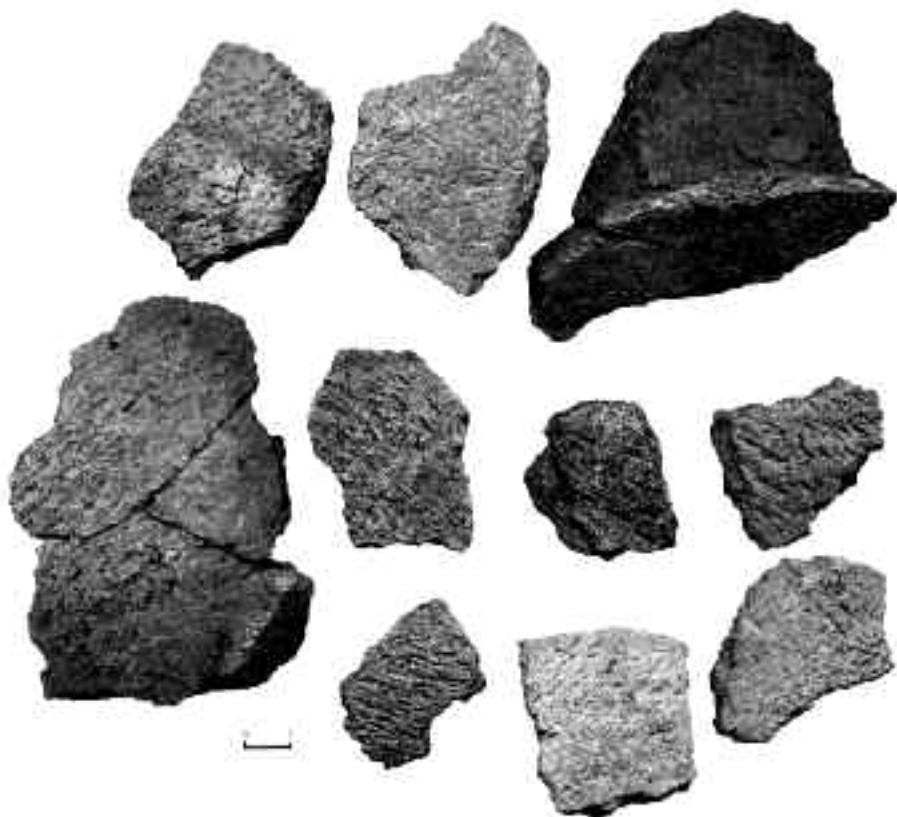

Рис. 51. Городищи, насыпь вала. Траншея 1 (1997 г.)
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

Рис. 52. Керамика стоянки в Щурово по ул. Набережной.

Рис. 53. Ростиславль, насыпь вала, горизонты 8–9.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

Рис. 54. Ростиславль, насыпь вала, горизонты 8–9.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

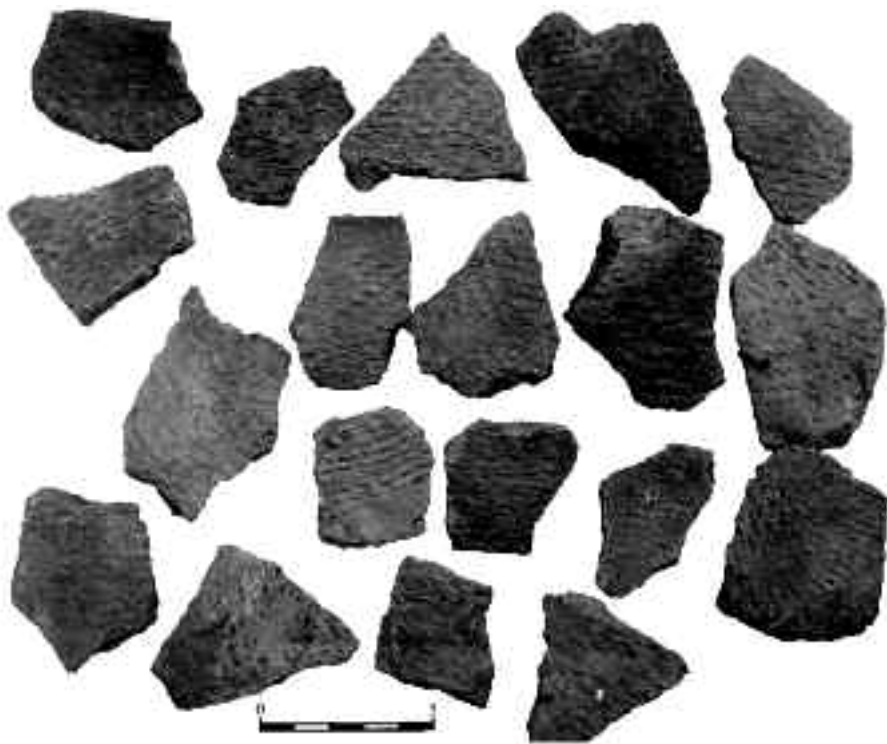

Рис. 55. Городище Городна I, шурф 3, нижние горизонты.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

Рис. 56. Городище Городна I, шурф 3, нижние горизонты.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

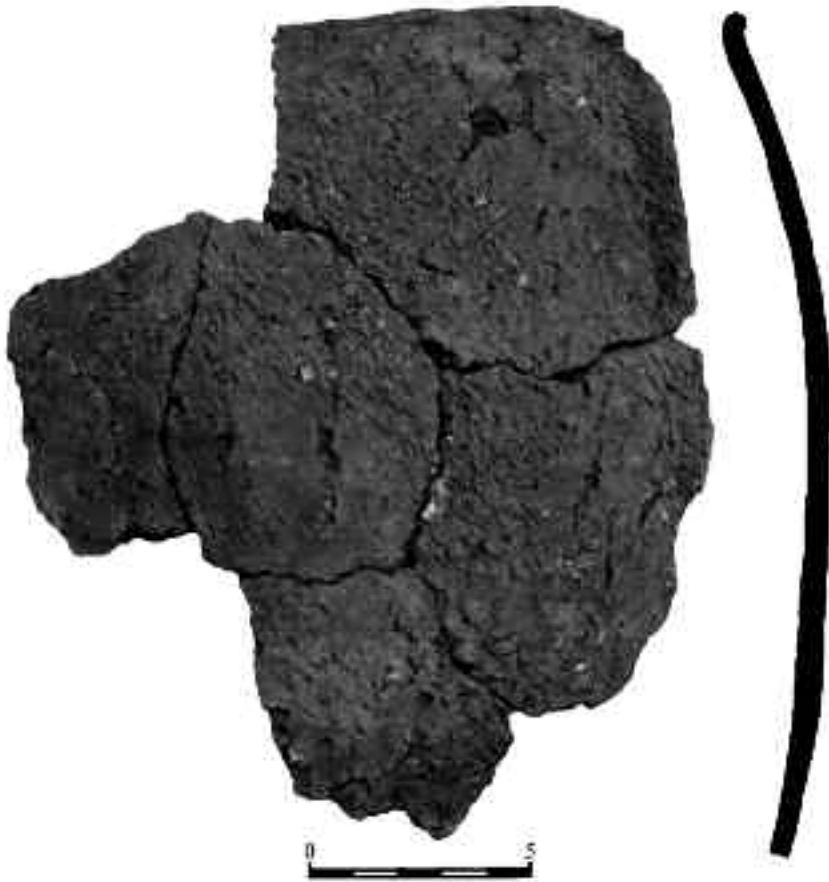

Рис. 57. Городище Городна I, шурф 3, нижние горизонты. Фрагмент стенки сосуда с «рябчатыми» отпечатками.

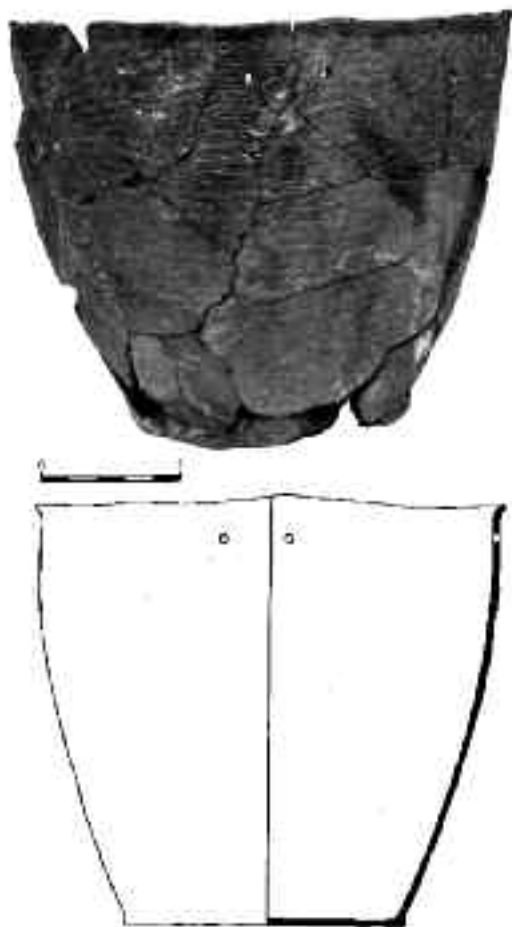

Рис. 58. Городище Городна I, шурф 3, нижние горизонты.
Развал сосуда с «рябчатыми» отпечатками.

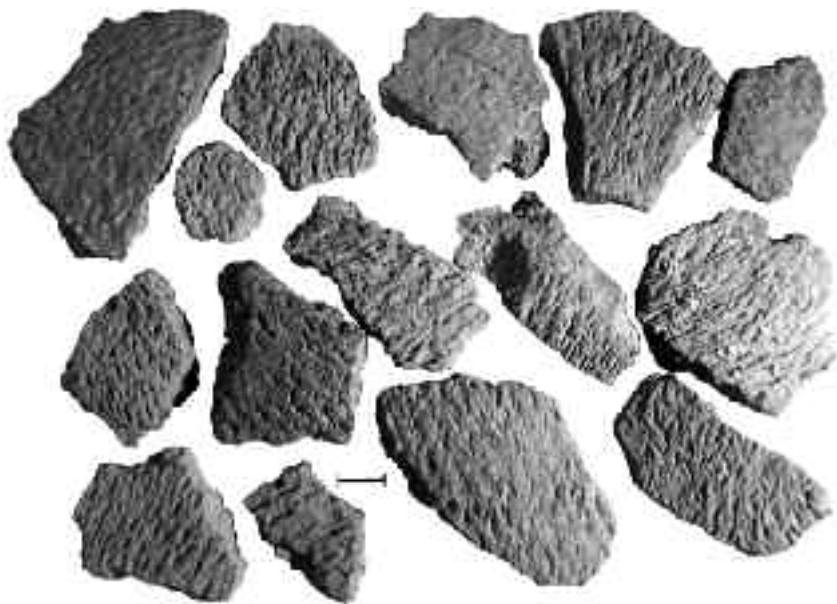

Рис. 59. Поселение «Блюдечко», раскоп УЛ-2-95.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

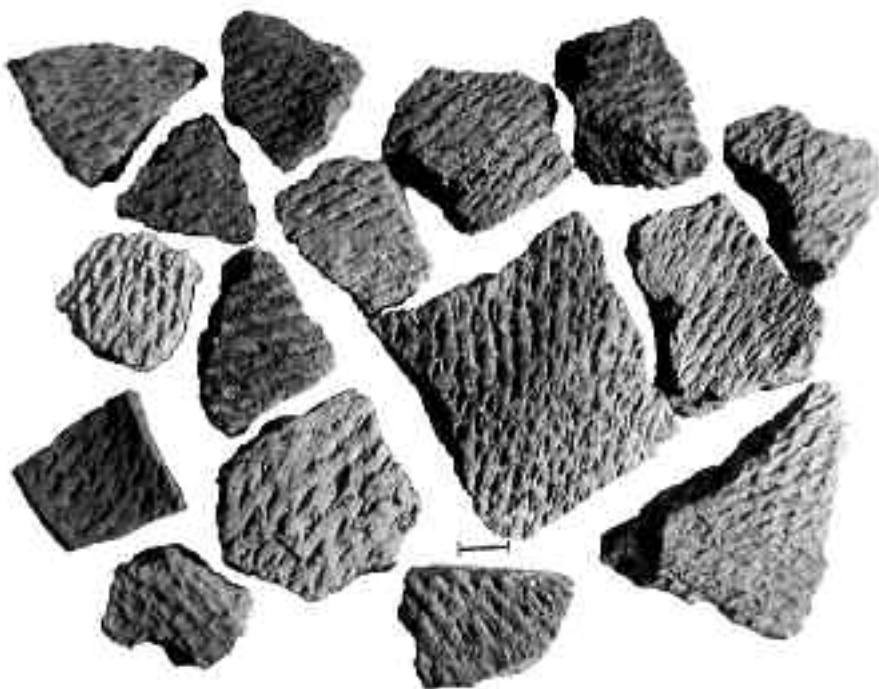

Рис. 60. Поселение «Блюдечко», раскоп УЛ-3-95.
Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

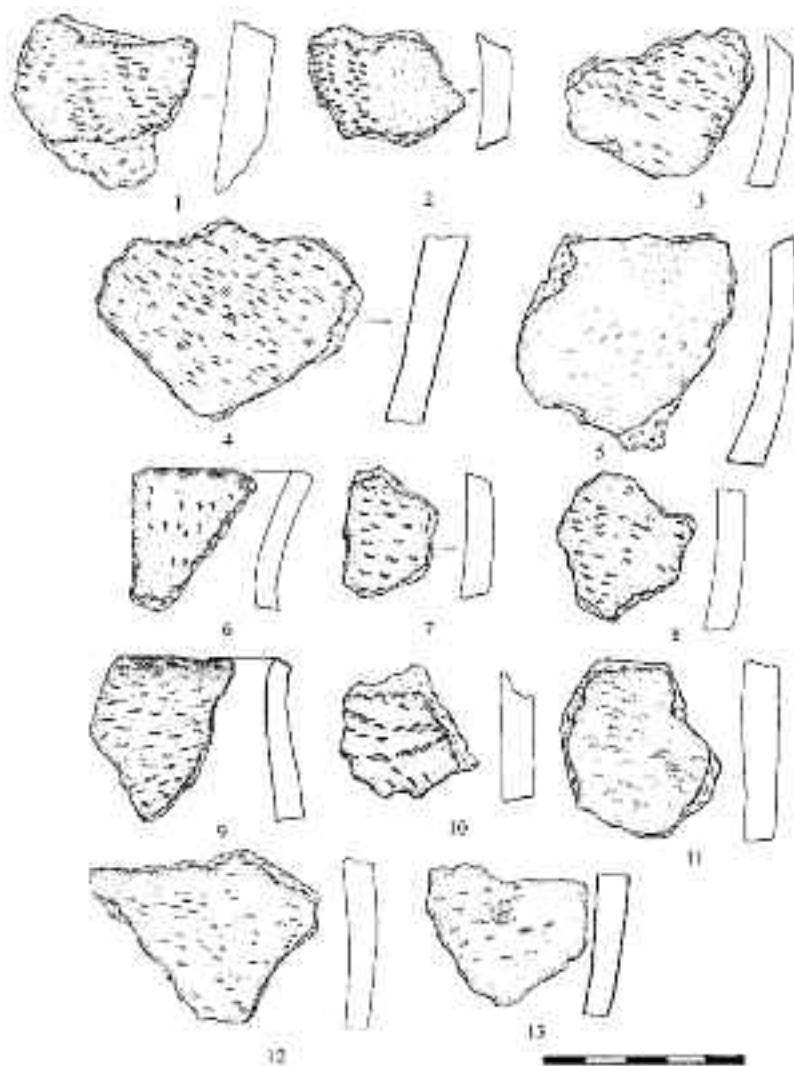

Рис. 61. Керамика селища Мякинино (Коваль В. Ю.).

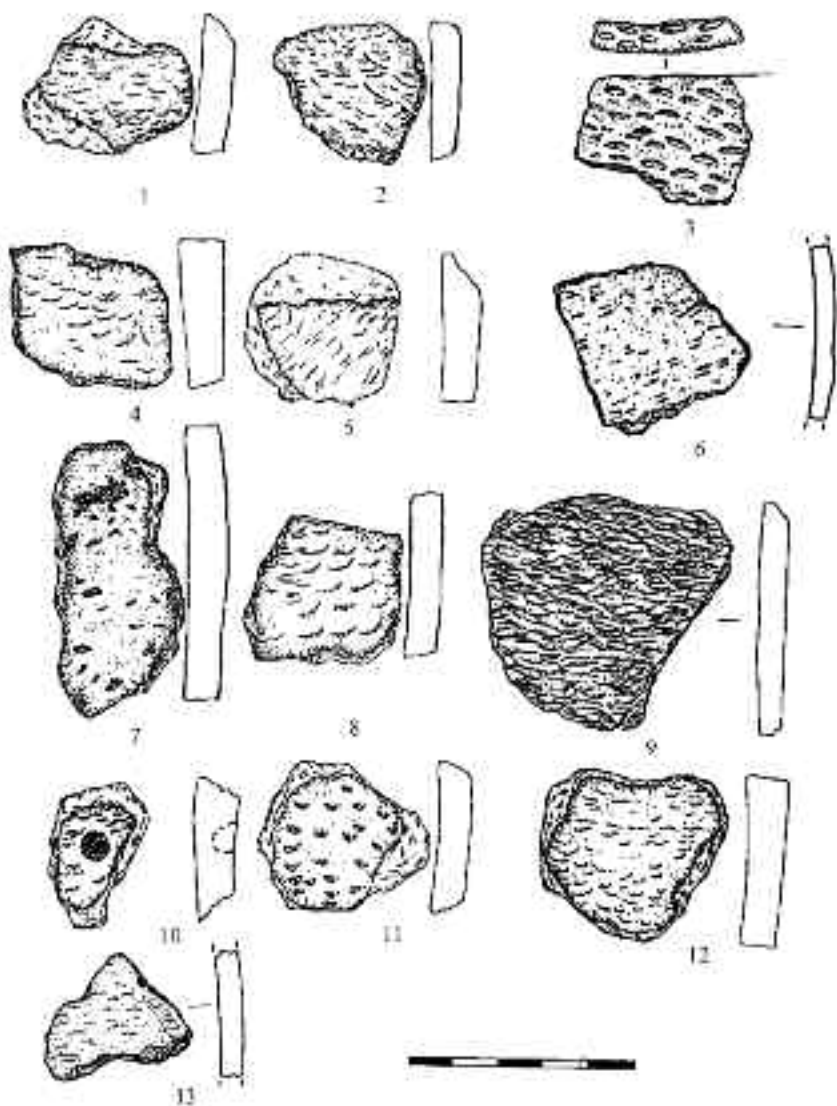

Рис. 62. Керамика селища Мякинино (Коваль В. Ю.).

Рис. 63. Городищи, траншея 1 (1997 г.). Нижние горизонты заполнения рва. Керамика с «крупночешуйчатыми рябчатыми» отпечатками.

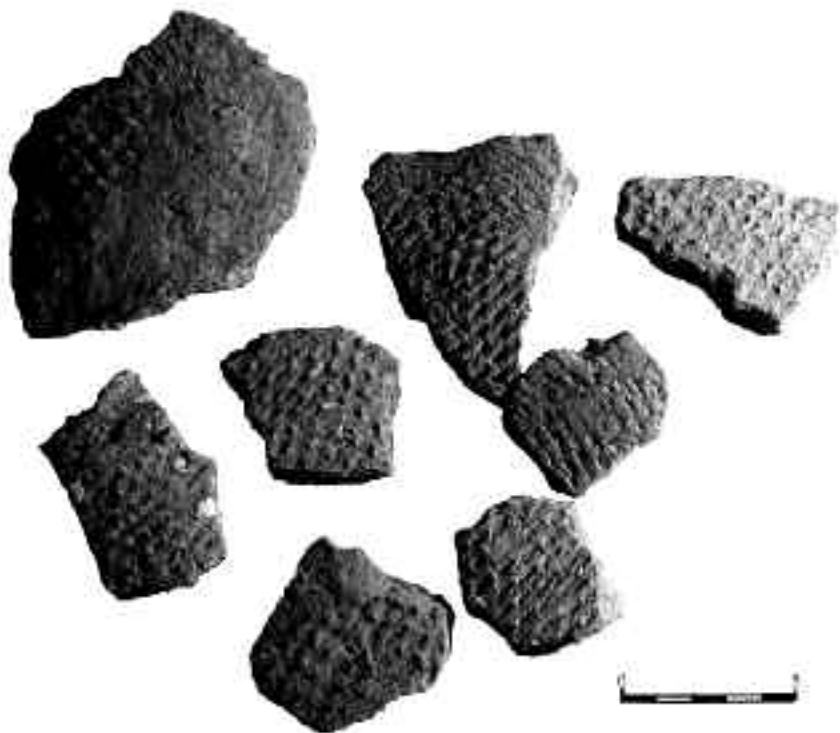

Рис. 64. Ростиславль. Керамика с «крупноячеистыми рябчатыми» отпечатками.

Рис. 65. Ростиславль. Верхние прослойки насыпи вала, раскоп V. Керамика с «крупноячеистыми рябчатыми» отпечатками.

Рис. 66. Ростиславль. Сильнопрофилированный сосуд с «крупноячеистым рябчатым» отпечатком (Коваль В. Ю.).

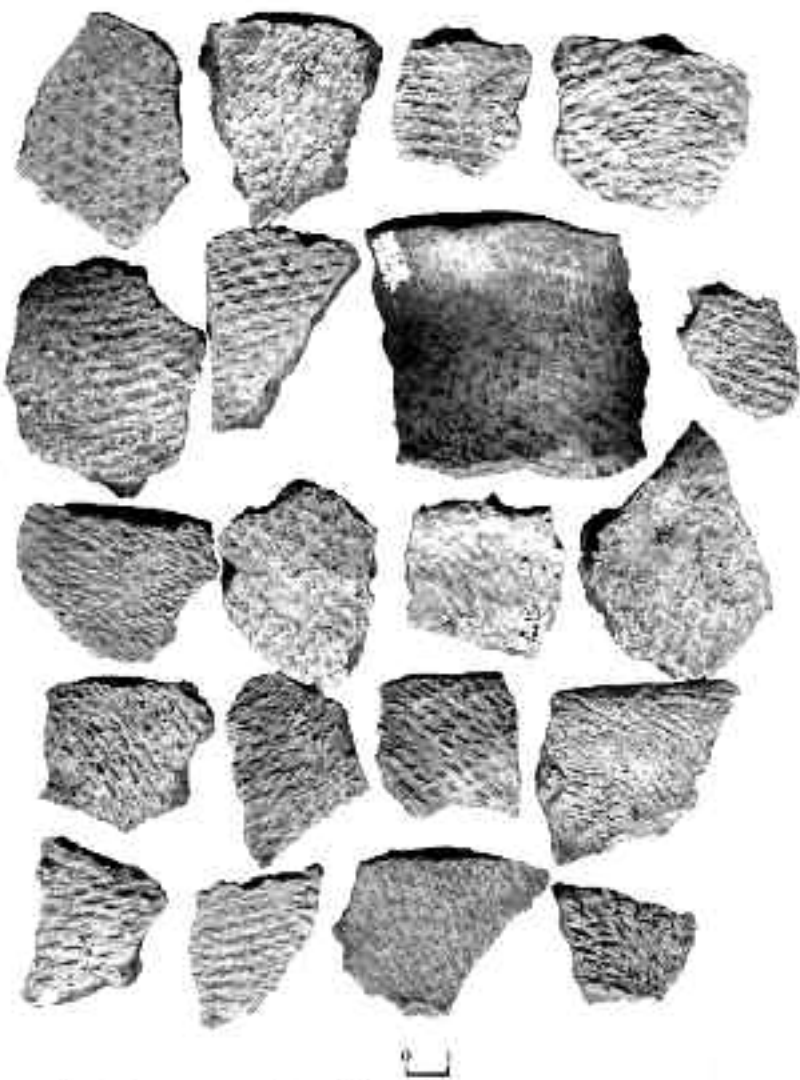

Рис. 67. Белый Колодец, Керамика с «рябчатыми» отпечатками.

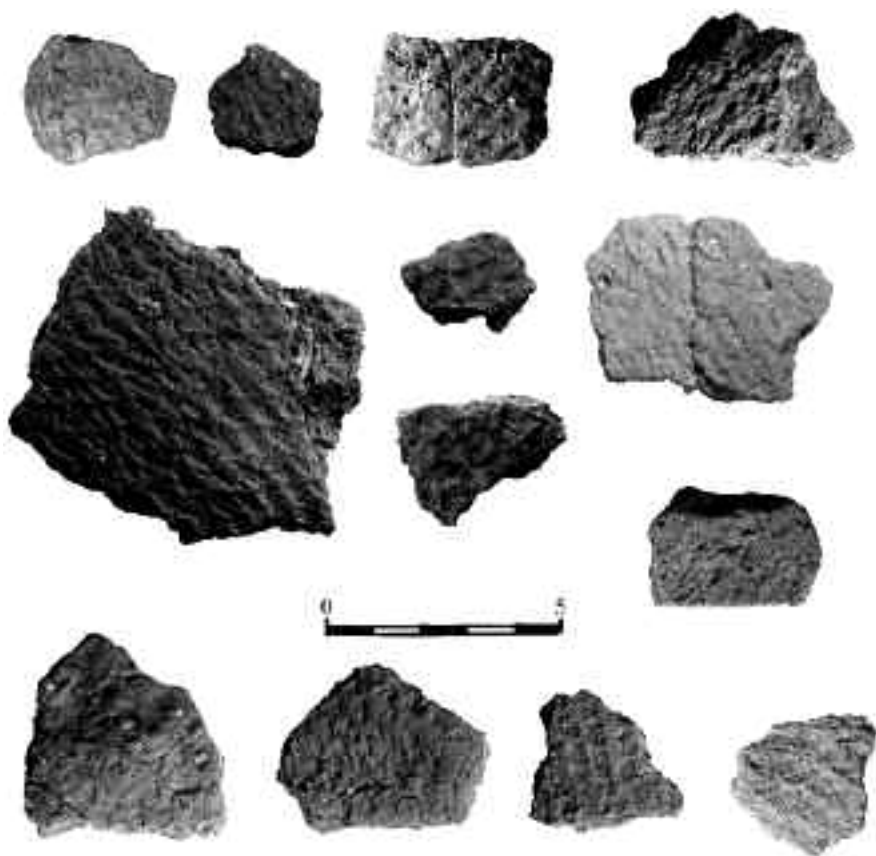

Рис. 68. Сетчатая керамика селища Щурово.

Рис. 69. Сетчатая керамика селища Сосновка IV.

Рис. 70. Фрагмент сосуда с «рябчатым» отпечатком с селища Сосновка IV.

Рис. 71. Развал части сильнопрофилированного сосуда с «нитчатым» отпечатком селища Сосновка IV и его реконструкция, (Коваль В. Ю.).

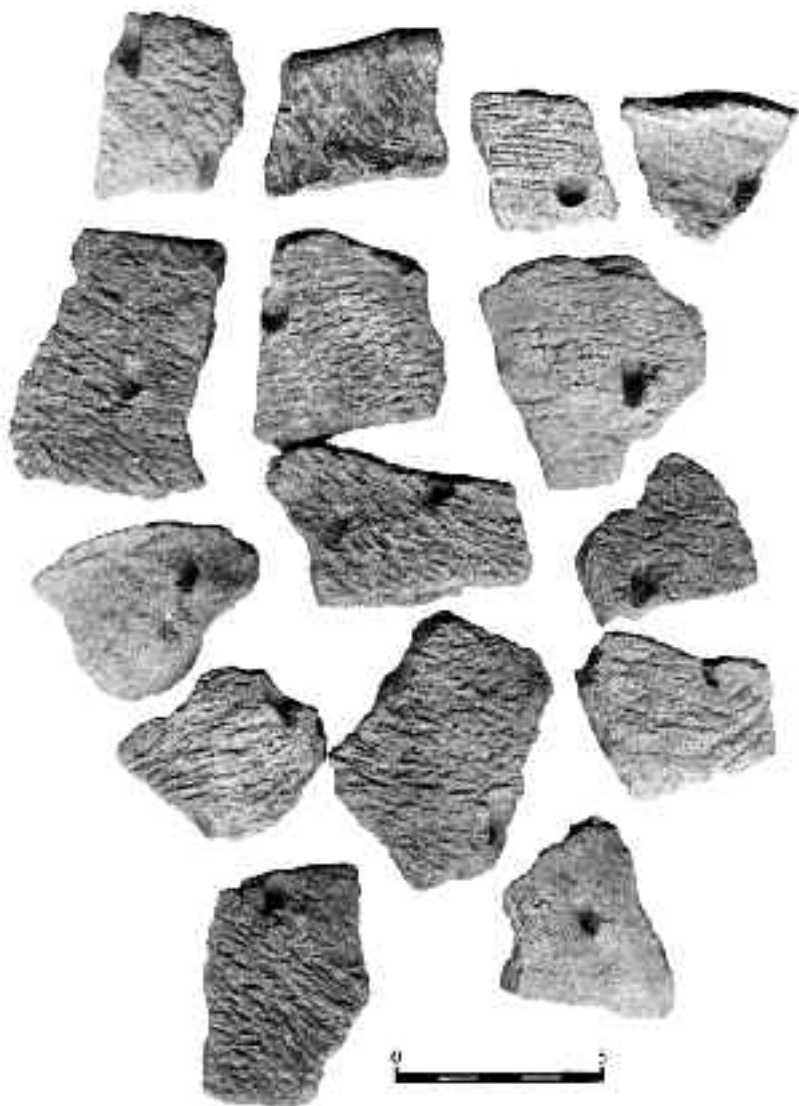

Рис. 72. Керамика из слоя погребенной почвы Городищенского городища.

Рис. 73. Керамика из заполнения оврага, поселение «Блюдечко», раскоп УЛ-2-95.

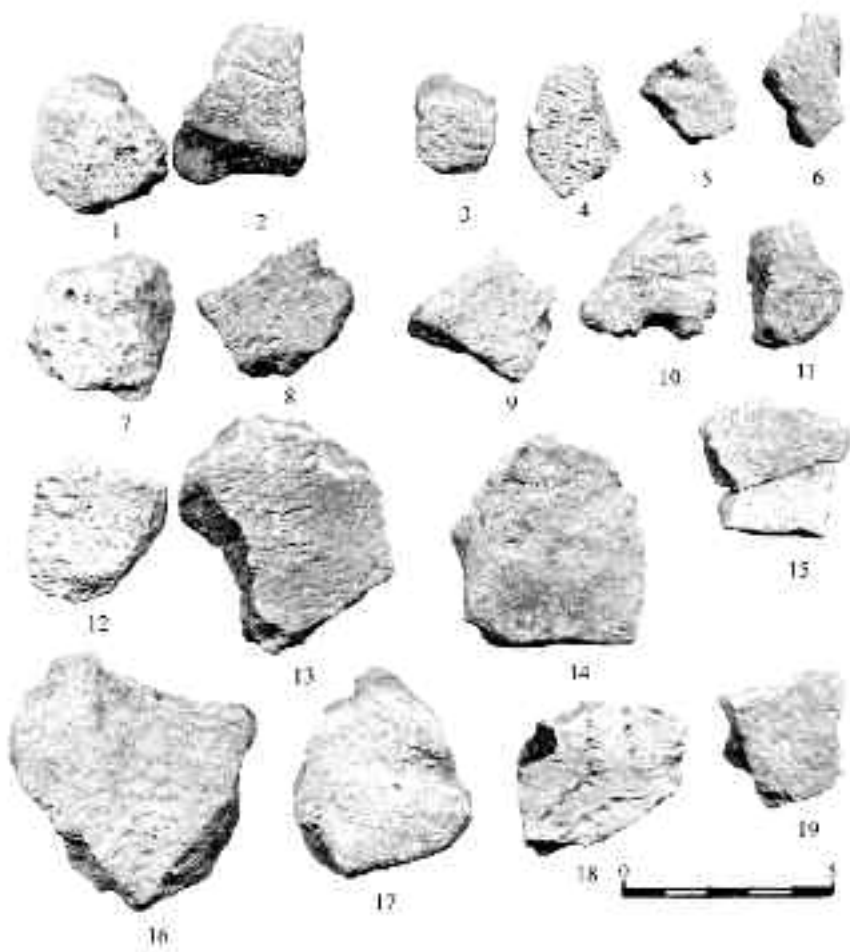

Рис. 74. Сетчатая керамика стоянки Зарудня, (2006 г.).

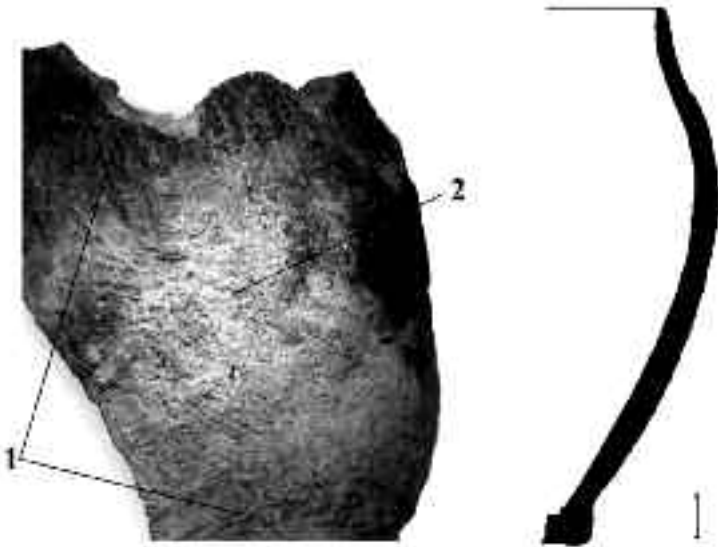

Рис. 75. Профиль и участок поверхности сосуда с «нитчатыми» отпечатками с Зарайского городища. Цифрами обозначены участки поверхности с разной фактурой отпечатка: 1 – крупные жгуты; 2 – тонкие нити.

Рис. 76. Городище, раскоп 2-3 (1998 г.), слой «органического тлена». Сосуд с «нитчатыми» отпечатками.

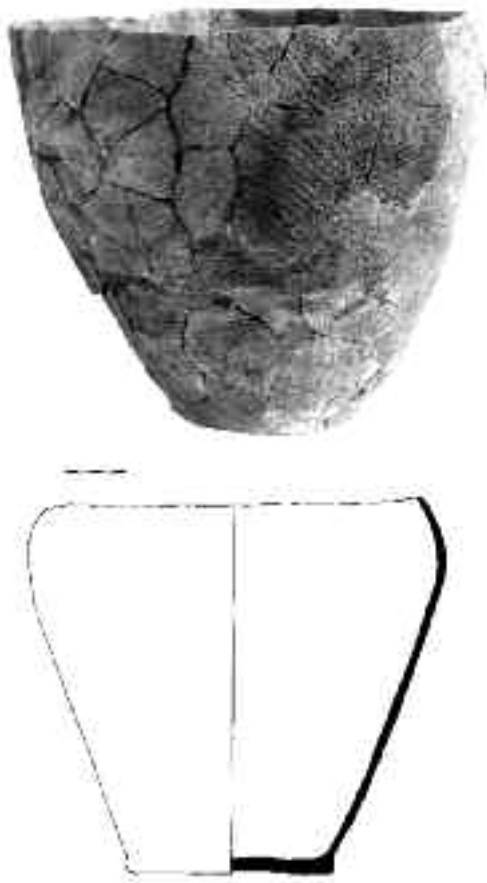

Рис. 77. Городищи, раскоп 2 (1998 г.), слой прокалённой глины. Сосуд с «рябчатыми» отпечатками.

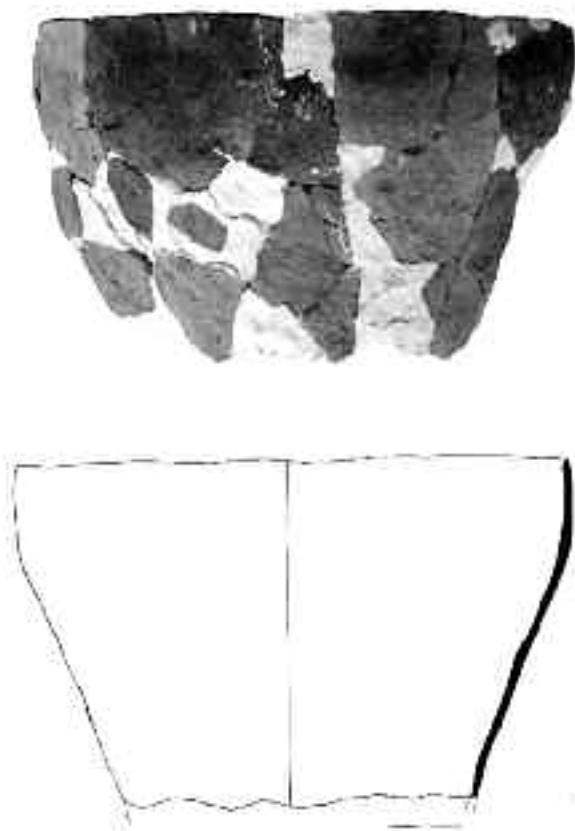

Рис. 78. Городищи, раскоп 3 (1998 г.), слой тёмно-серого гумусированного суглинка. Сосуд с замытой (?) перед обжигом «сеткой».

Рис. 79. Поверхность сосуда с замытой (?) сеткой крупным планом. Сохранившиеся отпечатки отмечены стрелкой.

Рис. 80. Керамика со «стежковой» (?) фактурой отпечатка.
Ростиславль, раскоп V, участок «И», надматерик и горизонт Д3.

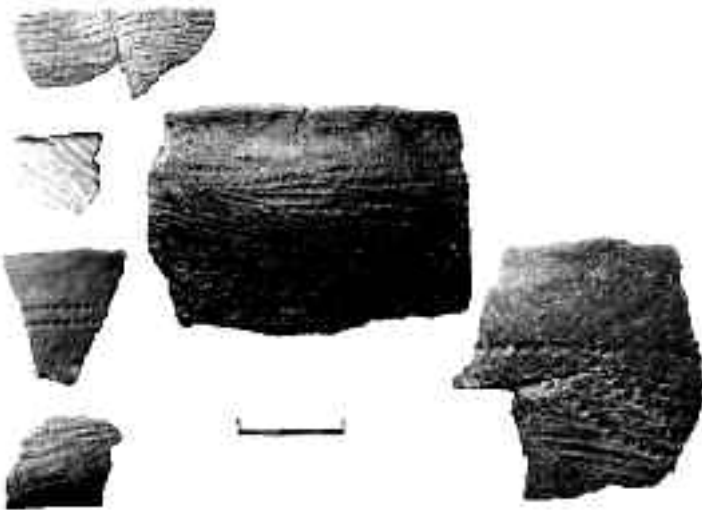

Рис. 81. Штрихованная керамика с гребенчатым штампом.
Ростиславль, раскоп V, горизонты насыпи вала Д3, Д2.

Рис. 82. Городище Ростиславль. 1 — Фрагмент «рогожного» сосуда со знаками; 2 — фрагмент «сетчатого» сосуда с «оштукатуренным» глиной отпечатком.

Рис. 83. Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II. Раскопки Д. А. Крайнова.

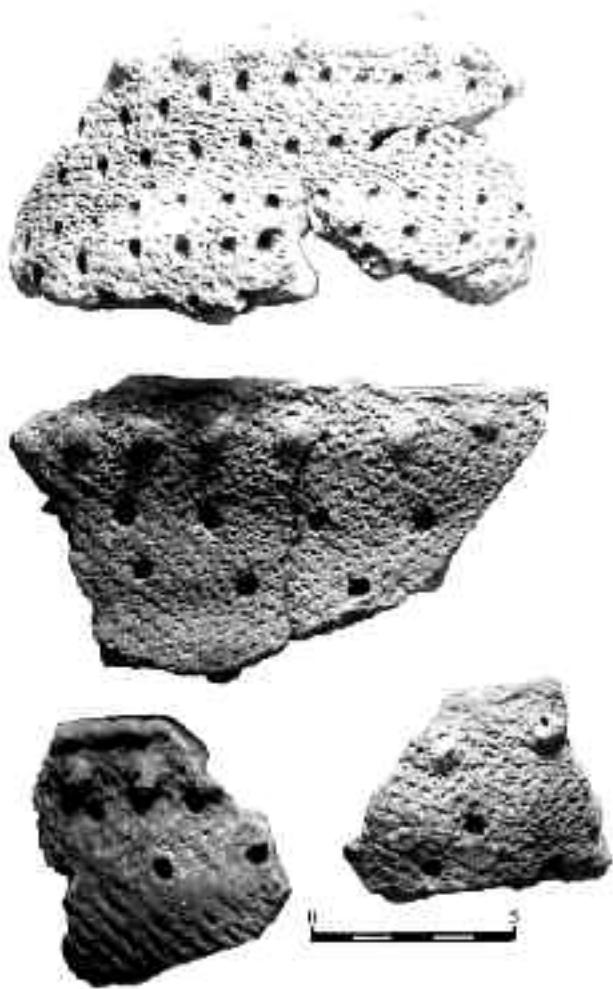

Рис. 84. Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II. Раскопки Д. А. Крайнова.

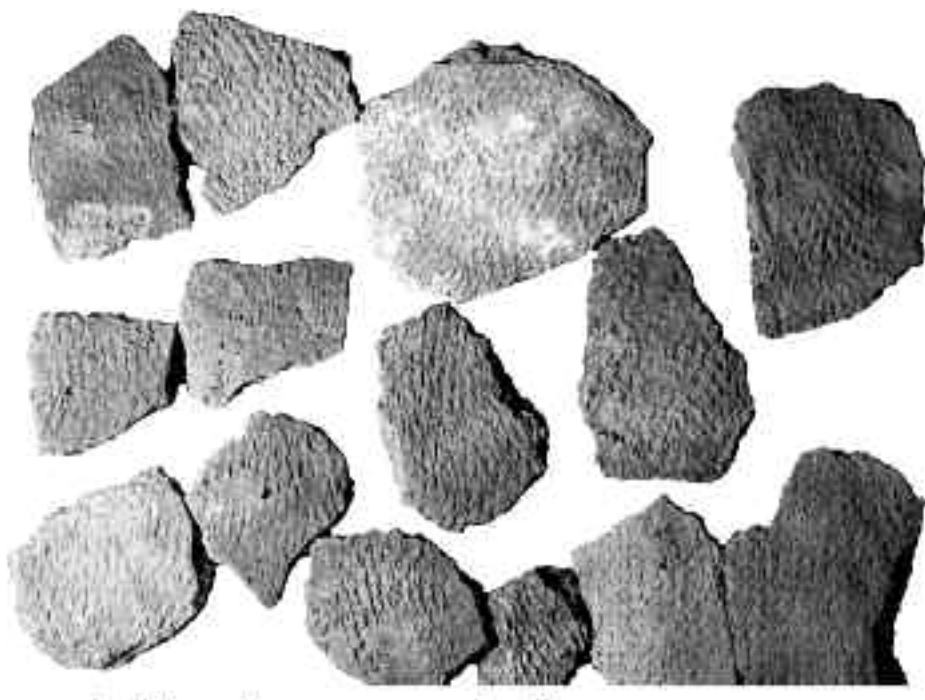

Рис. 85. Сетчатая керамика Пекуновского городища.

Рис. 86. Сетчатая керамика Коренецкого городища.

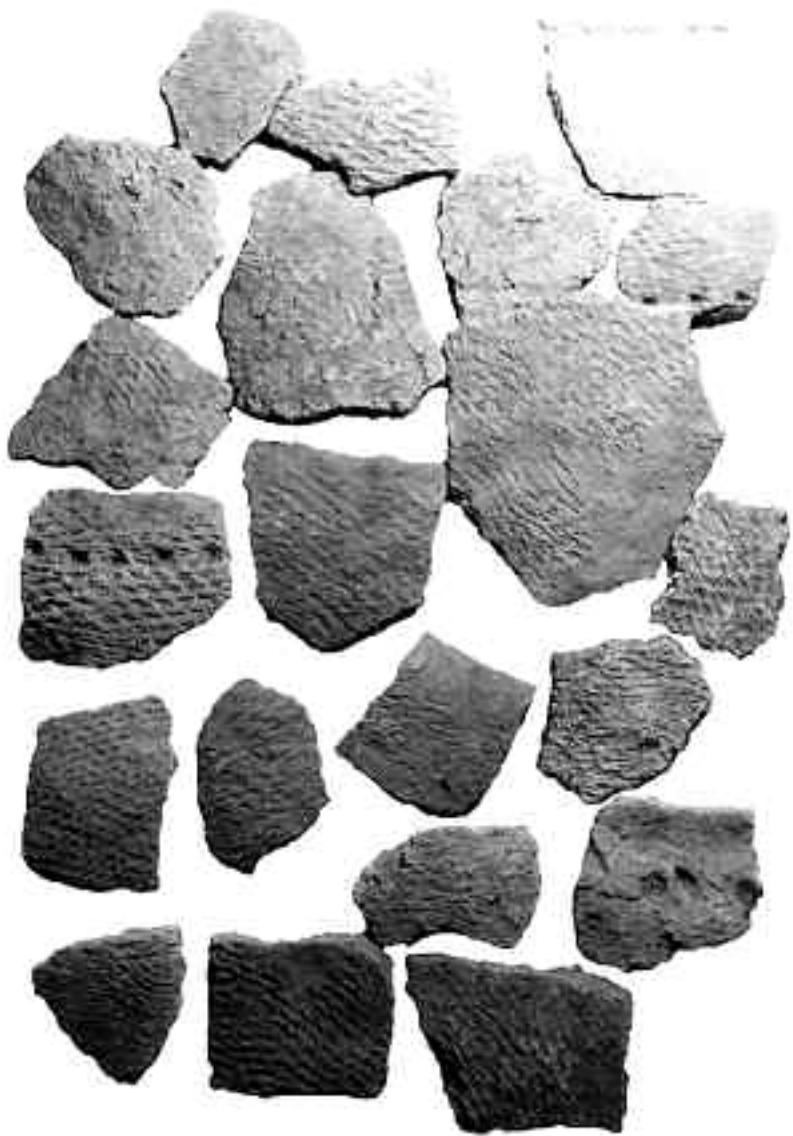

Рис. 87. Сетчатая керамика городища Капотня.

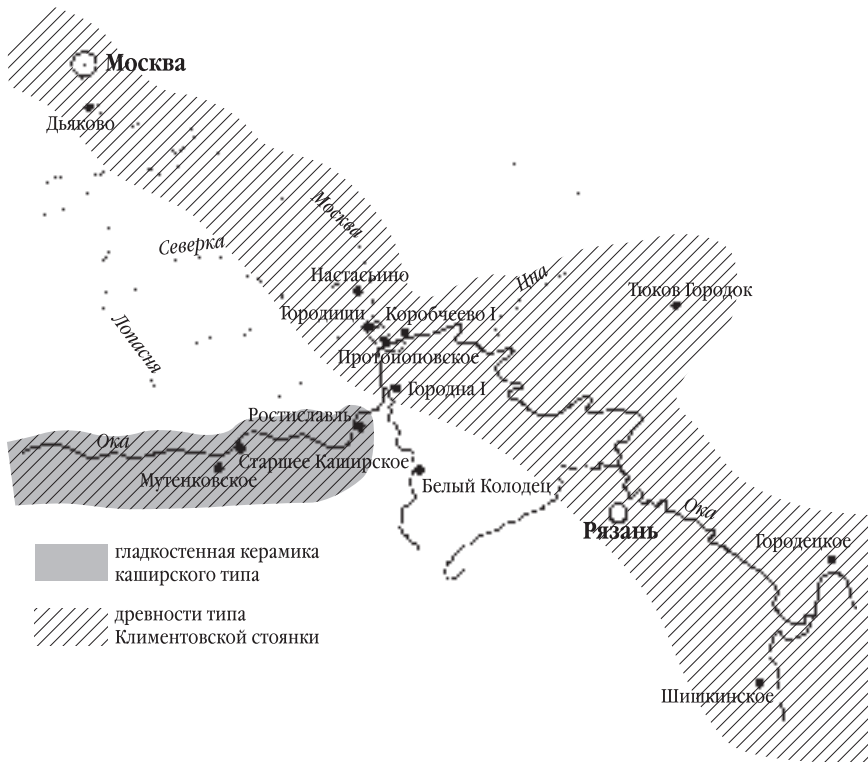

Рис. 88. Распространение типов керамики около VIII–VII веков до н. э.

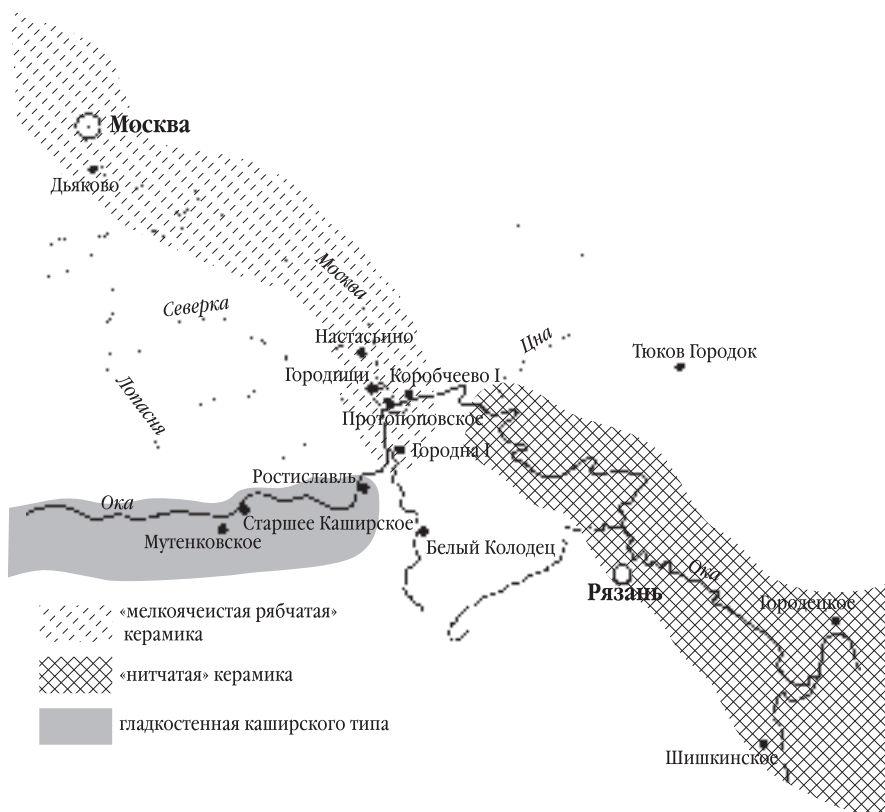

Рис. 89. Распространение типов керамики около VI века до н. э.

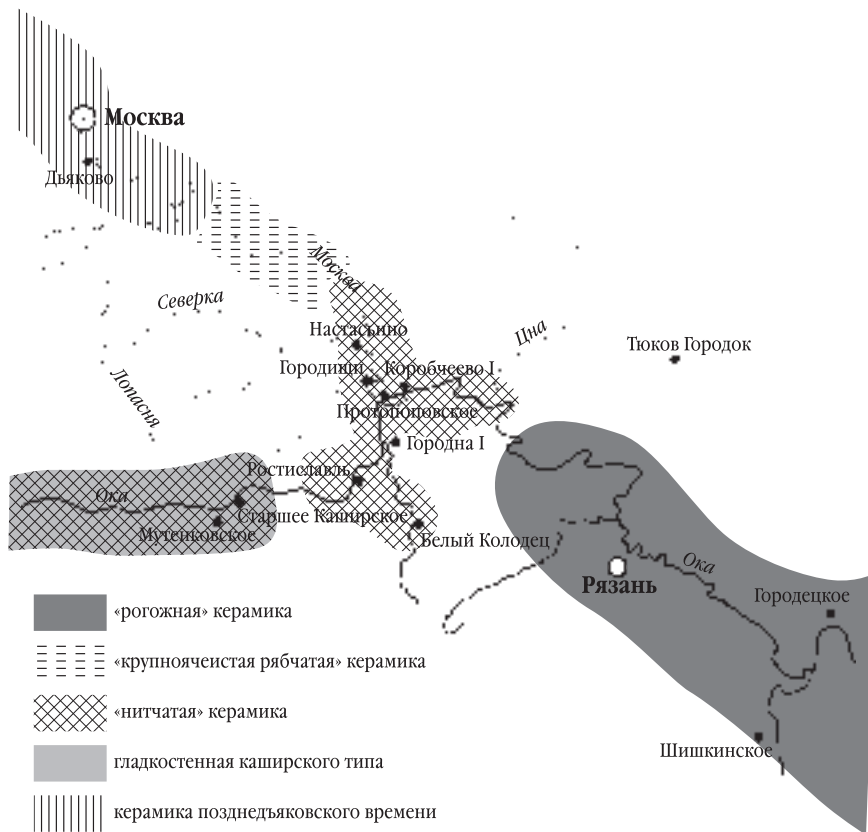

Рис. 90. Распространение типов керамики около V–III веков до н. э.

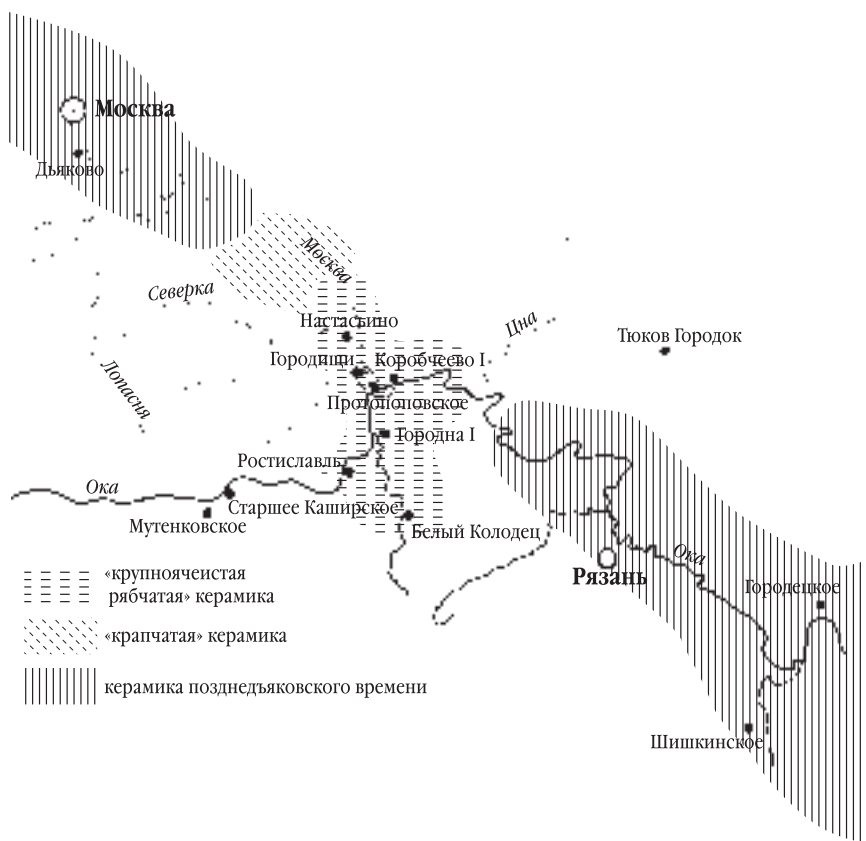

Рис. 91. Распространение типов керамики около II века до н. э. — I века н. э.

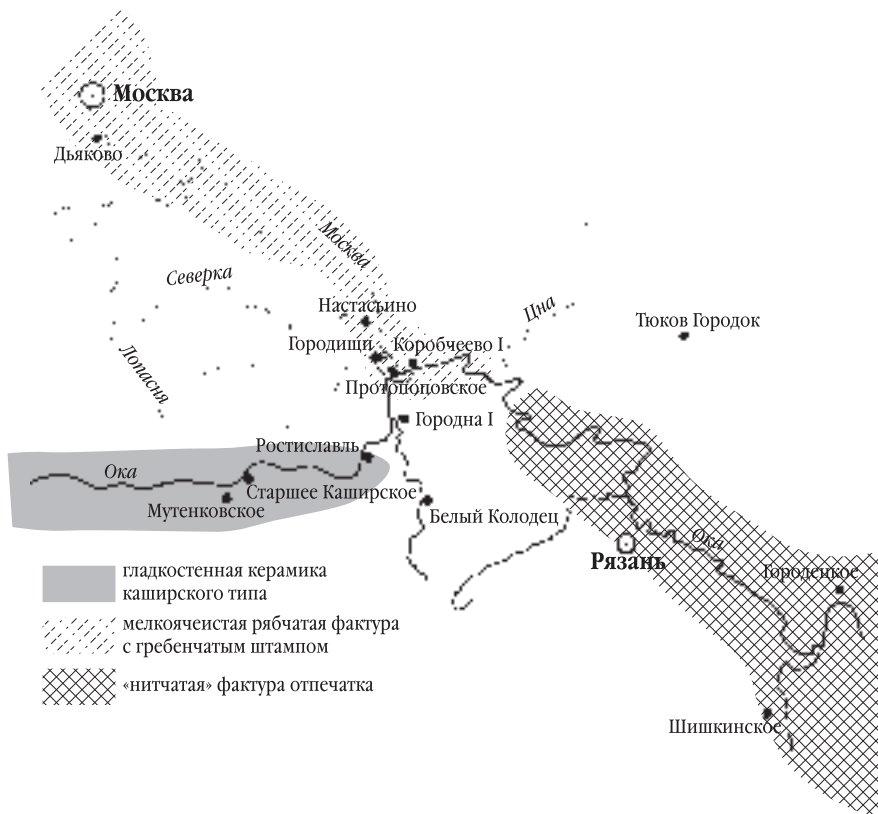

Рис. 92. Распространение типов керамики около II–III веков н. э.

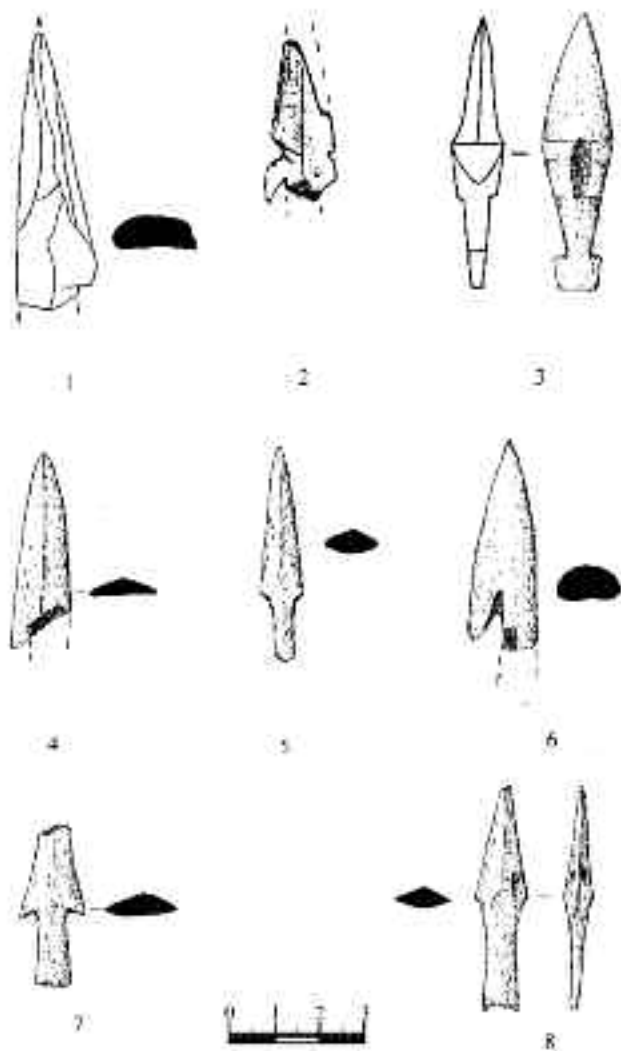

Рис. 93. Костяные наконечники стрел Городищенского городища.

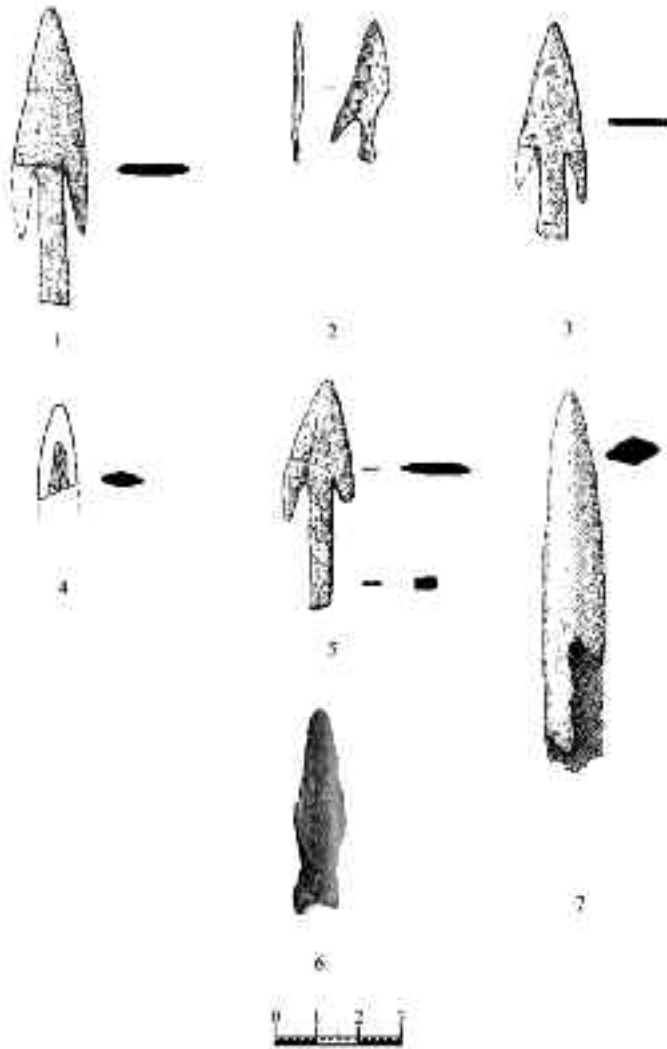

Рис. 94. Наконечники стрел.

1, 4 – Протопопово; 2 – «Блюдечко»; 3, 7 – Палецкое; 5 – Щурово; 6 – Зарудня.
 1-3, 5 – железо; 4, 7 – кость; 6 – бронза.

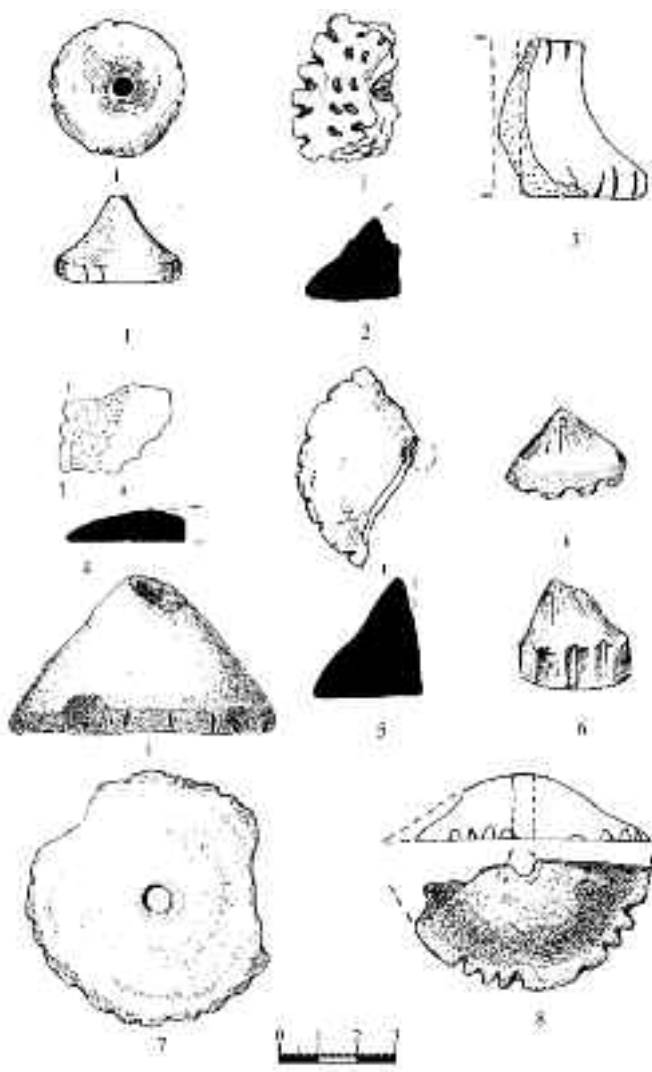

Рис. 95. Грузики дякова типа.
 1–6 – Городищи; 7 – Коробчево 8 – Погост Красно.
 4, 8 – рог, прочие – керамика.

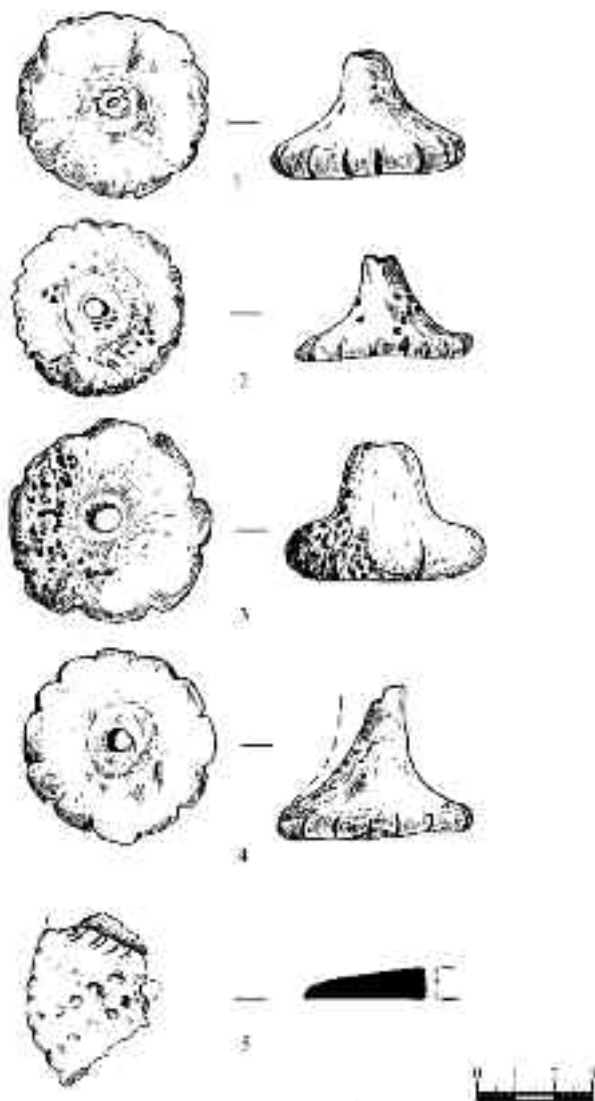

Рис. 96. Керамические грузики дякова типа.

1–4 – Городищи, раскопки Н. П. Милонова, 5 – Городна I, шурф 3 (1998 г.).

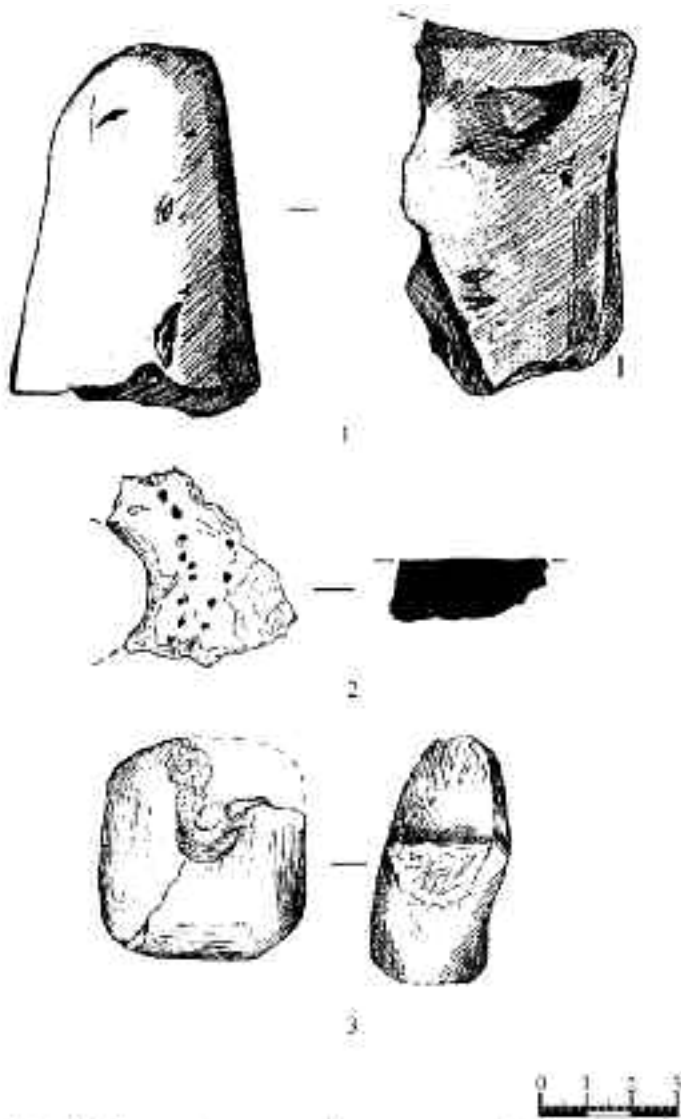

Рис. 97. Фрагменты и модели «рогатых кирпичей». 1 – Погост Красно; 2, 3 – Городищи.

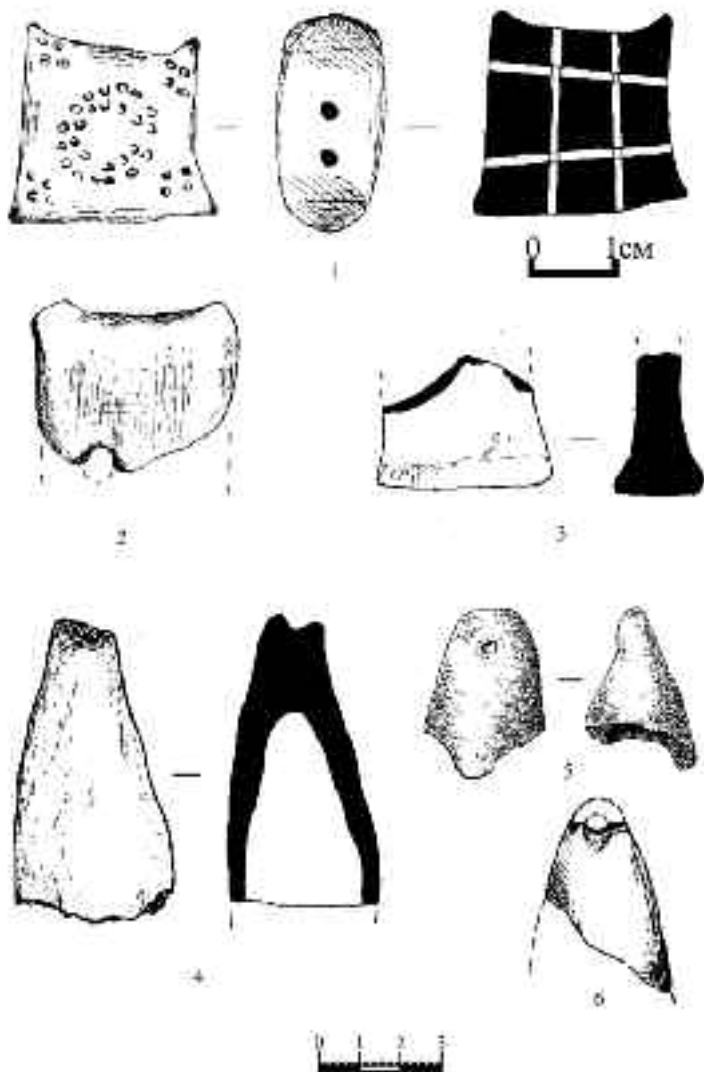

Рис. 98. Фрагменты погремушек и модели «рогатых кирпичей». 1-3, 6 – Городищи; 4 – Протопопово, 5 – Погост Красно.

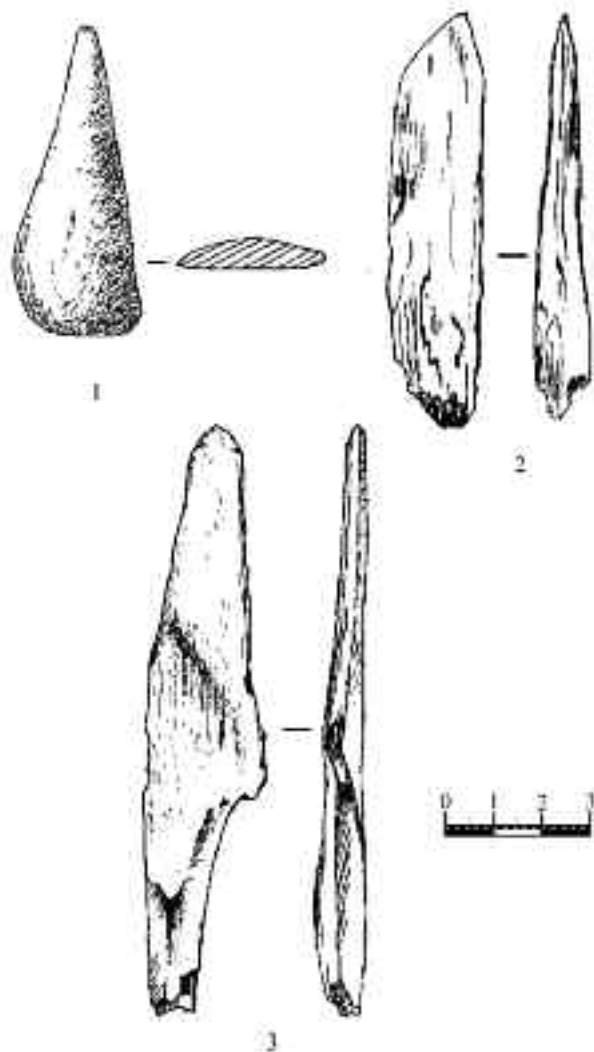

Рис. 99. Костяные ножи Городищенского городища.

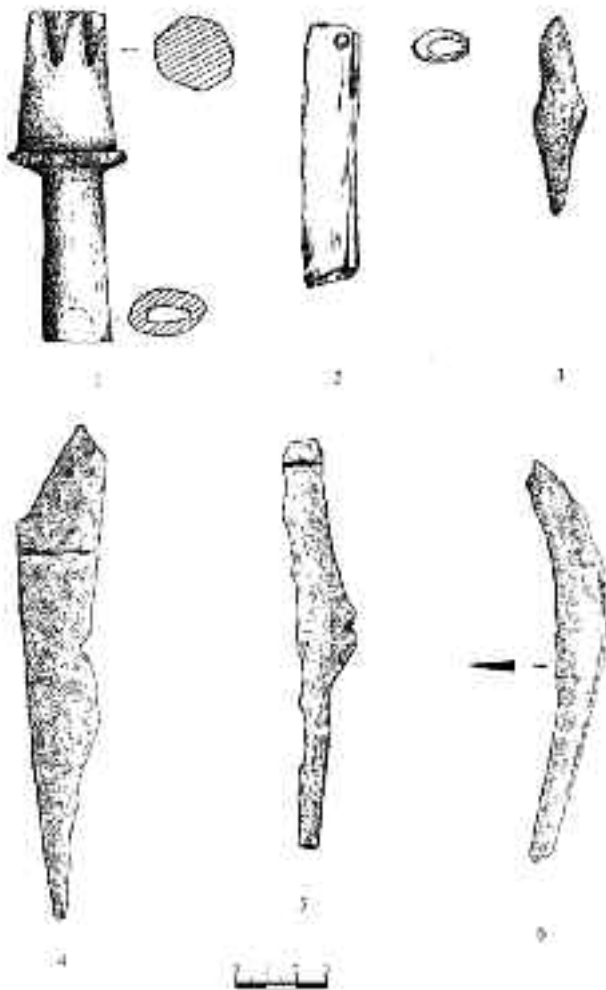

Рис. 100. Железные ножи и их рукояти.
 1-3 - Городищи; 4-5 - Палецкое; 6 - Щурово.
 1-2 - кость (рог), прочие - железо.

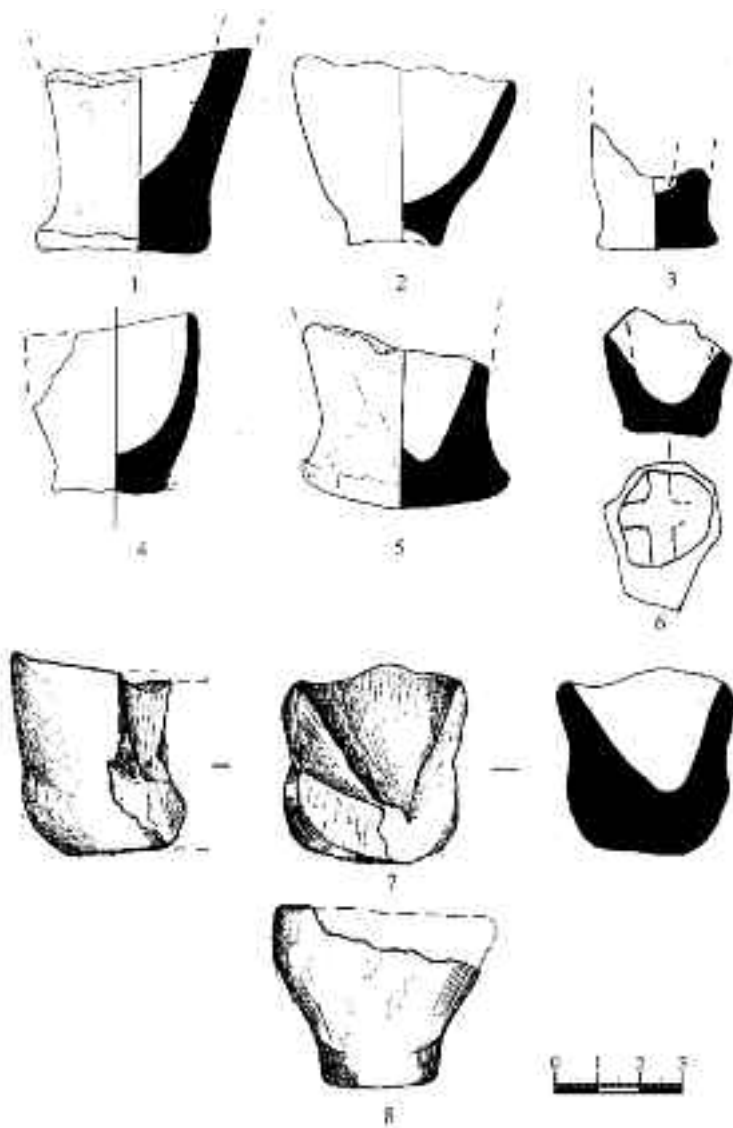

Рис. 101. Миниатюрные сосудики.
 6 – Погост Красно, прочие – Городищи.

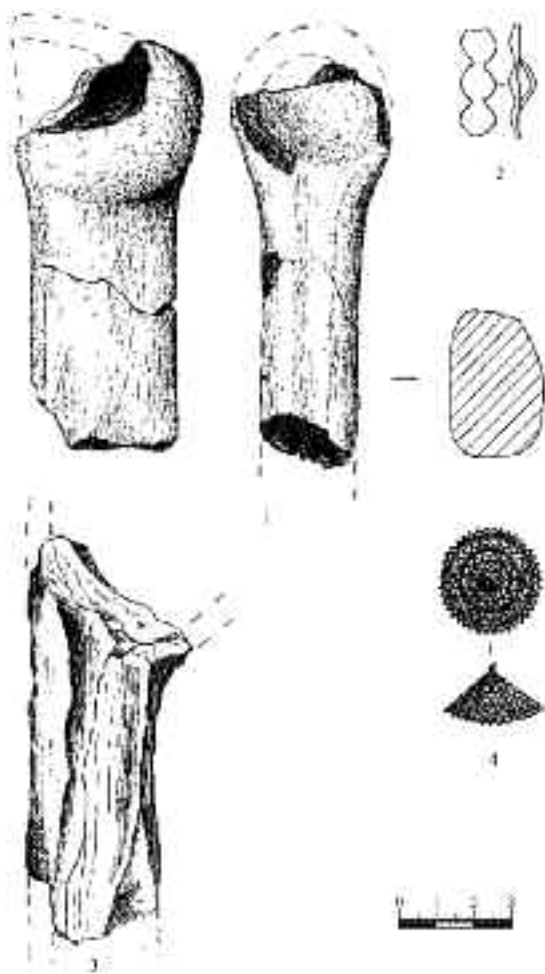

Рис. 102. Тигли и украшения.
 1-2, 4 - Городищи; 3 - Городна I.
 1-3 - керамика, 2-4 - медный сплав.

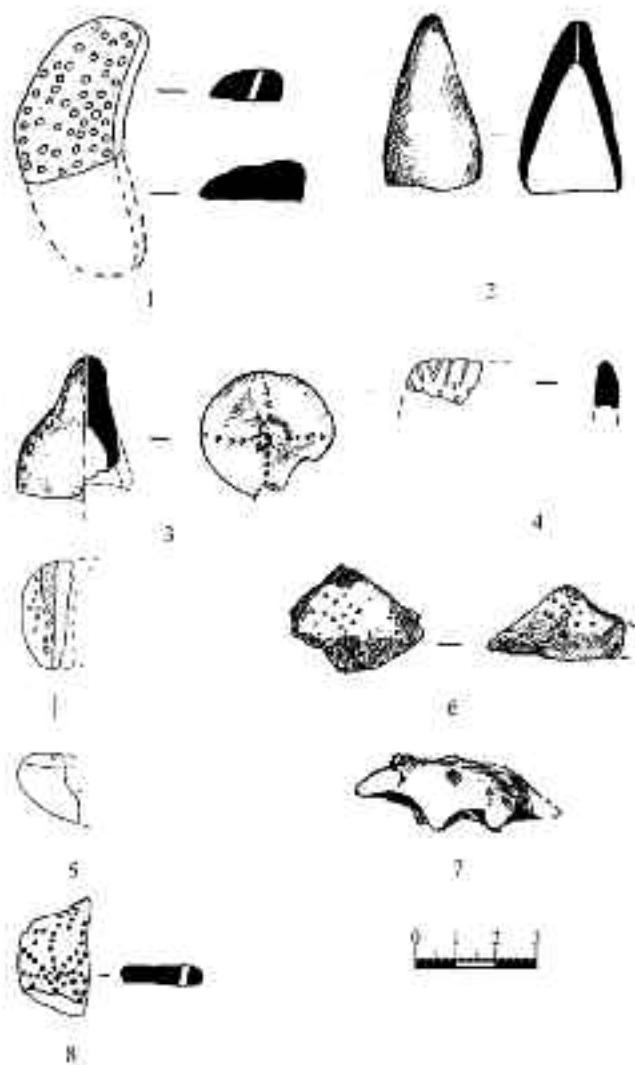

Рис. 103. Мелкая глиняная пластика.

1, 7 – Протопопово; 2–4, 6 – Городищи; 3 – Городна I; 8 – Погост Красно.

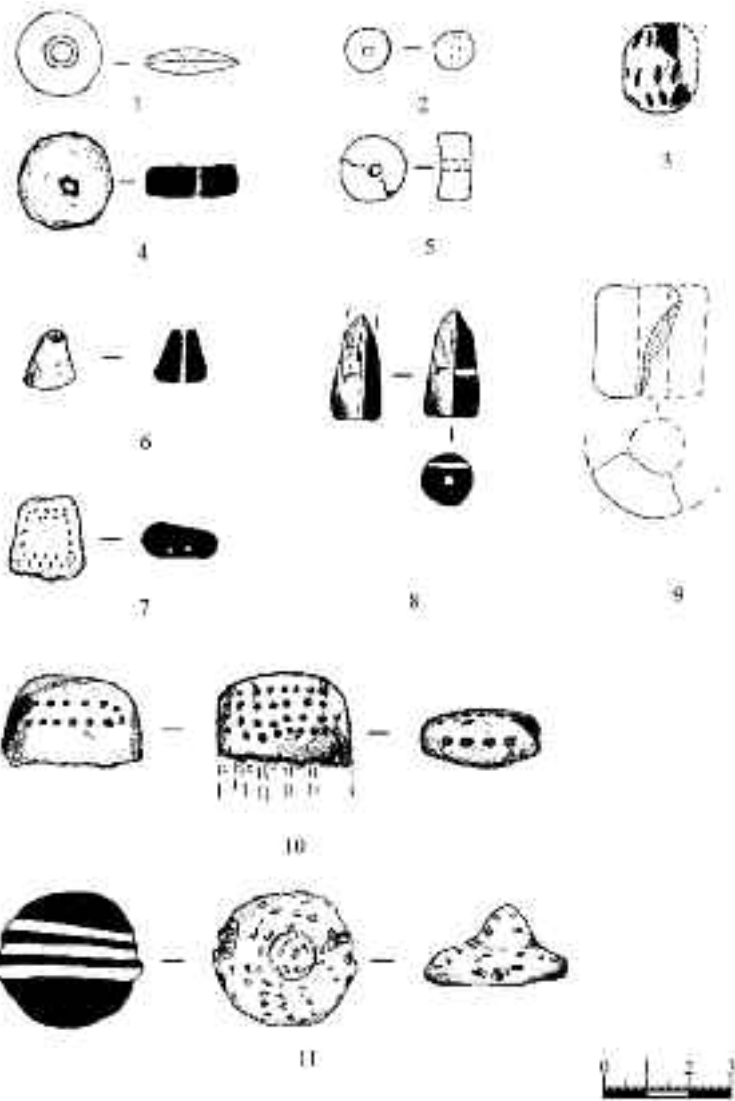

Рис. 104. Бусы. 3 – Погост Красно, 9 – Протопопово; прочие – Городищи.
 1 – кость (рог); 4 – камень (известняк); прочие – керамика.

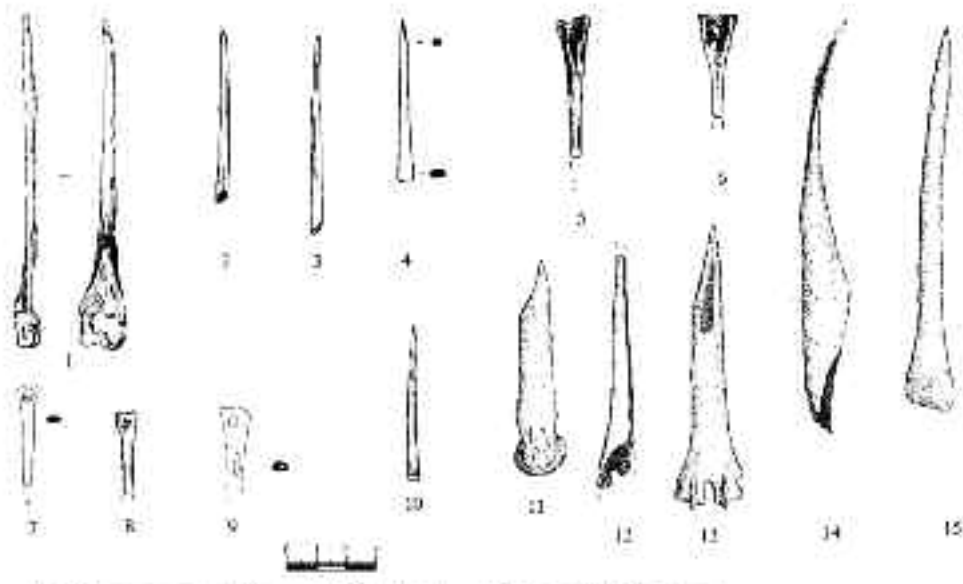

Рис. 105. Костяные проколки и шилья. 1-10 – Городищи; 11-15 – Коробчево.

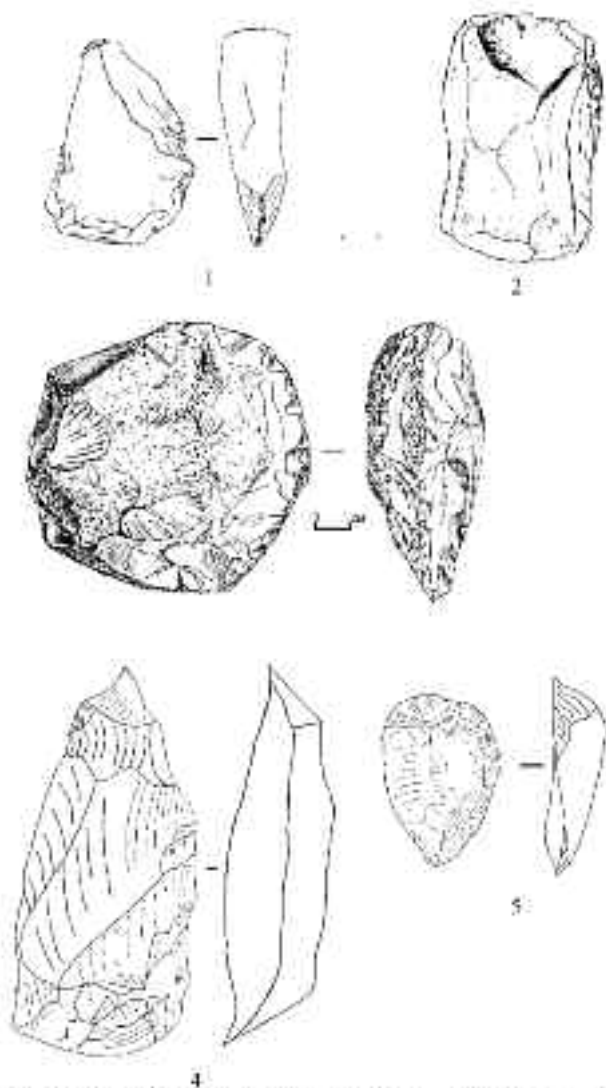

Рис. 106. Макролитические орудия. 1-2 – Городищи; 3 – Погост Красно; 4-5 – Колычёво II (Талицкий М. В., для № 4-5 масштаб неизвестен).

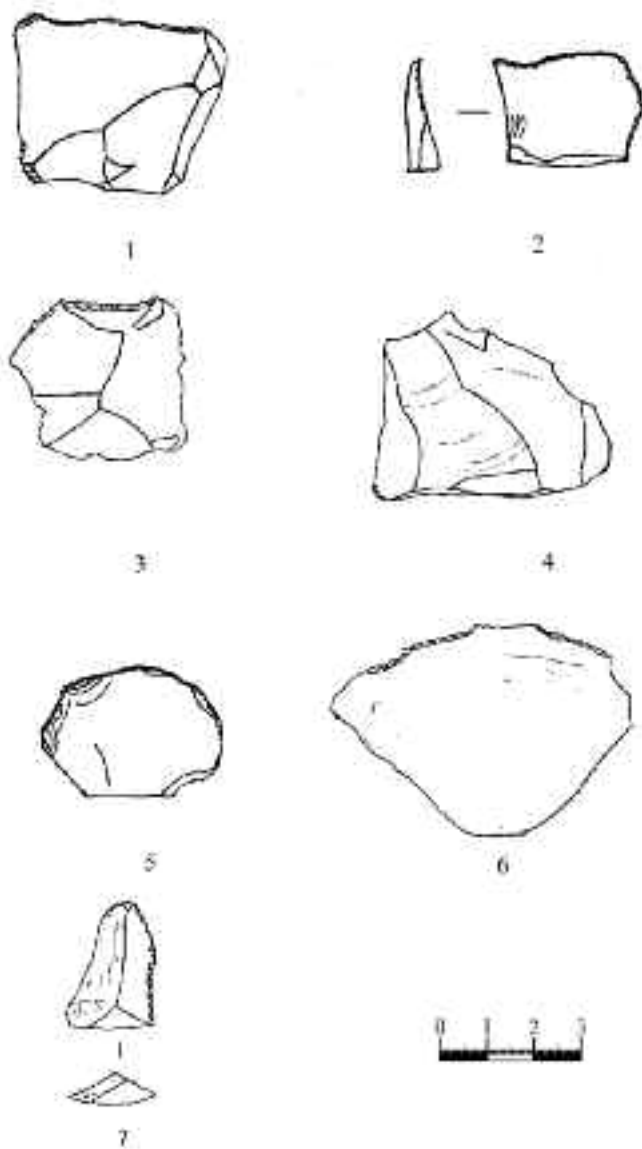

Рис. 107. Отщепы. 1 – Протопопово, прочие – Городици.

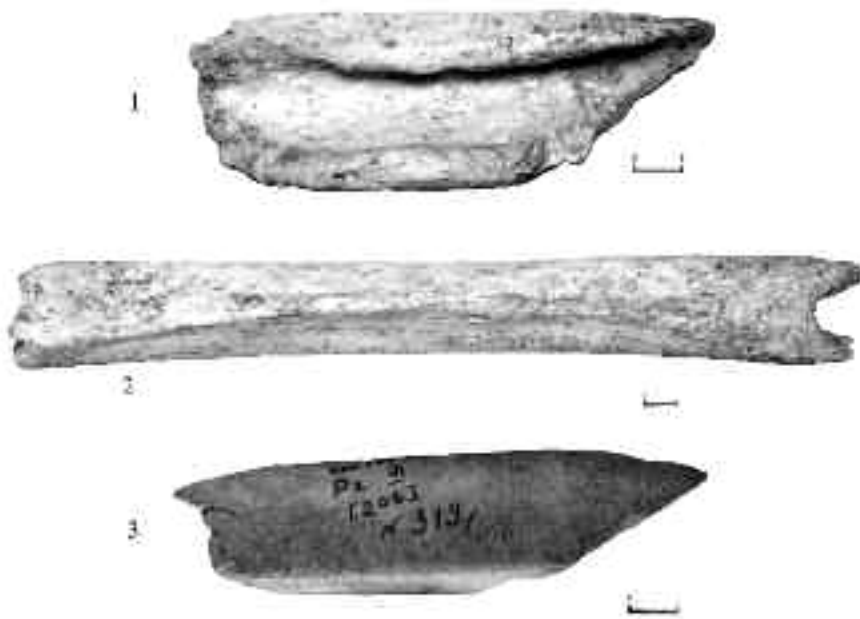

Рис. 108. Обработанные человеческие кости левого бедра с Протопоповского городища (1–2, насыпь вала, шурф 4), аналогичная кость крупного копытного (?) с Селецкого городища (3), раскопки И. Л. Черная.

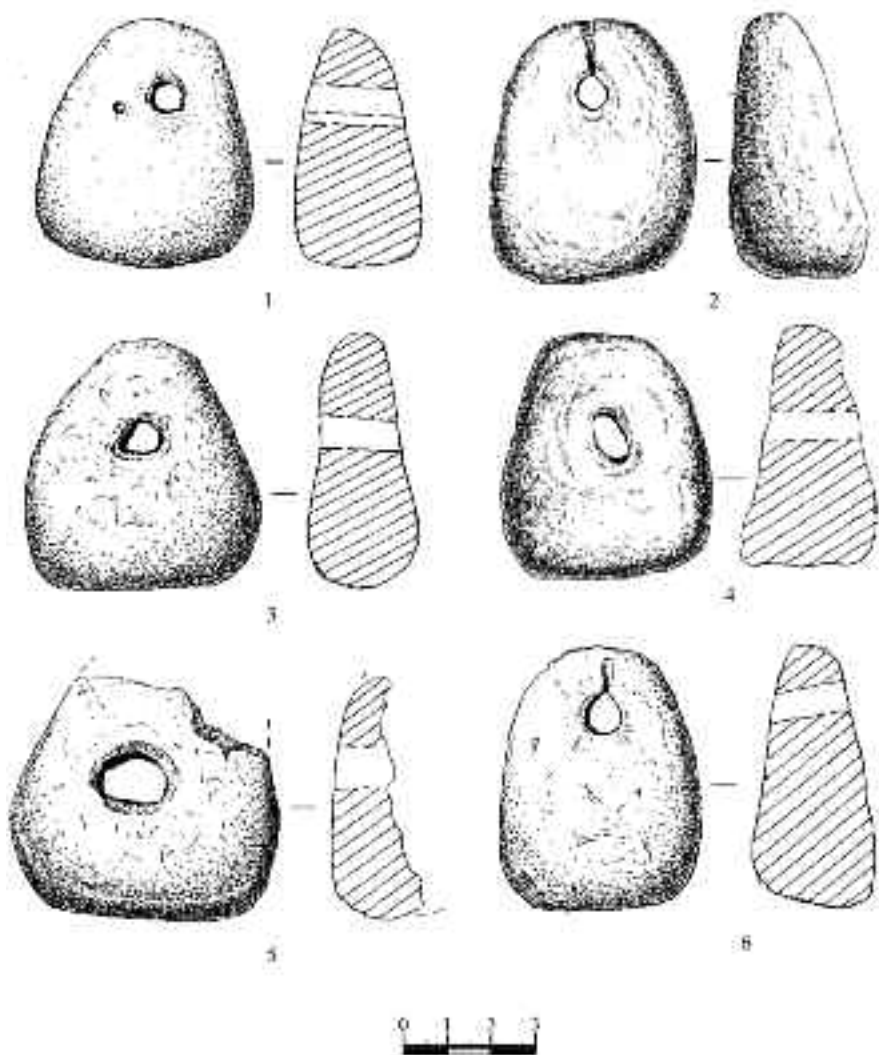

Рис. 109. Грузила с Палецкого городища, раскопки А. В. Дмитриевской.

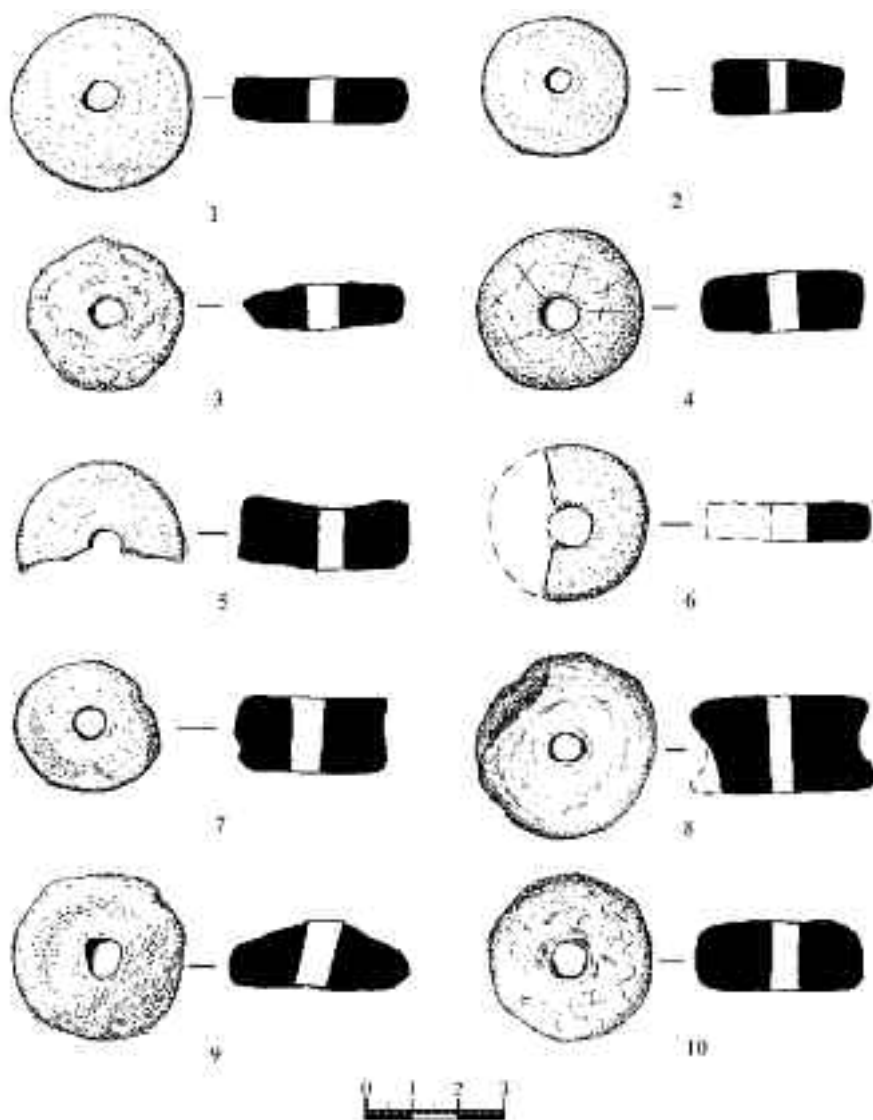

Рис. 110. Грузики с Палецкого городища, раскопки А. В. Дмитриевской.
 1–6 – известняк, прочие – керамика.

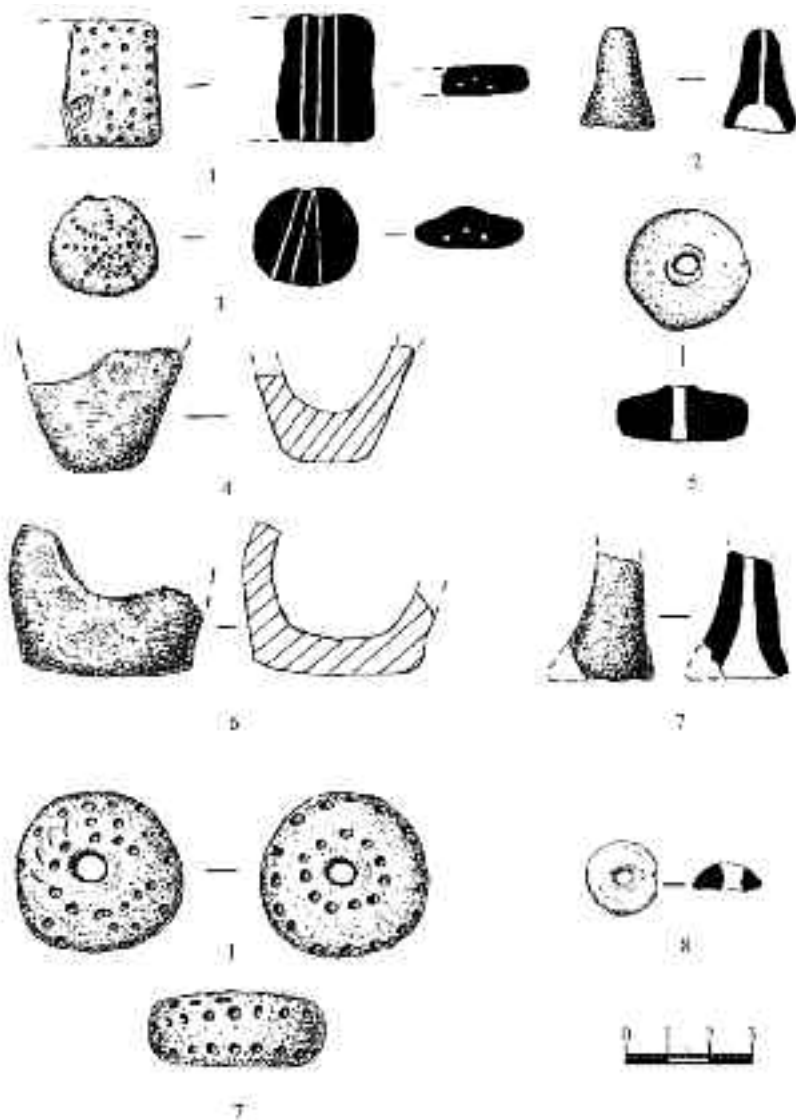

Рис. 111. Мелкая глиняная пластика Палецкого городища, раскопки А. В. Дмитриевской.

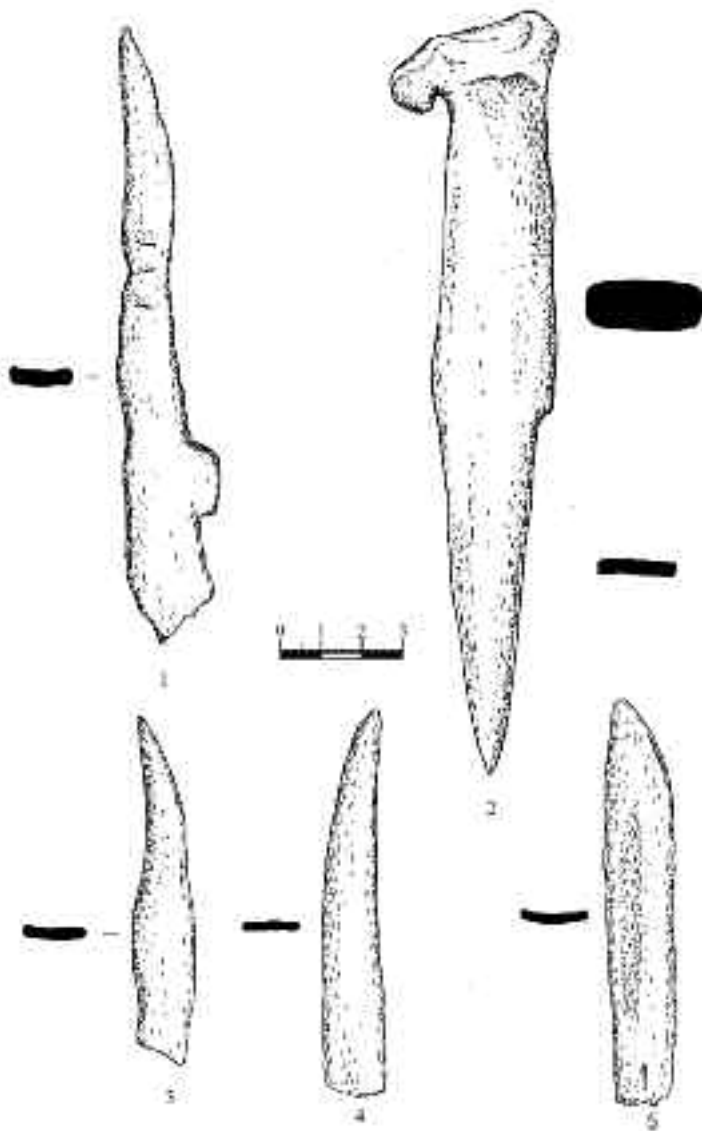

Рис. 112. Костяные ножи Палецкого городища, раскопки А. В. Дмитриевской.

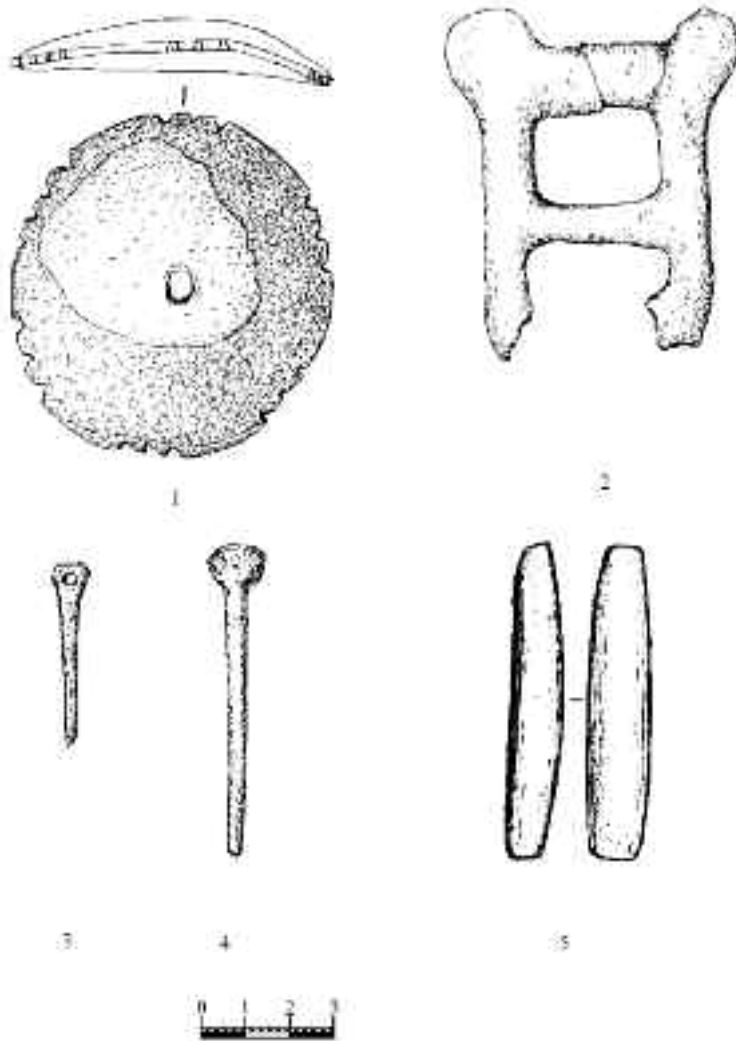

Рис. 113. Костяные и каменное (5) изделия.
 1-4 - Палецкое городище; 5 - Берхино II.

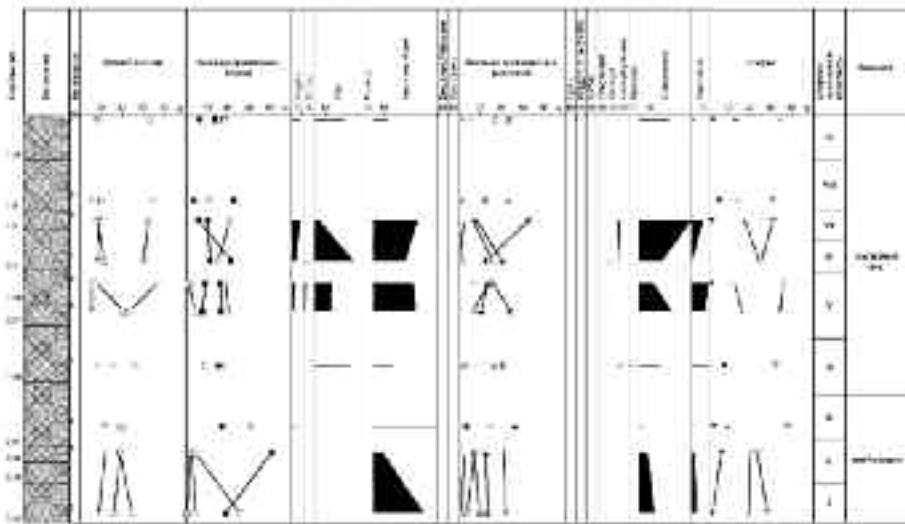

Рис. 114. Споро-пыльцевая диаграмма образцов из насыпи вала Протопоповского городища (Спиридонова Е. А.). Шурф 5.

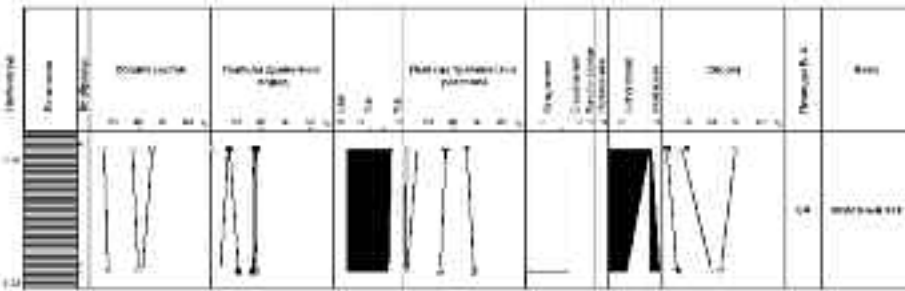

Рис. 115. Споро-пыльцевая диаграмма образцов из культурного слоя Городищенского городища (Спиридонова Е. А.). Участок 4 (1996 г.).

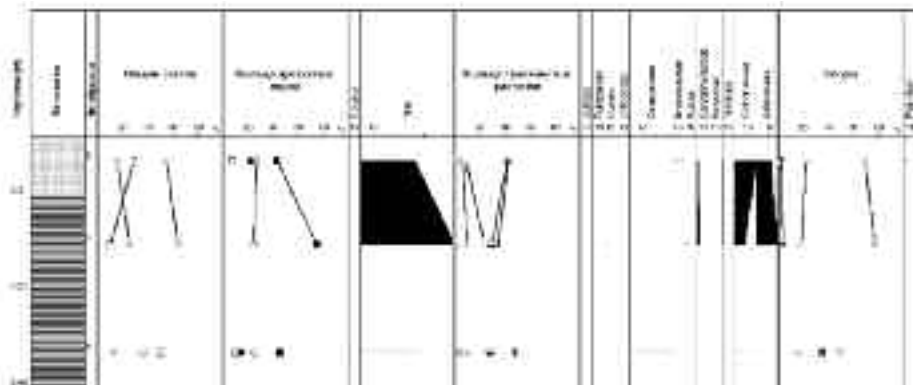

Рис. 116. Споро-пыльцевая диаграмма образцов из культурного слоя Городищенского городища (Спиридонова Е. А.). Участок ба (1996 г.).

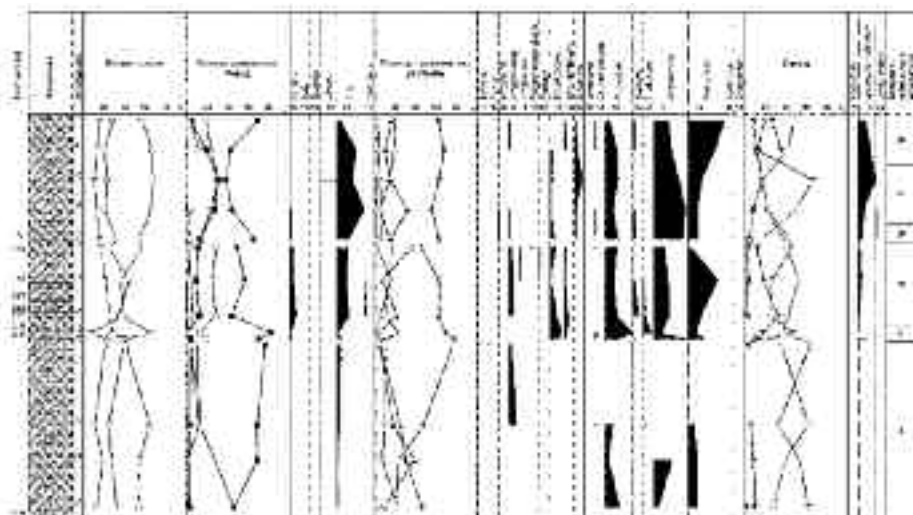

Рис. 117. Споро-пыльцевая диаграмма образцов из отложений рва Городищенского городища (Спиридонова Е. А.). Траншея 1 (1997 г.), квадрат 10.

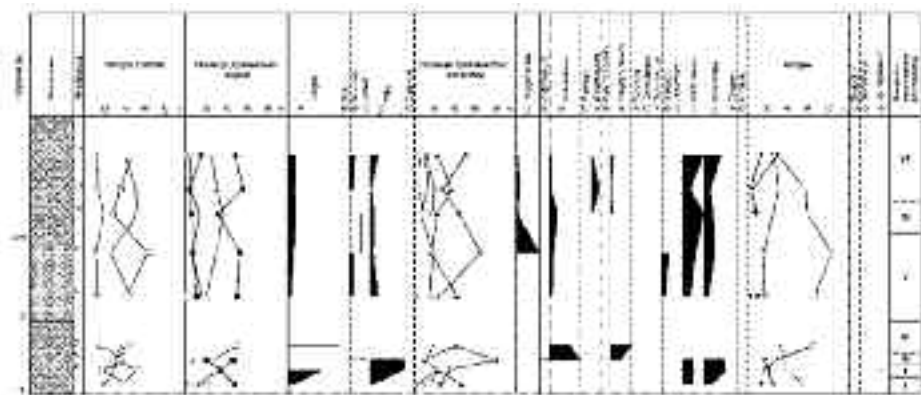

Рис. 118. Споро-пыльцевая диаграмма образцов из насыпи вала и погребённой под валом почвы Городищенского городища (Спиридонова Е. А.). Раскоп 1 (1996 г.), квадрат 12.

